

ЗЕ 46
С Т 50

ДОРИН

ТОВИ

Кошки в доме

**ДЮРИН
ТОВИ**

ЗЕЛЕНАЯ СЕРИЯ

Кошки в доме

Кошки в мае

ДОРИН ТОВИ

Кошки в доме

Перевод с английского
И. ГУРОВОЙ

104660/1 з

Москва
«Дрофа»
2003

46.74

10

УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Вел)-44я5
Т 50

Серия основана в 1994 году

**Иллюстрации
О. Келейниковой**

ISBN 5-7107-6614-3

© Перевод, Гурова И., 1996
© Иллюстрации, Келейникова О., 1996
© ООО «Дрофа», 2003

Кошки в доме

Doreen Tovey

CATS IN THE BELFRY

Elek Books edition published 1957

Глава первая

А МЫШЕЙ ОНА ЛОВИТЬ МОЖЕТ?

Нашу первую сиамочку звали Саджи, купили мы ее из-за мышей. В оправдание столь прозаичной причины могу сослаться лишь на то, что мыши эти были очень даже не обычными, а прихлебателями нашей ручной белки по кличке Блонден¹. За годы они обрели оригинальность и походили на обычных мышей не больше, чем Блонден на обычных белок, и, если уж на то пошло, не более, чем сиамские кошки похожи на всех прочих.

При жизни Блондена мыши нас особенно не допекали, а знай себе путешествовали по дому: то вверх по лестнице, то вниз, то в проволочную вольеру в саду, где Блонден проводил дневные часы с тех пор, как позволил себе прогрызть дыру в двери гостиной, чтобы добраться до яблока.

И мыши занимались делом, трудолюбиво отыскивая орешки и кусочки хлеба, которые он запасал на черный

¹ Б л о н д е н Шарль (1824—1897) — знаменитый французский канатаходец.

день под ковриками и за сиденьями кресел. В первый раз повстречав на лестнице мышку, семенившую с орехом в зубах, точно собака с костью, я слегка ошалела, но в конце концов я с ними свыклась.

Одна мышка повадилась играть со мной в прятки в садовой беседке. И со временем настолько одомашнилась, что в заключение игры выбиралась на открытое место с задорно торчащей изо рта хлебной корочкой, садилась на задние лапки и смотрела на меня взглядом американского миллионера, приценивающегося к Инле Клеопатры.

А другая как-то вечером, не сумев протиснуться с орехом во рту в щель под дверью черного хода, оставила его лежать в комнате, сама выскользнула наружу, распласталась на пороге и принялась подцеплять его лапкой.

А я насмерть перепугалась, наблюдая из кухни, как орех сам собой отчаянно перекачивается под дверью. Я знала, что Блонден тут ни при чем: он уже отправился на боковую. В длинные зимние вечера он ложился рано: мчался наверх в гардероб, где спал на полке под стопкой носков Чарльза, сладко, но достаточно слышно посапывая. Углядев тоненькую лапку полевки и сообразив, что у нас не завелся домовый, я испытала такое облегчение, что открыла дверь и выкатила орех наружу. Естественно, там никого не оказалось. Но когда я проверила несколько минут спустя, орех исчез.

Если бы и дальше все шло столь же тихо и мирно, эту книгу я, наверное, писала бы о мышах, а не о сиамских кошках. Однако очень сырой осенью Блонден простудился и умер, а у нас очень скоро начались серьезные неприятности. Едва мыши обнаружили, что за подушками кресел орехи больше их не ждут, как тут же принялись прогрызать дыры в чехлах. Ну, а отсутствие лакомств под коврами привело их в такую ярость, что они начали отщипывать от них кусочки. Они устраивали налеты на клетку волнистого попугайчика, расхищая его корм и пугая бедняжку до истерики — нервы у него никогда не были крепкими и он постоянно терял перья хвоста, а теперь они сыпались как осенние листья.

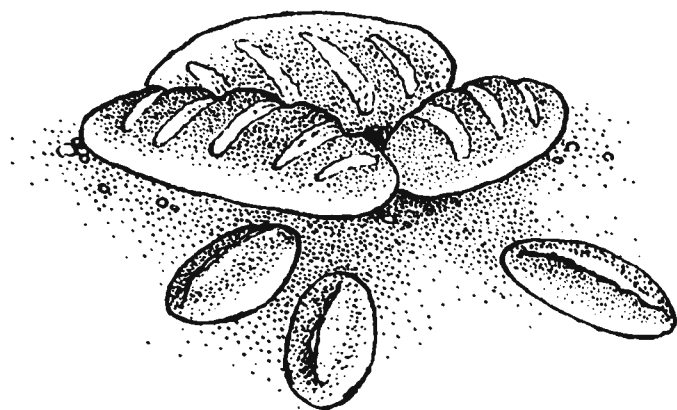
Мыши забрались в ящик комода, куда и не думали заглядывать в дни изобилия, и там злонамеренно отгрызли все углы аккуратно сложенной парадной скатерти. Когда в один прекрасный день я ее развернула, она оказалась вся в прорехах в форме звезд и полумесяцев, словно позамитствованных с турецкого флага. О том, чтобы постелить ее на стол, нечего было и думать. Я прямо-таки слышала, как дурацкие мыши хихикают, хватаясь за животы, и в ту же ночь одна (вероятно, выбранная общим голосованием) прогулялась по моему одеялу, а потом и по лицу, просто чтобы я не очень зазнавалась.

Последней каплей стало утро, когда я открыла хлебницу и увидела, что внутри крохотная полевка отрабатывает прыжки в высоту. Видимо, она забралась туда перекусить, оказалась в ловушке, когда крышку закрыли, ну и совсем потеряла голову. Она проделала уже столько этих панических прыжков, что они вошли у нее в привычку, и, когда я вытряхнула ее на пол, направилась было к черному ходу, подскакивая точно кенгуру, а потом сообразила, что выбралась на свободу, и за дверь вылетела ракетой.

Это был конец. Мы уже пытались найти белку взамен Блондена, и, если бы нам это удалось, равновесие между

мышами и людьми могло бы восстановиться. Блондена мы в свое время подобрали еще детенышем — он лежал под деревом покалеченный, и нам как-то в голову не приходило, что он не самое обычное домашнее животное. Однако теперь, когда мы заходили в один зоомагазин за другим и, перекрикивая оглушительную какофонию, слагавшуюся из тьяканья щенков, мяуканья котят, криков попугаев и бульканья золотых рыбок, просили показать нам простенькую, самую обычную белочку, продавцы явно принимали нас за умалишенных. Seriously к нам отнесли только в зоопарке при Риджент-парке, но в ответ на наши жалобные мольбы сообщили, что у них уже есть длинный список желающих обзавестись белкой.

Ставить ловушки даже на мышей — ни за что! Оставался только один выход: раздобыть кошку и уповать, что после одной-двух молниеносных расправ мыши поймут намек и оставят нас в покое. Беда была в том, что кошки нас не слишком привлекали. Мы опасались, что кошка начнет охотиться на птиц возле дома, а многие из них уже стали совсем ручными. «В любом случае, — сказали мы, — откуда нам взять кошку с такими милыми, забавными повадками, как у Блондена? Ведь от нее не дожидаться, чтобы она прокусила часы Чарльза, ловя того, кто тикает, или отгрызала уголки библиотечных книг, или откусывала пуговицы с брюк гостей, когда они приходят на чай».

Мы колебались и ничего не предпринимали. И тут в одно знаменательное утро нас представили Мими, юной сиамской красавице, которая недавно поселилась у наших соседей, живущих дальше по дороге. Ей исполнилось полгода, и ее отдала им женщина, которая уезжала за границу и была вынуждена расстаться с ней. Мими прожила у них всего две недели и уже произвела подлинно революционный переворот в домашнем укладе не склонного к фантазиям сельского жителя, собака которого спала снаружи на цепи в полной сквозняков конуре, а обычным кошкам полагалось ловить крыс в амбаре и сараях, но чтобы в дом — ни-ни!

Мими же спала не просто в доме, но в кресле Адамса, хозяина, на его плисовом жилете, который он вечером, раздеваясь ко сну, специально стелил для нее. После наступления темноты и в дождь ее не выпускали из дома — и соседи с возмущением в голосе рассказывали, что своими глазами видели, как старик после ужина заботливо насыпал землю в ящик — известно для чего.

И в деревушке среди суровых холмов, где мужчины гордились своей закалкой — еще не забыты были дни, когда они устраивали схватки на выгоне, кто кого перебрыкает, а теперь ни один не позволил бы себе катить детскую колясочку даже в гору, — Адамс, самый старый, самый закаленный из них, прогуливал по дороге, надуваясь гордостью, сиамскую кошечку в алой шлейке из грубой шерсти. За качество шлейки он извинился.

— Мать, — объяснил он, — как поедет в город, купит настоящую, с бубенчиком. А пока приходится обходиться вот этой, потому как Маймай (так он переименовал ее кличку, и только много месяцев спустя, когда я помогала ему составлять родословную для ее первых котят, выяснилось, что первая владелица назвала ее Мими в честь героини «Богемы» Пуччини), — потому как Маймай первый раз в охоте и надо держать ее подальше от котов.

Я уставилась на нее с удивлением: я ведь слышала, что сиамки в такие периоды доводят своих владельцев до иступления, воплями и визгом требуя мужа, а эта стоит се-

бе на дороге тихая и целомудренная, точно монахиня, хотя лишь тонкий шерстяной шнурочек удерживает ее в стороне от страстных деревенских котов, которые тут кишмя кишат.

Я спросила:

— Уж не немая ли она?

— Куда там, — ответил он с гордостью. — Когда есть захочет, никакому быку с ней не потягаться, или когда ей мое кресло требуется. А чтоб кота — ни-ни. Порода, одно слово, на простых кошек и не взглянет. А шлейка — это чтоб ее побыстрее на руки подхватить, если на нее кот бросится.

Да, в ней все говорило о породе — начиная от узкой темной головы, прекрасной как голова египетской царицы, вырезанной из эбенового дерева, и кончая кончиком изящного гибкого хвоста. Я подумала, что еще никогда не видела такого красивого животного, а когда старик рассказал нам, как она, точно обезьяна, залезла по занавеске на карниз, уселась там и отказывалась слезать, а другой раз давай прыгать по комнате с пианино на каминную полку, что твоя скаковая лошадь, я поняла, что пропала. Ну, совсем Блонден, с тем преимуществом, что, по словам старика, сиамские кошки никогда ничего не ломают и не бьют.

Мне оставалось удостовериться лишь в одном.

— А мышей она ловить может? — спросила я. Уж лучше бы я спросила любителя скоростей, может ли его машина двигаться по горизонтальной плоскости быстрее пятидесяти миль в час.

— Мышей! — вскричал старик Адамс с испепеляющим презрением. — Да она на днях ужа приволокла фута в четыре, голову уже откусила, а сама с ним играет, как с веревкой.

Несколько недель спустя мы с Адамсом стали оба и умудреннее и печальнее. В следующий раз, когда Мими вошла в охоту, она выдрала подушку из сиденья кресла, чуть не свела с ума всю деревню своими воплями, а под конец выпрыгнула из окошка спальни и помчалась по дороге на ферму, где от судьбы, что для девицы горше смер-

ти, спаслась потому лишь, что ее темная восточная мордочка и сверкающие голубые глаза насмерть перепугали тамошнего, в славных шрамах, кота, и он все еще жался за бочкой с дождевой водой, когда миссис Адамс, стеная и ломая руки, пыхтя взобралась по склону следом за ней. В следующее воскресенье старик Адамс навел нас с Мими: она грациозно семенила следом за ним, вновь воплощение тихой скромности. Он сказал, что его жена, когда в последний раз ездила в город, взяла в библиотеке книгу про кошек, и выяснилось, что сиамок нельзя спаривать, пока им не исполнится год. Если им, сказал он, еще шесть месяцев терпеть, чтобы чуть не каждые две недели чертова кошка надрывалась, требуя кота, а соседи стучали в дверь и жаловались на шум, так он спятит, не иначе. Мы хорошо его понимали. У нас были свои неприятности. За время, прошедшее после нашей прошлой встречи, мы приобрели Саджи, и первым делом, вступив в свои новые владения, она взлетела вверх по занавескам точно так, как рассказывал Адамс, баллистической ракетой просвистела на птичью клетку и до того напугала Шорти, что он потерял последние хвостовые перья.

На мышей она ни малейшего впечатления не произвела. Как раз накануне ночью они прогрызли дыру в пылесборнике пылесоса, и, когда я его включила, на наш новый индийский ковер кремового цвета хлынул мусор — фунта с два. И я все еще ломала голову, как мне его очистить.

Глава вторая
ДЩЕРЬ ЦЕЗАРЯ

Саджи влюбилась в нас с первого взгляда. Чем поставила нас в крайне неловкое положение, так как мы твердо решили, что наша сиамочка будет силпойнт, как Мими, а когда хозяйка сказала, что все котята силпойнт уже распроданы, и предложила взглянуть на двух блюпойнтов — единственных, которые остались, само собой разумеется, что мы согласились только из любознательности.

К несчастью, Саджи этого никто не объяснил. Ее брат, — его уже почти купила какая-то дама, которая забрала одного котенка силпойнта, а за ним намеревалась вернуться, если согласится муж, — так ее брат лишь взглянул на нас и, удалившись в угол, принялся грызть шнур радиоприемника. Однако Саджи не сомневалась, что мы пришли именно за ней. Она сидела на коврикe, словно маленькая ученица в пансионе, которая рядом с упакованным чемоданом ждет, когда за ней приедут и заберут домой на каникулы: глаза у нее были крепко зажмурены

от приятного предвкушения и она быстро перебирала передними лапками. Когда я опустилась на колени рядом с ней, она на секунду приоткрыла глаза, голубые как незабудки и даже косящие от радостного возбуждения, приветствовала нас воплем, прямо-таки оглушительным при ее миниатюрности, и снова зажмурилась в ожидании полного счастья.

Владелица спросила, не думаем ли мы сами заняться разведением сиамских кошек, а когда мы ответили, что, пожалуй, да, сообщила — так просто, для сведения, — что Саджи блюпойнт только по матери. Ее отец был силпойнтом чистейших кровей, и, если ее, когда она вырастет, спарить с силпойнтом, ее котята тоже будут силпойнтами. Но, конечно, добавила она, блюпойнты пользуются все большим спросом. Многие считают, что нрав у них приятнее, чем у силпойнтов, ну и, конечно, они очень красивы. Ах да, кстати! Пока мы еще не ушли, нам обязательно надо взглянуть на Анну!

Она открыла дверь и во весь голос позвала Анну. Откуда-то из глубины дома донесся ответный вопль, и по миновании срока, необходимого для того, чтобы спуститься по лестнице с величавым достоинством, появилась Анна.

Сиамка, которую словно бы только что подсинили, производит ошеломляющее впечатление, и мне было почудилось, будто я вижу кинозвезду, которая выскочила за графа или герцога и делает честь своему новому положению. Ноги длинные и тонкие, как у газели, глаза, много светлее, чем у силпойнтской породы, мерцали как два драгоценных камня миндалевидной формы. И ступала она так, будто ей принадлежал мир. Если ее хозяйка надеялась, что стоит нам увидеть Анну — и мы возьмем Саджи, то она не ошиблась в своих расчетах. Но дело было не в красоте, а в надменности, с какой эта кошка, оглядев нас, прошествовала мимо в угол поцеловать сына, которому предстояло жить в доме, где могли позволить себе обзавестись двумя сиамскими аристократами.

Ну как после такого мы допустили бы, чтобы Саджи оказалась Золушкой этого семейства? Когда мы удалились, то вместе с ней, а также с запасом дрожжевых табле-

ток, пакетом рубленого кролика и родословной, которая была заметно больше ее и сообщала, что отца ее звали Цезарем. Кстати, именно поэтому мы и называли ее просто Саджи. Хотели-то мы наречь ее Шахерезадой, но поскольку Анна, как и ее тезка, замуж за короля Сиам все-таки не вышла, мы решили не добавлять истории лишних сложностей.

Сама Саджи была настолько счастлива, что в этот вечер, в первый, и единственный, раз в своей жизни, она ехала домой на машине совершенно безропотно. Ужин она съела до последней крошки. Даже на Шорти она прыгнула только для того, чтобы показать нам, как она намерена в будущем защищать нас от всех созданий больших и малых. Она до того нас полюбила, что ей была непереносима разлука с нами, когда мы наконец легли спать, заперев ее ради Шорти в свободной комнате с новехонькой личной кошачьей корзинкой и грелкой. Она стенала, визжала, выла и причитала, что она совсем-совсем одна и хочет к мамочке. Она вылезла из корзинки и начала вопить под дверью, чтобы нам было лучше слышно, втащила уголок коврика с площадки и принялась рвать его с яростью, какая не посрамила бы и леди Макбет. Когда наконец стало очевидно, что на помощь никто не придет, она испустила последнее трагическое: «Мяо-у-у, мяо-у-у-у!» — оно тоскливо замерло во мраке, и настала тишина.

Нас сразу же охватила тревога. Что, если она пролежит под дверью всю ночь и простудится? Старик Адамс говорил, что сиамские кошки от простуды погибают. А что, если она уже погибла? Тишина после получасовой какофонии казалась жуткой и противоестественной. Мы считали, что кошкам не место в спальне, и не собирались изменять своим принципам. И все-таки... а что, если...

Первым не выдержал Чарльз. Десять минут он отчаянно напрягал слух, но из соседней комнаты не доносилось ни звука. Ну и он выбрался из-под одеяла, бормоча, что как-никак в эту кошку мы вложили порядочные деньги. Когда мы открыли дверь, Саджи лежала в корзине, свернувшись клубочком и как будто спала, но я готова была

поклониться, что она тихонько ухмыляется. Чарльз, мужчина, естественно, ничего не заметил. И увидел только то, что ему полагалось увидеть — такую маленькую, такую трогательную и несчастную. После чего сказал (как от него и ожидалось), что в первую-то ночь нам следует взять ее к себе.

Осторожно, с бесконечной нежностью он извлек ее из корзинки и положил мне на сгиб локтя, где она со счастливым вздохом тотчас погрузилась в сон. Чарльз, умиротворив свою совесть, хлопнулся на принадлежащую ему половину кровати, натянул одеяло на голову и тоже уснул. Только я бодрствовала. А бодрствовала я потому, что ей до утра снилась Анна и она громко, с голодным вожделением причмокивала прямо у меня над ухом.

Когда мы встали утром, за окном лил дождь, а в доме возник новый кризис. Саджи не воспользовалась своим ящиком! Ее бывшая владелица любезно посоветовала нам, поскольку Саджи еще не привыкла гулять в саду, продолжать использовать это удобство, и мы услужливо снабдили ее самой большой эмалированной формой для печения пирогов, куда насыпали песка из запасов Шорти — старик Адамс сказал, что от сырой земли в ящике сиамские кошки простужаются. Накануне вечером мы показали ей ящик, но она притворилась, будто не заметила его, что было понятно: ведь сиамские кошки обладают утонченной натурой, а она едва-едва познакомилась с нами. Но теперь настало утро, Саджи провела у нас двенадцать часов, а на песочке не отпечаталось еще ни единого следа, точно где-нибудь в центре Сахары.

Завтракая, мы с Чарльзом то и дело выбегали в коридор и убедительно тыкали пальцами в песок. Саджи подскочила к нам и тоже весело потыкала в песок голубой лапкой. Но в ящик не забиралась. Нам нужно было поехать в город, и я была в отчаянии — вернемся мы только вечером и Саджи к тому времени успеет лопнуть.

Когда мы добрались домой, ящик все еще оставался в небрежении, а Саджи сидела на полу и не двигалась. Нет, она не лопнула, но вот пошевеливаться не желала. Ужиная,

мы с тревогой взвешивали, не вызвать ли нам ветеринара, и тут Чарльза осенило.

— А что, — сказал он, — если она не любит песка?

Дождь еще не перестал, и мы предложили ей опилки. Они ей тоже не понравились. В панике мы махнули рукой на теории старика Адамса, набили ящик сырой землей из сада и поставили его перед ней. И произошло чудо. С коротким воплем Саджи очутилась в ящике и напрудила в него до края. Забыв про ужин, Чарльз на предельной скорости унесся в сад, сменил землю и опять поставил ящик перед ней. Жеманности за Саджи не водилось. Она снова прыгнула в ящик, задрала торчком хвостик и вскоре уже сидела на полу, во весь голос благодаря небеса, что наконец-то у нас достало ума понять самую простую вещь: Мамочка объяснила ей, что пользоваться чем-либо кроме Земли — Грязно и Гадко.

Так был преодолен этот кризис. Но впереди предстояло еще много всего. Например, первый раз, когда она вышла в сад. Дорожка оставляла желать лучшего — она все время ворчала, что идти по камешкам — больно, но когда мы опустили ее на лужайку и подстриженная трава вдруг уколола ей лапки, она взвизгнула и влетела вверх по моей ноге, клянясь, что ее кто-то укусил. То же самое она проделала, впервые увидев собаку, только для пушей безопасности она вскарабкалась мне на голову по моему лицу и со своей вышки орала на него: пусть-ка попробует забраться за ней сюда!

Ничего хорошего это не сулило. Блонден, пугаясь, проделывал то же самое. Один мой знакомый старичок чуть было не дал зарок трезвости, когда как-то вечером после закрытия пивной повстречался со мной на дороге и увидел белку, которая поносила его последними словами, восседая у меня на голове под распушенным хвостом, какому и лисица позавидовала бы. А когда я заверила его, что это и правда белка, а не симптом белой горячки, он — нет, чтобы поблагодарить меня! — обошел всю деревню, сообщая каждому встречному, что я не в себе. При мысли о том, что соседи скажут, когда услышат, как я прогулива-

юсь с вопящей кошкой на голове, мне и подумать было страшно.

Когда ноги Саджи окрепли и она начала гулять самостоятельно, начались новые неприятности. В первый раз, выйдя в сад без сопровождения, она залезла на крышу гаража, скатилась по наклону и угодила в дождевую бочку. Выбралась она из нее своими силами, прошествовала домой на негнущихся от возмущения ногах и разразилась такой иеремиадой, пока зеленая затхлая вода стекала по ее хвосту на наш злополучный индийский ковер, что Чарльз спасся бегством и тут же сколотил крышку на бочку. К несчастью, в следующий раз, когда она вошла в ванную и увидела Чарльза, нежащегося в ванне, ей припомнилось, как она только чудом избежала гибели, и с воплем ужаса она кинулась его спасать. А Чарльз жмурился, и когда Саджи, завывая точно демон, плюхнулась ему на живот, он так перепугался, что взвился из ванны и чуть было не проломил себе череп об аптечку, которую мы повесили там, чтобы до нее не мог добраться Блонден.

После этого Саджи так часто падала в ванну, стремясь спасти нас, что мы начали привязывать к крану плакатик с напоминанием запереть дверь, а уж потом пускать воду. А Саджи — видимо, из-за того, что ей все время надо было сохнуть, — завела привычку, беседуя с нами, стоять задом к электрокамину почти вплотную. Дважды она поджигала кончик хвоста, хотя настолько была занята очередной нотацией, что даже не замечала этого. Оба раза Чарльз пролетал через комнату в нырке, какому позавидовал бы и самый именитый регбист, и гасил огонь, прежде чем ей успевало обжечь кожу. Но он заявил, что в его возрасте это вредно для сердца, да и моему сердцу подобное на пользу не шло. В конце концов нам пришлось приобрести экраны из мелкаячеистой сетки, которые безнадежно портят вид любой комнаты, и привязать их веревочками ко всем электрокаминам в доме.

Однако хуже всего было с едой. Пока она жила с Анной, Саджи как будто послушно и кротко съедала положенные ей в день два крупяных блюда, два мясных блюда и четыре дрожжевые таблетки. На второй же день, едва

распознав в нас парочку простофиль, которыми можно вертеть как хочешь, она наотрез отказалась от крупяного блюда. Когда мы ели печенку, которая ей разрешалась не чаще одного раза в неделю, или жареную грудинку, которую ей не разрешалось есть вовсе, она усаживалась на столе в чьем угодно присутствии и пускала слюнки, как Оливер Твист. Правда, кролика она кушать продолжала, что было полезно для нее и — в те дни — очень дешево (лицо мясника принимало оскорбленное выражение, если я брала меньше фунта), но только тогда, когда на нее находил особый стих, а потому я то и дело выкидывала отвергнутое мясное блюдо за калитку для обездоленных котятков. Само собой, едва появлялись обездоленные котятки, как Саджи выходила за калитку, прорывалась сквозь толпу и уминала кролика с таким наслаждением, что одна милая старушка буквально протоптала впадину по всей длине дорожки, заходя предупредить нас, что наша миленькая кошечка подъедает на дороге какие-то отбросы, и не кажется ли нам, что мы, может быть, чуточку морим ее голодом?

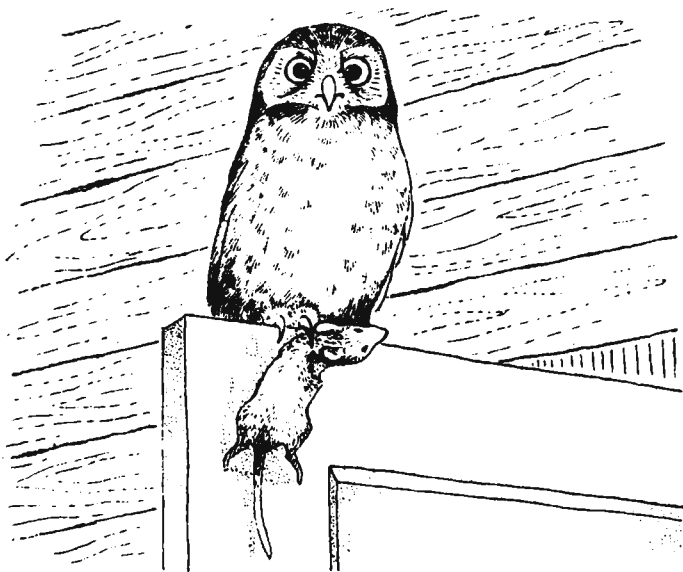
Иногда она снисходила до того, чтобы поесть немножко бифштекса, но при условии, что его кидали ей по кусочкам и так, чтобы кусочек падал прямо у нее под носом. Если он оказывался хотя бы на дюйм вне ее достижения, она его не замечала, а стоило ему хотя бы задеть ее по шерстке, как она убегала наверх и забиралась под кровать, вопя, что мы ее бьем. Если же мы ставили перед ней мисочку, полную еды, она, когда бы это ни случилось, изыщно чуть-чуть скребла задней лапкой (жест, которым она указывала, что кончила пользоваться ящиком с землей) и удалялась, прижав уши в ужасе от нашей вульгарности.

Молоко она любила — но только если ей разрешалось пить его прямо на столе из молочника. Из положения мы вышли, предоставив молочник в полное ее распоряжение, а себе наливали молоко тайком (чтобы не ранить ее чувства) из бутылки, которую прятали за книжным шкафом. Нас убеждали, что мы ведем себя глупо — надо приучить ее пить из блюдечка, но эти доброжелатели не знали Саджи. Она была живым воплощением железной руки в

голубой перчатке с коготками. Из блюдечка она изволила пить только кофе — но потому лишь, что ее мордочка не влезала в узкую кофейную чашку.

Ну а дрожжевые таблетки... Видимо, Анна неизгладимо внушила ей, как важно есть эти таблетки регулярно, если она хочет вырасти большой и сильной кошкой и командовать людьми, но ела она их на редкость неаппетитно — сморщив мордочку, открыв рот, выплевывая недожеванную таблетку на ковер, с каждым разом все более разбухшую и омерзительную, так что под-конец мы каждый вечер выкладывали перед ней четыре таблетки, а сами удирали на кухню, лишь бы не смотреть.

Глава третья

ПОМОГИТЕ! ПОХИТИЛИ!

Примерно через месяц после того как Саджи поселилась у нас, я однажды вечером вернулась домой и сообщила, что моя фирма посылает меня в Ливерпуль. Мне придется переночевать там. Чарльз поглядел на меня с ужасом.

— Кто, — осведомился он, — будет присматривать за кошкой?

— Ты! — ответила я бодро. — Сушие пустяки. Дашь ей на ужин рубленой крольчатины, проверив, чтобы в миску не попало ни косточки. На завтрак будет рыба: косточки вытащи все до единой и проследи, чтобы вода не выплеснулась на плиту; утром и вечером смени землю в ящике, а если она начнет орать с выражением нетерпения на мордочке, — значит, землю надо сменить еще раз; вытрешь ее, если она вымокнет; присмотри, чтобы она не играла с Мими (та питала честолюбивую мечту быть единственной сиадкой в деревне, а потому покушалась убить Саджи, когда никто не смотрел); удостоверься, что она съела

дрожжевые таблетки; присмотри, чтобы она не выходила, когда стемнеет; позаботься, чтобы она...

Тут раздался громкий всплеск, а затем вопль. Саджи, которая, с тех пор как ей воспретили вход в ванную, выискивала, где бы еще себя показать, шлепнулась в унитаз. Хуже минуты для этого она выбрать не могла. Если у меня и теплилась надежда, что Чарльз согласится присмотреть за ней, теперь об этом нечего было и думать. Он поглядел, как я извлекаю ее из глубин, а она извивается и вопит, содрогнулся, и затем объявил, что у него есть идея. Мы попросим мою бабушку взять ее к себе на ночь, тогда он сможет отвезти меня в Ливерпуль на машине, и мы оба отдохнем.

Моя бабушка любила животных и, к счастью, еще не успела познакомиться с Саджи, а потому тут мы затруднений не встретили. Но мы не знали, что со времени той первой поездки из города, когда она чинно сидела у меня на коленях, с наивным любопытством смотрела на улицы и шоссе, а иногда — лицемерка эдакая! — умильно мне улыбалась, у Саджи появилось Нечто в отношении легковых автомобилей.

Едва я в то злосчастное утро забралась с ней в машину, даже еще до того, как Чарльз включил мотор, она завопила. Чарльз погладил ее по голове (она еще сидела у меня на коленях) и сказал, что не надо быть глупенькой, ей же нравятся миленькие машиночки. Саджи только того и надо было. К тому времени, когда мы въехали на холм, направляясь к шоссе, она уже стояла на задних лапах, скребла стекло и призывала на помощь. Чарльз сказал, что ее пугает шум первой передачи и, когда мы выберемся на ровную дорогу, все будет в полном порядке. Я не сомневалась, что Саджи понимает каждое наше слово, потому что к тому времени, когда мы проехали полпути до города по плоской, как лепешка, дороге, все прочие водители, проскакивая мимо, грозили нам кулаками и обещали расквасить Чарльзу нос — нечего выписывать по шоссе зигзаги и даже сигналов не подавать! А сам Чарльз орал, чтобы я наконец стащила чертову кошку с его шеи, а не то мы вмажемся в телеграфный столб.

Возвращение было даже еще хуже. Для начала нам пришлось выяснить отношения с моей тетей. Бабушка всегда доходила до крайностей, ублажая домашних любимцев. Когда она была помоложе, у нее жила ручная сова Гладстон, вечно восседавшая на двери ванной. Папа клялся, что в открытую дверь тянуло таким сквозняком, что по поверхности воды в ванне бежала рябь, а зимой дедушка демонстративно приносил с чердака лохань и мылся в спальне, но все без толку — бабушка запрещала закрывать дверь. Она твердо стояла на том, что люди способны сами о себе позаботиться, а бедненькие немые звери и птицы — нет. А потому либо приходилось принимать ванну под зловещим взглядом Гладстона, весьма возможно сжимавшего в когтях кусочек дохлой мыши, которой его заботливо снабдила бабушка, либо вовсе не мыться.

Я и сама помню, как она, красная от возмущения, помчалась с бывшей моей детской коляской выручать колли — его, как ей сообщили, кто-то заложил в местном ломбарде. На самом-то деле хозяин ломбарда взял пса из жалости, вовсе не рассчитывая, что его когда-нибудь выкупят, и обращался с ним очень хорошо. Однако бабушка была неколебимо уверена, что на него выписали квитанцию и заперли в шкафу вместе с другими заложенными вещами. Она повезла его домой в коляске и объясняла всем встречным, что он от слабости шагу не может ступить, и до слез трогала их жуткой (и очень далекой от истины) историей, как она Собственными Руками доставала его с полки в ломбарде. Мне все это запомнилось так хорошо потому, что именно я потом две недели вывозила Болдуина, как она его нарекла, в парк на прогулку все в той же колясочке. (Естественно, Гладстон к тому времени уже давно съел свою последнюю мышь на двери ванной.) А когда бабушка наконец решила, что он достаточно окреп, чтобы стоять на собственных ногах, опять-таки мне — бабушка же знала, что наших бедненьких немых друзей я люблю не меньше, чем она, за что Господь меня непременно вознаградит, — опять-таки мне пришлось впервые повести его на пешую прогулку и вытерпеть все последствия, когда он вспрыгнул в первую же встречную коляску и уселся на младенца.

Бабушка осталась при своих убеждениях и после того, как, состарившись, уже не могла сама пестовать живых тварей. Например, когда мы впервые оставили у нее Блондена, заверив, что он будет прекрасно себя чувствовать в комнате для гостей, если его запереть там со спальнoй корзиной и ветками для лазанья, она уговорила мою тетю Луизу взять его к себе в спальню, чтобы ему не было тоскливо.

Если бы его заперли одного, Блонден спокойно устроился бы в корзине, набитой старыми фуфайками, которой пользовался у себя в беседке. Однако при виде уютной кровати моей тетушки он не устоял: ухватил орех, нырнул под пуховое одеяло и провел там всю ночь, щелкая зубами на манер кастаньет, стоило бедняжке пошевелиться.

Утром она пожаловалась на связанные с этим неудобства, но бабушка только сурово осведомилась, мышь ли она, если пугается невинного крошки, который искал у нее утешения. Прожив пятьдесят лет с бабушкой, бедная тетя Луиза, увы, бесспорно была мышкой, а потому следующие полмесяца делила ложе с Блонденом и его орехами, совсем перестала спать, а в последнее утро обнаружила, что Блонден, вместо того чтобы спать просто под одеялом, предпочел — видимо, чтобы нигде не поддувало, — прогрызть в нем дырку и блаженно спал внутри его. Бабушка, помнится, страшно рассердилась — но не на Блондена, а на тетушку — зачем та разрешила ему портить одеяло?

Естественно, само собой разумелось, что бабушка, если мы привезем к ней Саджи, заставит тетушку взять к себе в постель и ее. Однако мы ничего страшного в этом не видели. Вопреки данному нами зароку, Саджи часто забиралась к нам в кровать. Не прошло и недели, как она обнаружила, что следует ускользнуть наверх, когда мы начнем наливать воду в грелки, и спрятаться точно под центром кровати, откуда извлечь ее нам не удавалось. А затем, когда свет гасили и она решала, что мы уснули, оставалось только выползти из-под кровати, тихохонько вскарабкаться на нее и ввинтиться под одеяло и ко мне на грудь осторожно-осторожно, чтобы у меня не достало духа прогнать ее.

Единственным минусом, если не считать храпа, была ее манера вставать ровно в пять утра и точить когти о мяг-

кую обивку ящика для одеяла. Но у тетушки такого ящика не имелось, и мы решили, что беспокоиться нечего. Откуда было нам знать, что Саджи использует этот визит, чтобы выработать в себе Нечто по отношению к шерстяным вещам?

Позже мы узнали, что темные восточные аспекты натуры сиамских кошек, дающие о себе знать, только когда такая кошка надежно внедрится в какую-нибудь мягкосердечную семью, не так уж редко включают наркотическую тягу жевать что-нибудь шерстяное. Владелец кошачьего питомника, тонкий психолог, объяснил нам, что, по его мнению, они прибегают к этому утешению, когда страдают от одиночества — ну, как ребенок сосет большой палец. И действительно, наши нынешние кошки, проводя время в обществе друг друга, едят шерсть только в поездках. Мы сажаем их в отдельные корзинки в машине, и Соломон, дюжий сын Саджи, обязательно протаскивает в щель между прутьями кончик пледа с сиденья и всю дорогу упорно жует его в перерывах между приглушенными рыданиями.

Тетя, однако, психологом не была. Когда она в этот вечер готовилась отойти ко сну, то обнаружила, что Саджи проела несколько дыр в носках, которые она надевала на ночь. И пришла в такую безыскусную непсихологическую ярость, что закуталась в одеяло с головой и не позволила нашему милому котеночку забраться к ней. Саджи, не привыкшая к такому бездушному обращению, в свою очередь пришла в ярость, и тетя Луиза, которая всегда носила шерстяное белье, утром увидела дырки во всем, что, наоборот, сняла на ночь. У бабушки она не нашла ни капли сочувствия — та только от души посмеялась, а Саджи, запертая на день в пустой комнате во избежание новых бесчинств, проводила день, изрыгая во всю мочь страшные проклятия и издеваясь у дверной щели над жирным холощеным черным котом бабушки, который окаменел от ужаса по другую сторону двери. Это еще больше расстроило тетушку. Она трепетала при мысли, что кошки доберутся друг до друга и устроят драку, и, когда мы приехали поздно вечером, она была просто в истерике, мучимая совестью, — во-первых, от испуга она не

решилась открыть дверь и покормить Саджи, а во-вторых, в ужасе скрыла все от бабушки.

Домой мы ехали молча, ошеломленные воздействием, которое один сиамский котенок оказал на тихий старомодный дом, а на заднем сиденье Саджи упоенно возобновила свою игру в похищенную. Только теперь, пока вокруг никого не было, она сохраняла полную безмятежность и сидела выпрямившись, сложив лапки и чинно обвив их хвостом, храня на мордочке выражение вдовствующей герцогини, возвращающейся из театра. Однако чуть она замечала огни — то ли свет фар встречной машины, то ли в окнах дома, — как бросалась к окошку, трогательно прижималась к нему и взывала о помощи. Она устроила великолепный спектакль, когда мы проезжали мимо кинотеатра, откуда как раз расходилась публика с последнего сеанса, и билась лапками о стекло в жалостном беспомощном отчаянии, какое сделало бы честь и Лилиан Гиш, звезде немого кино, в кадрах, когда ее терзает жестокий отец. Но превзошла она себя, когда мы остановились на красный свет в деловом центре города. Вопли многих сиамских кошек роковым образом схожи с плачем младенца, но в тот вечер Саджи разбила рекорды всех сиамских котят и человеческих младенцев. Она рыдала, она стонала, она завывала, так что прохожие на тротуаре начали заглядывать в нашу машину, сурово хмурясь — ведь внутри, по-видимому, одновременно били, морили голодом и подвергали изощренным пыткам бедную сиротку. Естественно, что Саджи к этому моменту исчезла под сиденьем Чарльза, откуда и продолжала чревоуещать. Вот-вот разъяренная толпа прохожих линчевала бы нас, но тут зажегся зеленый свет, и Чарльз, в дни своей золотой юности участвовавший в автомобильных гонках, рванул с места как ужаленный, чем и спас нас в последнюю секунду.

Больше мы Саджи никогда к бабушке не возили — у Чарльза не выдержали бы нервы. В следующий раз, отправляясь отдыхать, мы поручили ее заботам семьи в соседней деревне — они влюбились в нее, когда однажды, проходя мимо нашего сада, увидели, как она невинно там играет, и прямо-таки умоляли нас в случае, если нам по-

надобится уехать, оставить ее погостить у Джеймса, их собственного сиамского кота.

Мы поспешно согласились. В последнюю минуту нас зазрила совесть, и мы позвонили им, объясняя, что надо быть обитателем приюта для умалишенных, чтобы согласиться взять к себе в дом нашу кошечку, а потому мы освобождаем их от легкомысленного обещания. Но наши новые друзья и слышать об этом не хотели. Джеймс, сказали они, до трехлетнего возраста был до того лихим котом, что его пришлось прооперировать, поскольку жить с ним под одной крышей стало невозможно. И вот в последние месяцы он преобразился в такого святошу и ханжу, что, по их мнению, общество Саджи могло принести ему большую пользу.

И принесло. За эти две недели единственные минуты покоя выпадали Смитам по вечерам, пока Саджи и Джеймс совещались в недрах граммофонной тумбочки, внутренности которой были отправлены в починку. Когда крышку приподнимали, в отверстии возникали две головы — одна темная, аристократическая, с римским носом, другая маленькая, голубая, со слегка косящими глазами, — нахала прожигали возмущенным взглядом, и головы вновь исчезали в недрах тумбочки. Там они, вероятно, планировали бесчинства на следующий день, который начинался в пять утра с головокружительного стипльчеца (явно по инициативе Саджи — обычно Джеймс восставал от сна только после полудня) и продолжался с нарастающим крещендо до ужина, к которому они являлись чинные, элегантные, с волосами, метафорически выражаясь, расчесанными на прямой пробор, вкушали пищу с царственным достоинством и вновь пропадали в тумбочке.

А в промежутке они устраивали редкостный бедлам. Мы забыли предупредить Смитов о пристрастии Саджи к воде, и она успела трижды нырнуть в рыбный садок в сопровождении послушного Джеймса, прежде чем люди сообразили, что это не случайные оплошности, и не накрыли садок проволоочной сеткой. И потребовались усилия всей семьи плюс почтальона, чтобы спасти Джеймса, которого Саджи заманила на верхушку пятидесятифутовой

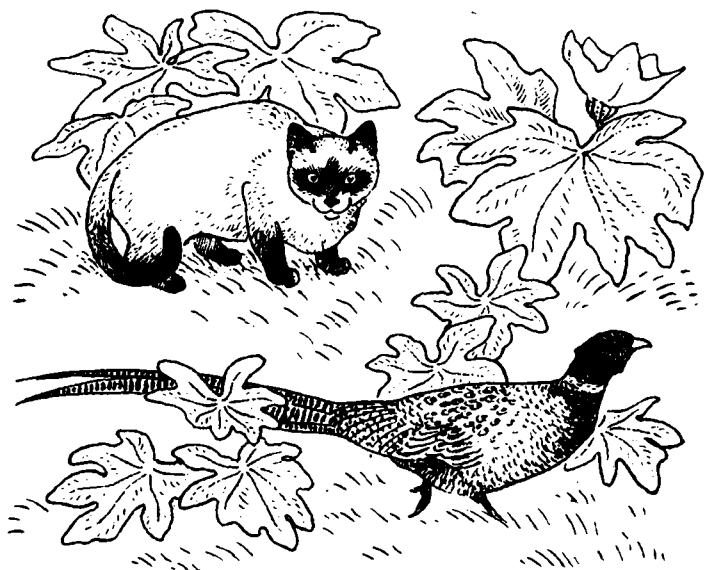
ели, а затем на манер Далилы бросила его там висеть, парализованного ужасом, а сама беззаботно соскользнула вниз и принялась насмехаться над ним с лужайки.

Впрочем, когда Джеймс благополучно очутился на земле, он сразу же зазнался, начал расхаживать на гордо несгибающихся ногах, поглядывать на ель и вопить, чтобы все воочию убедились, на какой высоте он побывал, а Саджи взирала на него с нежным восхищенным изумлением. И он отплатил ей добром за добро: украл для нее меховую перчатку миссис Смит, чтобы было с чем играть, и научил рыть ямы в саду.

Последнее было огромным шагом вперед. Мы долгое время тщетно пытались приучить Саджи выкапывать ямки в саду и не пользоваться ящиком с землей. И вот теперь под руководством своего друга Джеймса она постигла это искусство. Но, правда, так и не поняла назначение ямок — для этого она мчалась в дом к своему ящику. Просто она поняла, что кошки роют ямы. И до конца двухнедельного срока она столь усердно копала вместе с Джеймсом эти ямки, что к нашему возвращению сад Смитов напоминал поле бывших сражений.

Правда Смиты близко это к сердцу не приняли. Они обладали неистощимым долготерпением. Как они сами сказали, владельцы сямских кошек умеют стискивать зубы, не то все давно посходили бы с ума.

Глава четвертая

БЕЗОБРАЗИЯ В ДОЛИНЕ

В это лето нашу тихую деревню сотрясали всякие неведомые прежде звуки и шумы. Самыми громкими и наиболее частыми были испуганные квохтанья фазанов, улетающих во весь дух, а также грохот, с каким ударялось об пол днище клетки, где проживал Шорти.

Зачем Саджи требовалось гонять фазанов, когда мы жили бок о бок с лесничим, мы так и не выяснили, но было это очень типичным для нее. Все, что угодно, лишь бы что-нибудь сенсационное. Стоило ей услышать легчайший шорох в роще по ту сторону дороги, и она мчалась туда, не заботясь, кто может ее увидеть.

Однажды это произошло, когда с нами в саду приходской священник вел неторопливую беседу о тыквах в связи с приближающимся праздником Урожая. Саджи скромно сидела рядом с ним, истово изображая учительницу воскресной школы, и внезапно мы увидели ее белый задик, воинственно исчезающий в кустах в пятидесяти шагах от нас.

К счастью, священник был близорук и глуховат, а потому не увидел возмутительного зрелища, когда несколько секунд спустя десяток фазанов выскочил из кустов и кинулся вверх по склону, а Саджи мчалась за ними с боевым индейским кличем. И к еще большему счастью, он ушел домой до того, как она вернулась, а потому не услышал, какими эпитетами наградил ее Чарльз, когда она (без фазана) сурово промаршировала в дом и сбросила клетку Шорти с крюка.

Люди срывают сердце разными способами. Малыши пинают стены. Чарльз хлопает дверью — вернее, хлопал до того дня, когда, особенно вознегодовав на правительство, чуть не преобразил Блондена в бесхвостую мэнскую белку. После этого — поскольку необходимость оглядеть обе стороны двери и ее верх несколько портили эффект — он перешел на курение. А Саджи после падения с дерева, где она слишком уж выкомаривала, или пощечины, полученной от Мими за нахальство, вымещала свою горечь на Шорти, сбрасывая его клетку на пол.

В конце концов мы сообразили, что к чему, и когда видели, как она сердито топает по дорожке — уши прижаты, хвост торчит как накрахмаленная кочерга, — торопились раньше ее проскользнуть в дом и запереть Шорти в ванной. Однако иногда горькая обида настигала ее в наше отсутствие, и узнавали мы об этом по грохоту и отчаянному звону попугаячьего колокольчика, когда клетка летела на пол.

На самого Шорти она никогда не покушалась, и после нескольких таких происшествий Чарльз математически рассчитал, где должна приземлиться клетка, и мы водворили на это место широкое кресло. Но Шорти эти полеты приводили в иступленное бешенство. Когда мы прибегали на шум, то всегда заставляли одну и ту же картину: Саджи на ручке кресла, прижав нос к прутьям, выкрикивает все-все гадости, которые не посмела адресовать Мими, а Шорти (старательно оставаясь на середине клетки) подсакивает от ярости и перебивает ее язвительными воплями, словно толпа — оратора в Гайд-парке.

Если отбросить наши истерзанные нервы, ущерб, который она причинила, исчерпывался тем, что от ее посягательств у клетки в конце концов отвалилось дно, и его, как и сетки на камины, пришлось привязать веревочкой. Впрочем, оно продолжало отваливаться всякий раз, когда Саджи сбрасывала клетку, но поскольку клетка неизменно оказывалась в кресле верхом вверх, Шорти оставался цел и невредим, а затем неизменно наслаждался финалом, в котором Саджи, отчаянно взывая о помощи к Анне и Обществу защиты животных, тут же получала пару шлепков.

Шли месяцы, и мы все больше убеждались, что Саджи вовсе не отличалась дурным нравом, просто она была сиамской кошкой. Со временем мы научились узнавать практически с первого взгляда других владельцев сиамских кошек — по их затравленному виду и манере вздрагивать от каждого неожиданного звука. И любой всегда готов поведать жуткую историю своих треволнений. Вот, например, Хо, обитающий в другом конце деревни, видимо, поставил себе целью попасть в тюрьму за грабеж, засадив туда же и свою хозяйку, как сообщницу и пособницу. Он просто входил в чужие дома, крал все, что, по его мнению, могло понравиться его владелице, и относил ей. А она, столп общественной жизни прихода, страшно из-за этого мучилась и тратила томительные часы на то, чтобы возвращать дары любви их законным владельцам — то пару нестираных носков, то пакетик с бутербродом. Но даже она встала в тупик, когда Хо вернулся с мотком желтой шерсти, который никто не признал своим, а на следующее утро приволок рукав, связанный из той же шерсти. Тайна раскрылась только на третий день, когда он явился с остальным вязанием уже на спицах. Следуя за необорвавшейся нитью (как все преступники, Хо допустил единственную роковую ошибку и не забрал клубок), его хозяйка миновала две живые изгороди, обогнула пруд, прошла по проселку и так добралась до фермера, чья супруга уехала на уик-энд и потому не хватилась пропажи.

А Базиль? Возможно, страдая из-за своей изысканной клички, он исчезал при появлении гостей и возвращался с

губкой, заимствованной из ванной. Как будто безобидная выходка, но в малознакомом доме, когда мимо тебя непрерывно прокрадывается кошка, полускрытая большой губкой, невольно начинаешь чувствовать себя неудобно. Во всяком случае, двое гостей, не привыкшие к замашкам сиямов, от второго визита воздержались.

А Хейни? Он упорно похищал у соседской девочки ее любимую игрушку. И не прекратил, даже когда хозяйка купила ему точно такую же. И еще Хейни питал горячую привязанность к ковровой дорожке на лестнице и за несколько месяцев упорного труда превратил гладкий ворс в каракуль, а когда его хозяйка перестроила нижний этаж в отдельную квартиру и свою входную дверь установила на верхней площадке, он выл два дня и начал чахнуть. Ей пришлось перенести дверь вниз, лишь бы не разлучать его с обожаемой дорожкой.

А... Но к чему продолжать? По сравнению с кошками других людей Саджи была чиста и невинна, как ангел Боттичелли, пусть даже она и посшибала головки всех цульпанов, принимая их за бабочек.

Чарльз сказал, что ее беда — переизбыток энергии и надо водить ее гулять, чтобы дать выход ее кипящим силам. В первый раз, когда мы взяли ее в холмы, она была так ошеломлена, что прошла три мили по этой новой, незнакомой стране чудес, изумленно раскрыв глаза, точь-в-точь Алиса, и ни разу ничего не сказала. А домой вернулась до того усталой, что уснула, не дожидаясь ужина.

Но недаром ее отец звался Цезарем. После двух-трех прогулок в холмы нас уже вела она, подняв хвост, как боевое знамя, и теперь Чарльз — которому чуть ли не каждый раз приходилось спасать ее от неминуемой беды, — теперь Чарльз, когда мы возвращались, падал в кресло и наливал себе коньяк.

Снова и снова он должен был влезать за ней на деревья. И не потому, что она не могла спуститься сама, а потому что она любила, чтобы ее спасали с деревьев. Это пробуждало в ней женственность.

Однажды она погналась за лисицей. Правда, та была с писенком и с того момента, как Саджи разинула свой ши-

рокий рот и провыла, чтобы они немедленно остановились, думала, вероятно, только о том, чтобы спасти своего детеныша от этого чудовища с небесно-голубыми глазами и голосищем, как у осла. Но все равно я десять раз чуть не умерла, пока наконец Чарльз не извлек дочь Цезаря — целую и невредимую, но бранящуюся на чем свет стоит — из зарослей ежевики, где им удалось от нее улизнуть.

А потом был жуткий вечер, когда, сунув любопытный нос в высокую траву за дорогой, она вспугнула влюбленную пару. К несчастью, молодой человек иногда у нас кое-что чинил и был приятелем Саджи, а потому она, вместо того чтобы предостерегающе скосить на них глаза и пройти мимо, как поступала с незнакомыми людьми, тут же уселась и начала во весь голос звать нас — идите поскорей, посмотрите, кого она тут нашла! Того самого приятного молодого человека, который починил нашу цистерну. В конце концов мы уволокли ее оттуда за шкирку. Все мы четверо были пунцовыми от смущения — у девушки, которая разрыдалась и спрятала лицо на груди своего дружка, алой была даже шея. Саджи ничего не заметила. Свисая с плеча Чарльза, точно мешок картошки, она продолжала выкрикивать приветствия еще долго после того, как роковое место осталось далеко позади. А когда молодой человек в следующий раз пришел к нам что-то починить, Саджи подбежала к нему и принялась болтать с таким возбуждением, что он совершенно ясно сообразил, о чем она говорит. И снова стал пунцовым.

Тут мы поняли, почему сиамских кошек водят на поводках. Не ради безопасности кошек, а ради безопасности окружающих. И в следующую же поездку в город мы купили для Саджи поводок и шлейку.

Результат был столь же ужасным, как и неожиданным. Едва мы взяли Саджи на поводок, как она заплясала на нем, точно игрушечный паяц, вопя, что мы Заковали Ее в Цепи, вцепилась задними лапами себе в уши и забилась в припадке посреди лужайки. Другие владельцы сиамов советовали нам не отступать и самодовольно поглядывали на кошек, которые, много себе позволяя в других отношениях, хотя бы в шлейке сидели чинно, как косоглазые

Будды. И мы не отступали. И до того нанеотступались, что при одной мысли о том, чтобы погулять с Саджи, сами готовы были свалиться в припадке, но к шлейке ее так и не приучили. В конце концов — так уж и быть, только ради того, чтобы среди себе подобных мы могли держать голову высоко — она изъявила согласие на ошейник с прикрепленным к нему тоненьким шнурочком. И не на шею! Видимо, с ошейником на шее она ощущала себя галерным рабом. Только вокруг живота! Что придавало ей вид танцовщицы с хулахупом и было абсолютно бесполезно, о чем она знала не хуже нас. При виде того, за кем можно было погнаться, она попросту выскальзывала из ошейника и бросалась в погоню.

Все это долгое, полное неприятностей лето нас поддерживала одна мысль: в один прекрасный день Саджи вырастет и народит котят. Было время, когда мы мечтали о котятках ради них самих — это же такая прелесть! — ну и, конечно, еще из-за того, что, если нам удастся их продать за цену вроде той, которую мы уплатили за Саджи, а потом и следующих, мы вполне могли бы купаться в роскоши до конца наших дней. Но теперь мы думали только о том, что, может быть, они ее остепенят.

Старик Адамс лихорадочно грезил о том же касательно Мими и наталкивался на неожиданные препятствия. После ее первой попытки бежать с дворовым котом старик Адамс принял самые жесткие меры, оберегая ее целомудрие. При первом же вопле, в котором его чуткое ухо различало нотку сладострастия, при первом же намеке на томное извивание на земле (хотя Мими могла просто принимать пылевую ванну) она запиралась на чердаке в обществе своего ящика с землей, пока опасность не оказывалась позади.

Наконец, к великому облегчению всех соседей, Мими исполнился год, и старик Адамс начал подыскивать ей подходящего жениха. Первый удар — все самцы в округе оказались холощеными. Второй последовал, когда он прокатился десять миль на велосипеде к даме, которую заранее превознес до небес за то, что у нее хватило порядочности оставить животное таким, каким его сотворила

природа, а она запросила три гиней гонорара за услуги своего любимца.

Его чуть не хватил инсульт. С его точки зрения, хотя у него было полное моральное право продавать котят Мими и неплохо на них зарабатывать (он уже сообщил нам, что надеется выручить за них больше, чем за клубнику), требовать плату за участие в этом деле кота означало верх безнравственности. Никому, ревел он, вернувшись и молотя кулаком по нашей калитке так, что она тряслась, — как всегда, когда принимал что-то к сердцу (к большому нашему огорчению, так как со стороны казалось, что вывели его из себя мы), никому, кроме старой девы, такое в голову не пришло бы, и пусть его черт поберет, если он будет плясать под ее дудку!

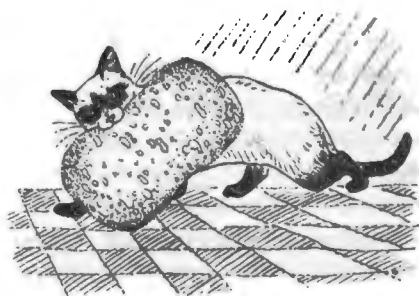
Только Богу известно, чем бы все это кончилось! Мими вопила бы на чердаке от неразделенной страсти, ее владелец упрямо отказывался бы как уплатить за услуги кота с родословной, так и позволить ей спариться ради всеобщего покоя с дворовым котом — мы больше часа толковывали ему тонкости генетики, но он остался при убеждении, что стоит Мими хоть раз Сбиться с Пути, как он деликатно выразился, она так без конца и будет рожать беспородных котят. Но тут старик Адамс сменил врача.

Врачей он менял постоянно — со времени нашего знакомства он уже проделал это дважды. С первым он расстался из-за того, что тот ездил на спортивной машине, и, когда взносы на национальное здравоохранение повысились, старик Адамс безоговорочно объяснил это бесшабашностью, с какой врач расходовал бензин. Второго покинул, видимо, просто за компанию с дантистом, от которого отказался из-за каких-то недоразумений со вставными зубами.

И теперь он переметнулся к врачу, только что обосновавшемуся в соседней деревне. Старик Адамс, записавшийся к нему на следующий же день после его переезда, отзывался о нем весьма одобрительно: очень приятный молодой человек и сразу разобрался с его артритом. И, как мы поняли, лишь по чистейшему совпадению доктор оказался владельцем нехолощенного сямца Аякса. И по

чистейшему совпадению в следующий же раз, когда Мими пришла в охоту, артрит старика Адамса до того разыгрался, что он слег и вызвал нового врача к себе.

Тот, очевидно, умел разбираться не только с артритом, и едва услышал вопли Мими на чердаке и узнал печальную повесть о ее безответной любви, как тут же съездил домой за Аяксом. Несомненно, и врач он был хороший. В тот же вечер старику Адамсу так полегчало, что он забыл про артрит и, торжествуя, посетил «Розу и Корону».

Глава пятая

БЕЗОБРАЗИЯ ПОВСЮДУ

Саджи в первый раз пришла в охоту в сентябре, когда мы отдыхали в Шотландии, а она вновь гостила у Смитов. Собственно, мы этого ждали. Согласно справочнику, при раннем развитии у сиамских кошек половая зрелость может наступить в четыре месяца, а Саджи к этому моменту стукнуло аж семь, и была она до того развитой, что хоть на стенку лезь, из чего следовало, что она приберегает силы для наиболее подходящего случая.

И при пособничестве Джеймса разыграла она это великолепно. Первый вопль она испустила во время званого обеда и до смерти перепугала всех, начиная с самой себя. Смиты, сообразив, в чем дело, только-только успели заверить самых нервных гостей, что кошка вовсе не взбесилась, как она вновь позвала, и даже еще громче. После чего, повели они нам потом, и глаза их остекленели при одном воспоминании, Джеймс, услышав ее голос сквозь туманы снов и на миг забыв, что он уже не тот кот, каким был прежде, галантно выпрыгнул из тумбочки и попытался за-

няться с ней любовью на половичке, а Саджи в ужасе залезла на торшер и опрокинула его на блюдо с котлетами.

Но Смиты и после этого остались нашими друзьями — вот какие это люди! Даже не разрешили нам заплатить за торшер. Однако предупредили, что Саджи наделена исключительной, как они выразились, способностью звать. В конце концов им пришлось запереть ее в свободной комнате, где Джеймсу разрешалось навещать ее, когда он хотел, и через пару дней он убедил бедную пленницу, что в жизни есть еще многое другое, кроме любви (она, сообщили Смиты, вышла оттуда безмятежно, будто ничего подобного и не случилось вовсе, выпила целый молочник, чтобы промочить глотку, и весело отправилась с ним рыть ямы в саду), но эту пару дней они даже собственных слов не слышали.

Прежде чем ее зов раздался в нашем присутствии, прошло порядочное время. После первого дебюта она так долго воздерживалась от этого голосового упражнения, что в нас возникли черные подозрения. Нам припомнились лунные октябрьские ночи, когда она не желала возвращаться домой и мы ложились спать без нее и ворочались без сна, рисуя в воображении всяких лисиц и барсуков, пока около полуночи она не взлетала по лестнице, вопя, что и понятия не имела, как уже поздно, и почему, почему мы ее не позвали? И теперь нас неотступно терзала мысль, что в простоте душевной она завернула в лес, где, едва она открыла рот для первого трепетного зова, на нее накинута какой-нибудь кошачий донжуан. Или — что было более в характере Саджи — она скрыла свои любовные муки и сознательно отправилась на поиски кота, сообразив, благодаря приобретенному у Смитов опыту, что стоит ей позвать, как мы посадим ее под замок и все испортим. Саджи, естественно, знала, как обстоят дела, но помалкивала. Шли недели, мы поглядывали на нее с возрастающим подозрением — она, бесспорно, полнела, хотя, возможно, потому лишь, что расставалась с детством, — но она только лукаво ухмылялась и потягивалась, выставляя себя для обозрения. А когда мы сурово спрашивали, что она себе позволила, негодяйка прищуривалась и чуть слышно упоенно взвизгивала.

Приближалось Рождество. Саджи все еще не начинала звать, и в конце концов мы решили, что сомневаться более нельзя. Старик Адамс потирал руки и ликующе готовился к минуте, когда Мими разрешится от бремени, мы же укоризненно покачивали головами, глядя на Саджи, и готовились скрыть ее позор.

Как выяснилось, мы напрасно огорчились, а он радовался. Беременность Мими оказалась ложной, и он остался без котят, а Саджи, ужасно гордая тем, как одурачила нас, на Рождество львиным ревом возвестила, что ей требуется кот. Видимо, на нее влияли праздничные события. Угостившись индейкой (я никогда не забуду благоговения в ее взгляде, когда она впервые узрела индейку: просто видно было, каким презрением она прониклась к фазанам), погуляв в лесу и проверив, не найдется ли там еще индейка, она быстренько выиграла партию игры в «вверх-вниз», смахнув все фишки на пол, а затем внезапно опрокинулась на спину и завела свою песню. Мой дедовичек посмотрел на нее с испугом и спросил, что происходит. Помня о присутствии детей, я ответила с многозначительным видом: «Ничего. Она иногда проделывает такое, когда перевозбуждена». Наши племянники, девятилетние близнецы, переглянулись в ужасе, тут же отодвинули «вверх-вниз» и объяснили, что орет она так потому, что ей нужен муж.

Смиты не преувеличили, назвав ее способность звать исключительной. Голос Саджи всегда был мощным даже для сиамки, и от ее любовной песни могли лопнуть барабанные перепонки. Днем она ходила по пятам за нами и оптимистически валилась на спину, стоило взглянуть на нее, и все это под непрерывные вопли. Ночью она шумно металась в свободной комнате, завывая еще яростней, так как мы были не в силах терпеть этот сольный концерт у себя над ухом и отказались пустить ее к себе на кровать. На заре двадцать седьмого декабря мы не выдержали. Чарльз, кляня на чем свет стоит всех сиамских кошек, унес ее вниз и запер в ванной.

Дом у нас старой постройки, и ванна не просто расположена на первом этаже, но отделена от остальных поме-

щений каменной стеной двухфутовой толщины. Когда через какое-то время вопли, теперь — какое блаженство! — еле слышные, умолкли вовсе, мы самодовольно заверили друг друга, что Саджи далеко не дура и прекрасно отдает себе отчет, когда победа остается за нами. В первый раз за двое суток мы погрузились в спокойный сон.

Секунду спустя в саду началась гомерическая кошачья драка, и мы чуть из кожи не выскочили.

— Саджи! — взвизгнула я и одним прыжком вылетела с кровати на лестницу.

— Быстрей! — понукал меня Чарльз, тем не менее задержавшись, чтобы надеть тапочки и завязать пояс халата, прежде чем помчаться следом за мной.

Саджи была в полной безопасности. Нет, хотя, по нашему убеждению, ей вполне это удалось бы, она не пролезла в отдушину и не открыла окно ломом, а восседала на подоконнике, словно царица средневекового турнира, и упоенно косилась на двух могучих рыцарей, которые сражались за ее благосклонность на клумбе нарциссов.

Она продолжала звать неделю, и каждую ночь под окошком ванной разыгрывались кошачьи бои. Потом через две недели она снова начала звать. Мы намеревались выждать, пока ей исполнится год, но это оказалось выше человеческих сил. И в одиннадцать месяцев Саджи, к величайшему ее восторгу, стала невестой.

Сочеталась она с котом по кличке Рикки в питомнике сиямов в сорока милях от нашей деревни — кота корыстной старой девы мы сочли слишком плоскомордым, а Аякс как раз неромантично страдал от нарыва в ухе. Владельцы Рикки сказали, что Саджи была такой прямолинейной кошкой, каких им еще видеть не приходилось, и самой зычной. Обычно молоденькие сиямки нервничали, и требовалось дня четыре, чтобы они спарились надлежащим образом, однако нам позвонили уже вечером второго дня: относительно Саджи никаких сомнений нет, и не заберем ли мы ее поскорее? Она выводит из равновесия всех остальных кошек, а Рикки не только не выглядит торжествующим котом, но бродит по своему вольеру с затравленным видом и вздрагивает, едва услышит ее голос.

Ну, во всяком случае, думали мы, устало возвращаясь домой с Саджи, которая на заднем сиденье все еще истерически оплакивала разлуку со своим любимым супругом (его владельцы рекомендовали нам поддержать ее под замком еще дня два, а не то она, пусть и поклялась любить его до гроба, может утешиться с дворовым котом и все-таки родить полукровок), — во всяком случае, это все-таки осталось позади и мы обречем немного покоя.

Мы постоянно строили такие прогнозы относительно Саджи и всегда попадали пальцем в небо. После самого шумного брака в истории питомника Саджи закатила беременность, которая не могла бы быть сложнее, даже проштудируй она сначала медицинский справочник. Во-первых, через два дня, мечтательно погрузив о Рикки (больше времени потратить на грусть она не могла, ей же надо было уложиться в девять недель), она порадовала нас утренней тошнотой. А может быть, она вдруг начала стыдиться своего скандального поведения в питомнике. Но как бы то ни было, она совершенно перестала есть, сидела такая несчастная, с закрытыми глазами, довела себя до температуры в сорок градусов, так что ее пришлось везти в метель на стрептомициновые уколы.

Едва этот кризис остался позади... «Когда вы любите животных, они превращают вас в своих рабов!» — сказал ветеринар, сентиментально глядя в ее печальные голубые глаза, но даже он не мог предвидеть спектакля, когда среди ночи, внезапно обретя аппетит, она потребовала, чтобы ее накормили крабовым паштетом на подушке Чарльза. Так вот, едва этот кризис остался позади, как у нее развилась страсть к тарталеткам с джемом. Обязательно с джемом, хотя джем она оставляла нетронутым, и обязательно украденным. Если мы предлагали ей такую тарталетку, она реалистично рыгала, делала пренебрежительный жест задней лапой и удалялась. Но стоило предоставить ее самой себе, как она за день уничтожала их целую тарелку — тайком утаскивала из кладовой в ванную, где аккуратно объедала края, а середку с джемом оставляла на полу, потом Чарльз наступал на них и разносил по всему дому.

Воспламененная, как нам казалось, желанием, чтобы все ее котятки родились силпойнтами, как Рикки, — а он

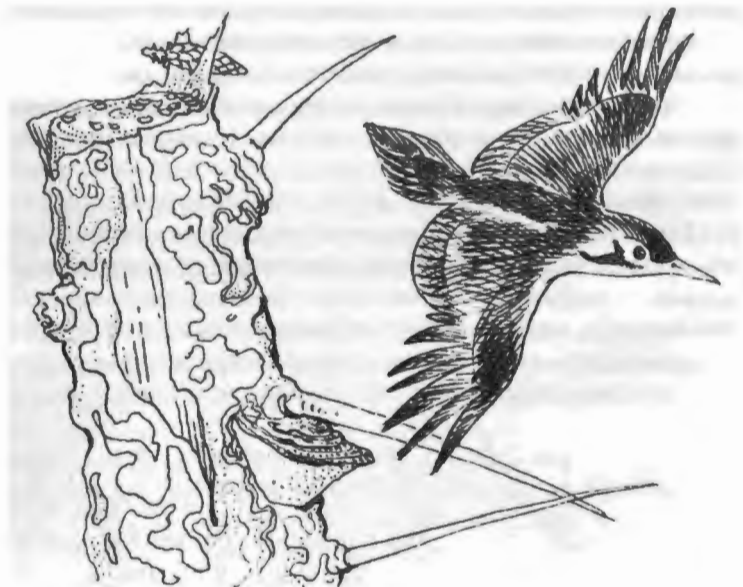
был подлинным Юлом Бринером кошачьего мира (массивные темные плечи, грозная клинообразная голова), — Саджи помимо того выпивала столько кофе, сколько никак не могло уместиться в кошке, и по непостижимой причине пристрастилась жевать бумагу — привычка, которая оказалась особенно вредной в тот день, когда она съела телеграмму тетушки Этель, тетки Чарльза.

Когда тетушка Этель решала погостить у кого-нибудь из родных, она всегда извещала о своем прибытии телеграммой, не давая им таким способом увернуться. А поскольку мы, как она не уставала нам повторять, жили в дикой глуши, в телеграмме указывалось, каким поездом она приедет, дабы Чарльз знал, когда поехать на станцию встретить ее.

А потому мы поняли, что погибли, когда в холодный дождливый вечер она эффектно возникла на пороге, мрачно взглянула на нас над залитым дождем пенсне и объявила, что не только Тщетно Целый Час Ждала на станции, но, сверх того, такси, которое она Вынуждена Была Взять, сломалось у поворота на нашу дорогу. (Оно всегда ломалось, когда им пользовались приезжие: Фред Ферри предпочитал по мере возможности не рисковать своими рессорами на наших колдобинах.)

Тетушка Этель отказывалась верить, что мы никакой телеграммы не получали. Она Ее Отправила — и все. Ситуация отнюдь не улучшилась, когда Чарльз позвонил на почту и спросил — гневно, чтобы умиротворить тетушку Этель, — что, черт дери, они сделали с телеграммой. Почтмейстер, человек отнюдь не слабодушный, спросил в свою очередь: а что, по-нашему, с ней сделали? Да он самолично подсунил ее нам под дверь, когда вышел прогуляться, и ему в руку вцепилась чертова кошка. Почему, хотел бы он знать, у нас нет почтового ящика, как у всех нормальных людей?

А почтовый ящик у нас был — висел на двери кухни, как отлично знал почтальон. Чарльз убрал его с парадной двери после того, как Блонден в один прекрасный день чуть не обезглавил себя, засунув из любознательности голову в щель, где она и застряла. Если, сообщил Чарльз изумленному почтмейстеру, телеграмму подсунули под

парадную дверь, пропасть она могла только одним способом. Наша кошка ее съела.

И съела-таки. Пока Саджи следила за нами, стратегически заняв пост на верхней площадке лестницы, а тетушка Этель в расстроенных чувствах ждала объяснений у нижней ступеньки, мы обнаружили неопровержимую улику — изжеванный мокрый уголок конверта — под стулом в прихожей.

А потом произошло прямо-таки чудо. Тетушка Этель уже вознамерилась удалиться в благородном негодовании (она недолюбливала наших животных с того дня, как Блонден беспечно пустил ей за шиворот теплую струйку, пока она дремала в кресле, и это, сообщила она нам ледяным голосом, было Последней Каплей), когда Саджи встала и медленно, тяжело спустилась по ступенькам.

Ее фигура уже приобрела грушевидную форму, хотя пока никаких неудобств от этого она не испытывала. Еще и недели не миновало, как она погналась за птичкой через сад с такой энергией, что ободрала нос о штакетник. Не очень серьезно, а ровно настолько, чтобы на пару дней

стать еще более косоглазой, стараясь рассмотреть царапину. И она все еще вихрем взлетала по древесным стволам без видимых дурных последствий. Если, конечно, отбросить Чарльза, который стонал и сжимал виски в ладонях всякий раз, когда она задевала ветку своим — мы надеялись — ценным грузом котят.

И вот теперь, к нашему вящему изумлению, она спустилась слабеющей походкой, точно каждый шаг давался ей с неимоверным трудом, жалобно посмотрела в глаза тетушке Этель и сказала:

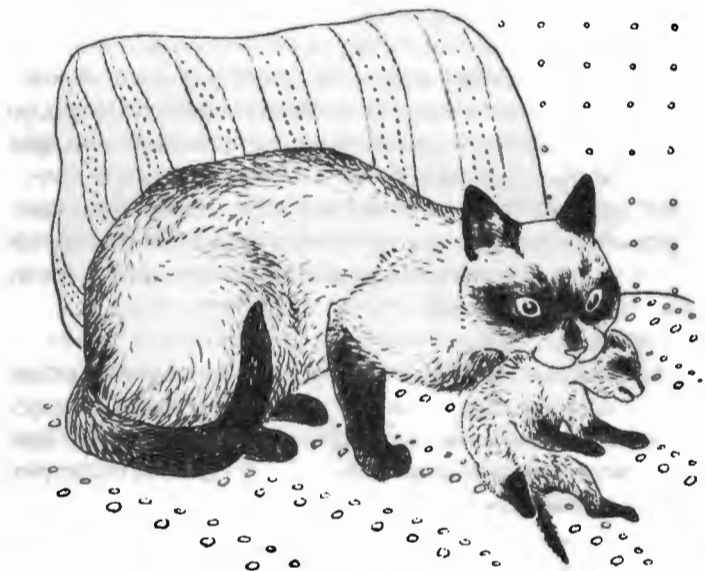
— Уааааа!

Не исключено, что ей и правда было худовато — давал о себе знать съеденный апельсиновый конверт. В любом случае, до конца этого визита тетушки Этель мы не знали никаких тревог. Ночью она засыпала, держа Саджи в сострадательных объятиях, а днем нежила у себя на коленях, ласково поглаживала ее уши и объясняла бедняжке, какие нехорошие хозяева ей достались: допустили, чтобы с милой малюткой сотворили эдакое.

Милая малютка и бедняжка, упиваясь сочувствием, как способны лишь сямки, скорбно со всем соглашались. Послушать ее, так она даже думать о замужестве не желала и в Дорсет мы ее приволокли за волосы на ее невинной головке.

Но нас это не трогало. Впервые за долгие-долгие месяцы — причем в присутствии не только Саджи, но и тетушки Этель! — мы обрели подобие покоя.

Глава шестая

ВХОДЯТ ЧЕТЫРЕ ГЛАДИАТОРА

Котята Саджи родились в марте. Весь жуткий вечер мы убеждали ее рожать в картонной коробке, устланной газетами, как рекомендовалось в книге о кошках, а она раз за разом вылезала из коробки и гневным шагом отправлялась наверх, негодуя, прижимая уши при одной мысли о таком непотребстве. Родились котята сразу после полуночи на нашей кровати (она сказала, что иначе вообще рожать их не станет). Чарльз и я сидели справа и слева от нее с книгой о кошках под рукой и с тревогой ждали осложнений.

Но их не последовало. Все произошло тихо, мирно, деловито и быстро, только последний оказался вдвое меньше первых трех — исключительно по ее вине, указал ей Чарльз: предупреждал же он, чтобы она прекратила лазить по деревьям.

И тут же мир и тишина надолго покинули наш дом. Проснувшись утром, мы сделали тягостное открытие:

Саджи, которая никогда ничего не делала наполовину, решила стать Идеальной Матерью.

И пока это длилось, жизнь превратилась в ад. Первые дни она не оставляла котят почти ни на секунду. Когда ей хотелось есть, она выходила на верхнюю площадку и орала. Когда же мы приносили ей еду, она либо уже лежала в корзинке и кормила их, будто они были нежными лилиями, готовыми увясть прямо у нее на глазах, либо нетерпеливо расхаживала взад и вперед, как коммивояжер в ожидании поезда.

А котята ей подыгрывали. Единственный раз, когда мы уговорили ее ненадолго спуститься вниз с нами, не успела она привычно скосить глаза на Шорти, как сверху донесся пронзительный вопль, и она помчалась наверх, перепрыгивая через ступеньки и крича: «Видите, видите, что случилось, стоило мне уйти от них на Мгновение? Их Похитили!»

Только сумасшедшему могла прийти мысль похитить эту ораву, и она прекрасно это знала. С той секунды, когда каждый торжественно открыл один глаз задолго до того, как им было положено, и все они зловеще прищурились на окружающий мир точно китайские пираты, стало ясно, что с ними надо держать ухо востро. Однако идея похищения добавила перчику к мелодраме. Из просто идеальной матери Саджи преобразилась в идеальную мать, защищающую своих детей от похитителей.

А похитителем мог оказаться любой. Когда священник заходил выпить чаю, она уже не забиралась к нему на колени, не осыпала волосками его лучшие черные брюки, а оставалась в прихожей и бросала на него зловещие взгляды из-за двери. Когда появлялся рассыльный мясника, она уже не мчалась, опережая всех, чтобы посекретничать с ним касательно печенки, а свирепо сверкала на него глазами из окна и кричала: «Еще Один Шаг, и я вызову полицию».

Когда же полиция явилась в лице констебля Макнаба, чтобы вручить повестку Чарльзу, который как-то утром по вполне понятной причине въехал в город в сонном забытьи и на два часа оставил машину прямо под знаком

«стоянка запрещена», Саджи закатила такой скандал, что мы ничуть не удивились, когда Макнаб, выйдя за калитку, достал записную книжку и сделал в ней пометку, — несомненно, о нарушении общественного порядка. А когда тетушка Этель приехала на субботу с воскресеньем специально, чтобы посмотреть котят, и мы принесли их вниз, полагая, что уж с ней-то ничего не произойдет — с самой задушевной подругой их матери! — Саджи чуть с ума не сошла.

Одного за другим со всей возможной быстротой она хватала котят за шкурку и мелодраматично уносила в свободную комнату. Весь прошлый год, когда приходило время спать, она во весь голос горько жаловалась, что комната эта — Гнустная Темница и уж лучше бы ей сразу родиться Марией-Антуанеттой! А теперь выходило, что это единственное место в мире, где ее котяткам ничего не грозит. Тетушка Этель виновато последовала за ней с корзинкой и оброненным котенком, которого подобрала на лестнице, но Саджи, мужественно неся стражу в дверях, зарычала на нее настолько реалистично, распушив хвост и вздыбив сиамскую боевую гривку, что тетушка Этель слетела по лестнице с быстротой, на какую я не считала ее способной, и уехала со следующим же поездом.

По-моему, даже Саджи признала, что немножечко перегнула палку. Либо так, либо ей просто надоело играть в идеальных матерей. Как бы то ни было, на следующее же утро она в семь часов свалила котят к нам на кровать с такой беззаботностью, словно никогда в жизни не слышала о похитителях и похищениях, отправилась в лес и вернулась только в девять. С этой минуты она недвусмысленно давала нам понять, что котята находятся на нашем попечении не меньше, чем на ее.

С тех пор мы нередко гадали, не было ли связи между тем фактом, что в следующие недели этих котят постоянно роняли на головы, и тем, какими они выросли. Каждое утро минимум один из них стучался об пол, пока Саджи в неистовстве прыгала на кровать, запихивая котят в мои объятия с елико возможной быстротой. Хотя мы не зашли

бы так далеко, как Саджи, и не объявили бы его Испорченным (она никогда не трудилась поднять упавшего, а только раздраженно на него взглядывала и бежала за следующим), было ясно, что на пользу им это пойти не может. И следует заметить, что чаще других падал на голову Соломон.

Все, кто его знал, рано или поздно спрашивали, почему, собственно, мы назвали его Соломоном. Так уж подшутила над нами его матушка. Прекрасно зная, что мы решили оставить себе кота из ее первого помета для демонстраций и назвать его (с остроумным изяществом, как нам казалось) Соломон Сильный, она услужливо родила трех мальчиков, чтобы у нас было из кого выбирать, с горячим интересом следила, как мы две недели с книгой про кошек в руке обсуждали их достоинства и решали, какого же оставить себе, а под конец могла хохотать до упаду, когда выяснилось, что выбора-то у нас и нет! И судьба с самого начала предназначила для нас того, которого мы сразу забраковали за большие лапы, уши как у летучей мыши и полное отсутствие мозга. Все остальные, включая и крохотную кошечку, оказались блюпойнтами!

Вдобавок к прочим недостаткам Соломона усы у него были пятнистыми. Задолго до того, как у него на носу и лапах появились темные мазки, предостерегая нас, что он наш навсегда, мы отличали его от других благодаря этой его особенности. Ну, точно орхидея, — сказала тетушка Этель во время следующего своего визита, извлекая его из ведерка с углем — она помирилась с Саджи, и та в знак дружбы высыпала на колени тетушке Этель своих извивающихся, пищущих деток, а его, по обыкновению, уронила за борт. «Точно бамбучина» было бы точнее. Ну да, бамбук или орхидея, узнавали мы его по усам, как того, кто всегда питался лежа.

Когда мы впервые обнаружили это, нам чуть дурно не стало: три котенка сосут что есть мочи, расположившись для удобства на четвертом, а он словно бы в обмороке. Трижды мы извлекали его из-под них, чтобы он мог вздохнуть, однако минуту-другую спустя он опять оказывался в той же позе, и у нас возникли подозрения. Когда

мы подняли верхний слой котят и посмотрели хорошенько, наши подозрения подтвердились. Пока троица пища-ла, толклась и царапалась, чтобы занять более удобную позицию, большелапый с пятнистыми усами блаженствовал под ними на спине, получив в свое распоряжение оба задних соска.

И когда его перестали от них отрывать, он, естественно, вскоре стал самым крупным из четверых и любимцем Саджи, чем и объяснялся тот факт, что роняла она его чаще прочих.

Когда ей хотелось привлечь к себе внимание (а зрелище и правда было очаровательным, должны мы были признать скрепя сердце), именно Соломона она тащила по дороге, самодовольно ухмыляясь над его толстенькой белой головенкой в ответ на рукоплескания. Однако прогулка эта по духу была прогулкой кинозвезды, которая катит по Гайд-парку колясочку со своим отпрыском под щелканье фотокамер, а потому Саджи обычно роняла Соломона, едва войдя в калитку, предоставляя нам его выручать. Иногда она перебиралась через ограду и роняла его в канаву. И обязательно роняла, когда предпринимала какой-либо сложный маневр — например, прыгая на кровать. И чем больше он становился, тем чаще она его роняла. Когда она тащила Соломона вверх по лестнице, его толстенькое белое тельце стучалось о каждую ступеньку. Тетушка Этель после заведомо тщетной попытки отнять его у Саджи в одном таком случае мрачно предсказала, что он вырастет психически сдвинутым. Разумеется, не сбыться такое предсказание не могло — еще не родилась сиамская кошка, у которой с головой все было бы ладно. Однако приходится признать, что странностей у Соломона, когда он все-таки вырос, оказалось куда больше, чем у среднего сиамы, включая непреодолимое желание, чтобы его таскали за шкирку.

Если учесть, что Саджи, стоило ей отказаться от роли идеальной матери, сразу же преобразилась в беззаботную мать-кукушку, остается только поражаться, каким образом эти котята умудрились выжить. Когда их требовалось помыть, она мыла их с таким ожесточением, что они

только-только не вылезали из шкурок. А если они ее раздражали, она кусала их так сильно, что они вопили о пощаде. То есть все, за исключением Соломона, который кусал ее в ответ, а затем, когда она кидалась на него, опрокидывался на спину и так умилительно махал всеми четырьмя темно-коричневыми носочками, что получал дополнительную кормежку, пока остальные не видели.

Ей не помешало бы пройти курс детского питания. Когда котятam исполнился месяц и нам согласно книге о кошках следовало отнять их от груди и давать им другую молочную пищу, она заявила, что для них такое молоко не годится, и выпивала его сама. Когда миновало полтора месяца и мы просто с ума сходили, так как — несомненно по ее указаниям — котята при виде блюдечка крепко жмурились и еще крепче закрывали рты, однажды утром мы обнаружили, что она тайком кормит их огромными кусками кролика из собственной миски и с гордостью наблюдает, как они дерутся за каждый кусок, точно тигры.

И ведь она прекрасно знала, что так не годится. Она опустила уши, пока мы читали ей лекцию о их нежных желудочках, а потом поглядела на нас из-под ресниц и сказала, что во всем виноват Соломон. И возможно, сказала правду. Едва начались неприятности с подкормкой, именно Соломон внушал нам наибольшую тревогу — может ли такой крупный котенок существовать только на материнском молоке? Подумать страшно! И вот теперь он стоял в миске по колено в кусках кролика и пожирал их так, что за ушами трещало. Как бы то ни было, в козлы отпущения был избран Соломон — и не из нехороших чувств, а потому что она считала его замечательным и верила, что мы не устоим перед таким обаянием.

Когда она украла носок из лучшей желтой пары Чарльза и показала ликующим котятam, как прогрызать в нем дыры, чтобы он стал похож на решето, то, опомнившись и сообразив, что она натворила, именно на Соломона была возложена миссия отнести нам жалкие остатки, пока остальная компания в волнении ждала на площадке, готовясь пуститься наутек.

Когда как-то вечером мы отправились в кино, легкомысленно оставив их на нашей кровати — они так уютно устроились на покрывале, а было холодно, — именно Соломон (остальные во главе с Саджи нырнули под кровать, едва на лестнице послышались наши шаги) остался в одиноком миниатюрном величии объяснять, откуда на новехоньком одеяле взялся рядок дырок по краю. Ему пришлось нелегко. Только у одной кошки рот был достаточно велик для этих круглых мокрых дырок, а она распростерлась под кроватью, притворяясь узором на ковре. И только у одной кошки хватило бы сил откинуть покрывало и вытянуть одеяло. Соломон, развернув от ужаса свои огромные уши во всю ширь, слушал, пока мы объясняли ему, кто эта кошка, что она такое и что с ней будет, когда мы ее изловим. Ясно было одно: если он хочет спасти мамочку от еще невиданного телесного наказания, надо действовать без промедления, и он не промедлил. Я приподнимала край одеяла, причитая, что оно погублено, и тут Соломон, чьи глаза горели вдохновением, прыгнул и всунул в дыру толстую коричневую лапку. Вот, сказал он, в какую увлекательную игру они играли перед нашим приходом. Вот почему мамочка прогрызла эти дырки, и было так весело! Вот сами попробуйте!

Мы никогда не могли устоять против этой хитрой мордочки. И попробовали. Секунду спустя кровать уже кишела радостными котятами, которые упоенно бегали по покрывалу и засовывали лапки в дыры, а Саджи, возникшая как по волшебству, едва поняла, что опасность миновала, ухватила Соломона за шкуру и в награду беззаботно сдернула его с подушки.

Но только этой наградой она не ограничилась. Я чуть не хлопнулась в обморок, когда в тот же вечер после ужина он гордо вошел в гостиную, щеголяя пятнистыми, пышными, как куст дрока, усами по одну сторону носа, а по другую зияла пустота. Ему тогда было всего восемь недель, и мы решили, что усы выпали, так как он обожрался кроликом. Тогда мы не знали, что матери-сиамки иногда обезображивают таким способом своих любимых котят, если очень ими довольны.

Это сообщил нам ветеринар — довольно грубо, решили мы, для человека, которому якобы нравятся сиамские кошки. А сообщил он нам это в тот же вечер, а вернее, в половине двенадцатого ночи.

Глава седьмая

СОЛОМОН ВЕЛИКИЙ

Когда несколько дней спустя Смиты пришли к чаю с Джеймсом впервые после рождения котят, Соломон набросился на него. Нам бы следовало предвидеть что-нибудь в этом роде. С момента потери усов, которую он явно счел знаком посвящения в рыцари, Соломон сделался невыносимым. Он заявил, что он — Глава Семьи, и нередко приходилось наблюдать, как глава семьи бесславно утаскивается на спине за угол для промывания ушей. Допустить в дом чужого кота значило нарваться на неприятности.

Беда была в том, что пригласить Смитов без Джеймса мы не могли. Они брали его с собой повсюду — и на почту, и на званный чай к священнику. А не то, объясняли они (и мы, сами владельцы сиамского семейства, прекрасно их понимали), а не то он устраивал Содом и Гоморру, а соседи предъявляли претензии.

Держу пари, он предпочел бы тихонечко посидеть дома, зная, что ему угрожает. Прямо-таки опять вижу, как он изящно ступает по дорожке в своей алой шлейке и иног-

да останавливается понюхать цветок. Саджи поздоровалась с ним у двери. Пожалуй, чуть подозрительно, но Саджи всегда встречала гостей подозрительно, что придавало их визитам куда больше пикантного интереса. Они бок о бок вошли в гостиную, где, сообщила Саджи, ее семейство ну просто горит желанием познакомиться с ним. И я вновь переживаю жуткий момент, когда Соломон, ошетинив свои односторонние усы от ненависти, вылетел из-под стола, выпрямился на все свои шесть дюймов и зашипел на него.

Не успев начаться, наше церемонное деревенское чаепитие превратилось в бедлам. Саджи, вопя, что он Напал на ее Сына, накинулась на Джеймса. Джеймс, который и лапой не пошевелил, в спор вступать не стал и поспешно ретировался через блюдо с огуречными сэндвичами. А Соломон, вне себя от возбуждения, укусил миссис Смит за ногу. Еще долго после того, как Джеймса, дрожащего точно осиновый лист, увезли домой, а мы подмели осколки вазы, прежде стоявшей на окне, Соломон продолжал рассказывать нам про ногу миссис Смит.

— А потом я укусил Джеймса, — распевал он, сидя на кухонном столе, где мы устало резали для них кроличье мясо. — А потом я загнал его на самый верх занавески. А потом я снова его укусил...

Но он выдавал желаемое за действительное. На самом деле Джеймса укусила Саджи. Едва миссис Смит вскрикнула, как Соломон ракетой метнулся под бюро, остальные котята за ним, и следующие двадцать минут мы его не видели, если не считать двух круглых, как шарики, глаз, которые ошарашенно взирали на кавардак и опустошения. Но в этом был весь Соломон. Вдобавок ко всему из него вырос кошачий барон Мюнхгаузен.

Обычно, готовя еду для котят, мы запирали их в прихожей. Как сказал Чарльз в тот день, когда ударил себя ножом по пальцу, чего можно требовать от человека, если четверка пиявками повисает у него на ногах, а Саджи испускает голодный вой у него над ухом? Когда миски ставились на пол и дверь в прихожую открывалась, в нее входили не просто котята, а врывался конный отряд помощников шерифа с Соломоном во главе. Прижав уши,

задрав хвосты, они тесной кучей проносились по гостиной, по коридору и в кухню, а по пятам за ними устремлялась в атаку Саджи с таким же энтузиазмом (хотя и чуточку смущенно), как любой из них.

Однажды дверь в сад оказалась открытой, и Соломон, у которого в жизни были лишь две цели — Есть и выбирать-ся Наружу, рассеянно увлек свой отряд во двор и лишь потом спохватился. Проходивший мимо старик Адамс громко восхищался тем, как лихо Соломон затормозил в облаке пыли, повернулся и с громовым ревом повел остальных в атаку на миски. «Этот махонький черныш, — сказал он, — родился он лошадей, вырос бы в отличного гунтера¹».

Соломон это запомнил. Со временем он таки вообразил себя конем и устроил нам веселую жизнь. А пока он сосредоточивался на том, чтобы быть главой семьи, в чем тоже весьма отличался.

По утрам, когда отряд вырывался из парадной двери и взлетал на сливовое дерево с такой скоростью, что глазам было больно смотреть (половину своего времени они проводили на сливовом дереве, следя сквозь листву за ним о чем не подозревающими прохожими, а вторую — сидели на подоконнике в прихожей, прижав носы к стеклу, горько жалуясь, что Вот Сейчас мимо проходит кто-то интересный, а они его Не Увидели!), именно Соломон всегда мчался впереди, вопя, что Сегодня Утром он первый залезет на Самую Макушку. И всегда именно Соломон после первого прыжка, достаточного, чтобы перемахнуть через крышу, повисал на стволе футах в двух над землей и отчаянно требовал, чтобы мы Побыстрее Его Сняли, у него Голова Кружится.

Единственный раз, когда он все-таки оказался на макушке (мы решили, что его вознесли туда остальные карабкавшие следом котят), он пришел в такое неистовое волнение, что, увидев приближающегося священника, свалился ему на голову. Ни он, ни священник не

¹ Г у н т е р — крупная, сильная и выносливая верховая лошадь, разводимая в Англии и Ирландии для спортивной охоты и скачек с препятствиями.

пострадали, хотя последний побагровел и — впервые за наше знакомство — чуть было не помянул черта, ограничившись, правда, замечанием, что если уж нам понадобится дать ему библейское имя, так почему мы не назвали его Вельзевулом? И с тех пор он, когда шел навестить нас, всегда останавливался на почтительном расстоянии и оглядывал сливу, прежде чем открыть калитку. Но он мог бы не тревожиться. Соломон не повторил своего подвига. Наш маленький мечтатель с коричневой мордочкой, хотя и будил весь дом в пять утра, требуя, чтобы его поскорее выпустили — он чувствует, что на Этот Раз у него получится, — не способен был залезть туда даже за самой соблазнительной приманкой.

Мы непрерывно спасали его откуда-то или от чего-то. Если не со сливы, так с четвертой перекладины ворот из пяти перекладин, выходивших на дорогу. Саджи, обожавшая покрасоваться, постоянно подстрекала свое потомство забираться на самый верх с явной целью предложить людям, идущим через лес, умилительную картину Мать с Котятами На Верху Калитки.

Картина и впрямь была бы эффектной, если бы Соломон мог забраться туда. Однако, когда появлялись люди, Соломон, оскорбленно стеная, находился на предпоследней перекладине, безнадежно там застряв, а Саджи, вместо того чтобы, как планировалось, ухмыльнуться им, скромно сощутив глаза, в окружении симпатичных котят, лежала, растянувшись, на животе и отчаянно пыталась подцепить его лапой.

Соломон никогда не терзался из-за того, что ему не удавалось забраться на сливу, но по какой-то непонятной психологической причине фиаско с воротами больно ранило его самолюбие. В конце концов он стал их чураться. Когда остальные котята с воплями восторга взбирались по столбу и начинали, точно канатоходцы, прогуливаться по верхней перекладине, держа свои нелепые хвостишки вертикально, как миниатюрные флагштоки, и возбужденно повизгивая, чуть кто-то соскальзывал и опасно повисал на одной лапе, Соломон удалялся в гордом одиночестве и садился на кизильник.

Это был стелющийся кизильник — он рос у стенки угольного сарая, достигая в высоту аж трех футов, и просто сердце надрывалось при виде Соломона, который восседал на нем, пытаясь придать себе вид покорителя Эвереста. Даже остальные котята его жалели. Однажды, когда Саджи испустила свой трубный клич, призывая их живописно расположиться на воротах, они дружно направились к кизильнику, где уже пребывал Соломон. К несчастью, Соломон их не ожидал, свалился и растянул сухожилие на лапе. Чтобы ни случилось, он всегда оказывался в проигрыше.

Единственно, чем он безусловно превосходил их (не считая самых больших лап и самого большого аппетита), так это голосом. Конечно, и у них, как у всех сиамских кошек, голоса были ничего себе. Даже кошечка, куда более тихая, чем ее братцы, и склонная предаваться безмолвным медитациям на занавесочном карнизе, иногда пугала наших гостей, испустив надтреснутым сопрано протяжное «Уооооо», если ее осеняла особенно глубокая мысль.

Но Соломон еще котенком мог бы по силе голоса потягаться с лягушкой-быком. И говорил он без умолку. Иногда мы слышали, как он болтает в самые глухие часы ночи. Когда мы отправлялись посмотреть, не случилось ли чего (мы никогда не оставляли без внимания ночные звуки с тех пор, как обнаружили Блондена за дверью, вознамерившегося удушиться под подкладкой рукава пиджака), и всякий раз трое других котят мирно похрапывали, точно беленькие ангелочки, Саджи лежала на боку, приоткрыв один глаз, и, видимо, от души желала ему провалиться в тартарары, а Соломон, сидя в корзинке, беседовал с пауком.

Соломон любил пауков. Если ему попадался слишком старый или немощный, неспособный убежать, он съедал его шумно, с открытым ртом (привычку эту он унаследовал от Саджи), одновременно беседуя и одобрительно чавкая. Потребовалось некоторое время, чтобы установить, кто из котят, поглощая кроличье мясо, время от времени издает экстазное «Вухухуу!» точно маленький товарный поезд в Скалистых горах, но в конце концов им оказался опять-таки Соломон.

Он обладал своим особым словарем, который ради собственного блага мы быстро научились понимать. Когда в дверь гостиной просовывалась темная голова и испускала негромкое, но настойчивое «вуууу», этим мы и наши гости оповещались, что земля в ящике грязная и, хотя он просит извинение за свое вторжение, ее надо немедленно сменить. Соломон не любил грязной земли в ящике. Хриплое «уааааа», сопровождаемое стуком, доносившимся из кухни, где он мужественно пытался открыть дверь кладовки, означало, что ему хочется есть. Громкие протяжные стенания откуда-то с холма за коттеджем указывали, что Соломон, с шумом и помпой отправившись с остальными как Глава Семьи, опять отстал и хочет, чтобы его спасли. Не разговаривал он, только когда сосал Саджи, — стоило ему открыть рот, и он лишался своего места. А потому в такие моменты он взамен крутил своими огромными ушами, словно собираясь взлететь.

Разумеется, Соломон не был единственным котенком с характером среди детей Саджи. Но он был единственным силпойнтом, мы собирались оставить его себе, а потому, естественно, обращали на него больше внимания. Его два голубых братца уже выбрали себе карьеру: они нацеливались стать специалистами по вольной борьбе. Эти двое были настолько похожи, что даже мы не умели их различать, пока в один прекрасный день Соломон не укусил Саджи за хвост, а тогда она с досады решила, что он больше не ее любимый котенок, и отгрызла усы у одного из них. И они были неразлучны, хотя их взаимная привязанность отличалась своеобразием, чего, впрочем, и следовало ожидать от детей такой матери, как Саджи. Они никогда не сидели, уютно прижавшись друг к другу напоподобие котят, украшающих рождественские открытки. Нет, они вечно сплетались в тесных объятиях, стараясь вышибить дух друг из друга.

Их сестричка тоже выбрала себе карьеру. Она собиралась стать сиамок-вампом и уже сейчас старательно обольщала для практики Чарльза и Сидни — парня, помогавшего в саду. По вечерам она надолго устраивалась на коленях Чарльза, смотрела на его лицо полузакрытыми глазами и трепетала от страсти, когда он поглядывал на нее.

По субботам и воскресеньям, когда Сидни косил траву или окучивал картошку, она с неумолимой решимостью томно повисала у него на шее, вдвое снижая производительность его труда, за который он получал в час три шиллинга шесть пенсов. Она вела с ними обоими долгие интимные разговоры, которые сразу обрывались, стоило появиться мне, а когда я упоминала в той или иной связи о грядущей продаже котят, Чарли и Сидни смотрели на меня как на Горго-ну, пока их подружка прихорашивалась на заднем плане.

Впрочем, оставалось еще несколько недель до того, как вопрос о их продаже всерьез встал бы на повестку дня. А тем временем с облегчением, к которому с моей стороны примешивалось немало дурных предчувствий, мы готовились на Троицу уехать из дома. Предчувствия объяснялись тем, что после рокового чаепития просить Смитов приютить их нам не хотелось и мы зарезервировали Саджи и котят место в приемнике, где она спаривалась. Он специализировался исключительно на сиамских кошках: там они получают собственный домик и обширную личную территорию для прогулок. Несомненно, им там будет хорошо. Единственное «но» заключалось в том, что до приемника от нас сорок миль.

Это меня тревожило. Настолько тревожило, что всю предыдущую неделю я просыпалась на заре в холодном поту от одной только мысли о предстоящей поездке. Чарльз, разумеется, сохранял обычный оптимизм. Кто-то рассказал ему, что для кошек существуют транквилизаторы, и он обещал взять что-нибудь подходящее у ветеринара. Саджи он даст его сам. Котята поедут в корзинке, а Саджи всю дорогу до Холстока мирно продремлет у меня на коленях. Проще простого.

Наверное, так оно и было бы, запасись он транквилизатором для слона. Бесспорно, первые двадцать минут мы ехали в блаженном покое: Саджи сонно поглядывала через мое плечо на проносящиеся мимо деревья, а сзади доносилась лишь легкая возня. Затем действие транквилизатора кончилось, и все вернулось на круги своя. Сумасшедший дом. И с лихвой. Саджи носилась по машине как борзая, вопия, что не только ее Похитили, но еще и Одур-

манили, и где, где ее обожаемые детки? Чарльз кричал: «Да хватай же ее во имя всего святого, не то мы разобьемся!» Котятки упоенно присоединились к общему веселью, прижали мордочки к отверстиям и орали, что они здесь, здесь, мамочка! А я тихонько подвывала.

Как мы доехали, понятия не имею. Попробовали сбросить скорость — никакого толку, только у прохожих появилось больше времени таращить глаза. Попробовали прибавить скорости — и Саджи истерически метнулась под педаль сцепления, чуть не отправив нас всех на тот свет. Мы посадили ее в корзину к котяткам, надеясь, что они приведут ее в себя, — и через пятьдесят ярдов должны были снова остановиться и вытащить ее из корзины, пока она их не передавила. Затем, едва мы завершили эту операцию и привязали корзину на место, как раздался оглушительный вопль — Соломон просунул свою большую глупую башку в отверстие и повис, задыхаясь и визжа от ужаса, а его голова торчала наружу точно охотничий трофей на стене.

Это была одна из самых страшных минут в моей жизни. Даже Чарльз словно обезумел. Выпрыгнул из машины, захлопнув дверцу, чтобы Саджи не выскочила следом за ним, и начал торопливо выворачивать на траву содержимое своих карманов. В ответ на мой вопрос, что с ним, он крикнул, что ищет перочинный ножик.

Есть только один способ спасти Соломона — расширить отверстие!

— И убить его, — крикнула я. — Между шеей Соломона и краем отверстия и пчелиного жала не просунуть, не то что лезвие ножика! Вот посмотри.

Я протянула руку, чтобы продемонстрировать, как крепко Соломон застрял, — и Соломон тотчас прокусил мне палец до кости. «Ну, — подумала я, — если у него хватает сил на это, так он выдержит и то, что я сейчас сделаю!» Я прижала ладонь к его мордочке, зажмурилась и надавила. Раздался звук, словно кто-то всасывал воздух, Соломон успел, на счастье, укусить еще один палец, и его головка провалилась внутрь, как пробка в бутылку.

И мы покатали дальше. Дантов Ад на колесах. Роковое отверстие заткнуто шарфом, моя рука замотана полотен-

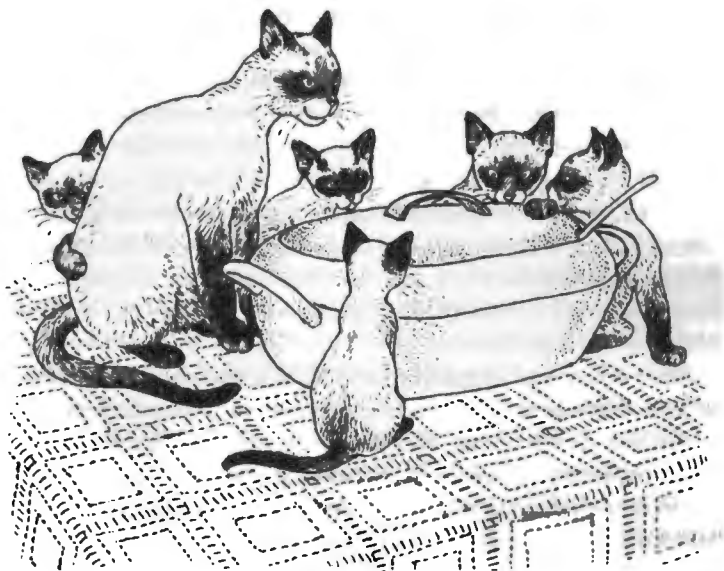
цем, а Саджи, причина всего, кружит и кружит по машине, как юла. В Гладстонбери мы нашли лавку, где продавались корзины, купили самую большую с крышкой и засадили в нее Саджи. Теперь она хотя бы лишилась возможности прыгать на нас и на педали, зато всю свою энергию начала расходовать на вопли.

Мы не чаяли добраться до Холсток живыми. И изумились еще больше, когда все-таки добрались до питомника и открыли корзины. Из одной грациозно вышла Саджи, безмятежно-спокойная, и испустила приветственный крик. Из другой вывалились четыре игривых котенка, ничуть не утомленных дорогой, и первым вывалился Соломон, а мы-то опасались, что он сляжет!

Когда мы попросились с ними, они ползали вверх-вниз по сетке своего вольера, словно гусеницы. Однако мы договорились позвонить вечером в питомник, чтобы узнать, как они себя чувствуют. Чарльз опасался, что они просто ошеломлены и последствия шока скажутся позднее. Когда после ужина я услышала, как он позвонил миссис Фрэнсис, а затем испустил стон, то решила, что его предчувствия сбылись. Однако, положив трубку, он заверил меня, что все в полном порядке.

— Просто Саджи разглядела Рикки в другом конце питомника и принялась приветствовать его во весь голос, а котята, — добавил он мрачно, — нас подвели: им так понравился их уютный, блистающий чистотой ящик с землей, что они улеглись в нем спать.

Глава восьмая

УЩЕМЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОГО ОРГАНА

— Кошки, — сообщил старик Адамс, уныло облокачиваясь о калитку и нахлобучивая шляпу на глаза, — они почище дьявола будут.

Из его слов мы заключили, что, всем его усилиям вопреки, у Мими опять начался период охоты.

Уже три раза она проводила с Аяксом медовый месяц на чердаке, оглашая окрестности экстатическими воплями, и трижды старик Адамс напрасно молился о том, чтобы услышать топоток маленьких лапок. Не только Мими отказывалась побить доходностью клубничные грядки, но и от самих грядок ждать дохода не приходилось — как-то ночью два поклонника Мими затеяли между ними драку и поломали все цветки.

Старик Адамс сказал, что ничего понять не может. Он напрочь отвергал теорию миссис Адамс, будто причина в том, что у Аякса есть жена и он, как и положено хорошему мужу, не желает даже смотреть на других кошек. Старик

Адамс обозвал ее старой дурой. Но не потому, что она заговорила о жене Аякса. Все пациенты доктора Такера были знакомы с супругой Аякса, стройненькой, с глазами кроткой лани по имени Андромаха. У нее имелись два основания прославиться. Во-первых, она укусила рассыльного из бакалейной лавки — многие домашние хозяйки, которых он допек своим нахальством, были бы рады последовать ее примеру. А во-вторых, она так любила Аякса, что, и обзаведясь котятами — то есть тогда, когда кошки бросаются на кота и бьют его, едва он появится, — пускала его в корзину к ним.

Это-то старик Адамс знал. Он сам видел, как могучий, весь в боевых шрамах Аякс нежно вылизывал ушки последней партии своих отпрысков, пока Андромаха принимала солнечную ванну на крыльце. За это старик Адамс называл его подкаблучным дурнем. Чтобы он сам да стал бы утирать рожи своих детей, пока его супружница греет задницу на солнце?

Однако старик Адамс наотрез отказывался поверить, будто Аякса напрочь не интересуют другие кошки. «Коты, они не дураки», — сказал он. Впрочем, и никто другой этому не верил, пока серия странных событий не заставила их призадуматься. Андромаха, придя в охоту, когда Аякс был отправлен лечить ухо к ветеринару, как-то ночью вылезла через окно кладовой и отправилась прогуляться с котом по кличке Нельсон, который проживал в «Гербе Плотника». Это была дивная майская ночь, воздух благоухал цветущим боярышником, а в роще романтично пел соловей. Аякс был далеко-далеко с пенициллиновым порошком в ухе, а Нельсон был рядом, пылая любовью, и вот через девять недель родилось семь черно-белых котят в корзине на веранде докторского дома, и пищали они голосом Нельсона.

За этими котятами Аякс не ухаживал. Сколько Андромаха ни терлась усами о его усы, сколько ни повторяла, что их отец — ты, глупенький! — и, наверное, во всем виноват пенициллин, Аякс в черном и белом разбирался. И был знаком с Нельсоном. Как-то ночью он его чуть не убил на крыше «Герба Плотника», а когда в следующий раз гос-

тил у Мими, с такими глупостями, как верность жене, было покончено. Мими разрешилась шестью крепенькими Аяксиками, и старик Адамс удовлетворенно потирал ладони, но миссис Адамс успешно угасила его радость, повторяя, что, на ее взгляд, нехорошо это, нехорошо, и в конце концов он потребовал у нее ответа, чего она от него-то хочет. Чтобы он свозил чертовых кошек в брачную консультацию?

Естественно, чистейшей воды случайность. Просто Мими принадлежала к кошкам, которые спариваются с трудом. И все равно люди говорили, что от такого поневоле призадуматься. Однако в тот день, когда старик Адамс сетовал, прислоняясь к нашей калитке, этот поразительный оборот событий был еще в будущем. А мы не ведали, какие нас поджидают трагедии. В тот момент нас заботило только то, каким образом заставить Саджи и четверку маленьких тиранов вести нормальный образ жизни.

Это потребовало массы стараний. Например, когда у нас кто-то гостил, мы уже не могли запирать их в свободной комнате. В то время когда Саджи пользовалась этой комнатой как детской, мы, удобства ради, перетащили туда ящик с песком, и, по убеждению котят, он стал ее обязательной принадлежностью, незыблемой, как Гибралтарская скала. После крайне неловкой ночи, когда Соломон (он по лени никогда не пользовался ящиком перед сном вопреки наставлениям Саджи, а потому вынужден был вскакивать в глухую темень) чуть было не сорвал дверь с петель, вопя, что ему требуется незамедлительно войти, а мы тщетно втолковывали ему, что ящик на лестничной площадке отвечает самым взыскательным требованиям, гостей туда мы больше не помещали, а сами спали там с котятами, ящиком и прочим, уступив свою комнату гостям.

А гостей нам приходилось отбирать очень тщательно. Одно дело оставить Саджи сидеть на столе во время еды и в случае необходимости быстренько ее убрать, сделав вид, будто мы не понимаем, что на нее нашло — обычно она никогда себе ничего подобного не позволяет. И совсем

другое, когда кошка и четыре котенка, едва стол накрыт, шествуют по нему, точно отряд Армии Спасения, и уютно располагаются вокруг судка. Это уже за исключительный случай не выдашь. Бесполезно было и запира́ть их в прихожей, объяснив, что мы так всегда поступаем, садясь за стол. Они поднимали такой шум, вопили и прыгали на дверь, что гости обязательно просили, чтобы из-за них бедняжечек не запирали, и сами спешили открыть дверь. После чего бедняжечки мчались через комнату прямо на стол с такой целеустремленностью, что последний тупица понял бы, где они обычно сидят, когда мы едим.

К тому времени, когда мы отсеяли знакомых, которым не нравилось, что в их тарелки, пока они едят, заглядывают котята, знакомых, которых не устраивало, что Соломон срыгивает им на колени пауков (главный паучий недостаток — абсолютно неудобоваримые ноги), и знакомых, которые не желали играть в канасту, если котята жевали карты или на пробу совали лапки им в уши, не осталось практически ни одного потенциального гостя.

Да оно, пожалуй, было и к лучшему. Наше жилище выглядело не слишком презентабельно. Например, лампа на столике, переделанная из подсвечника XVIII века и до того изогнутая, что на ум невольно приходил пассажир у борта, страдающий морской болезнью. Гости, склонные к романтическим фантазиям, могли вообразить, что его в миг душевного волнения уронила на мраморные ступени лестницы прекрасная дама или им воспользовались, как оружием в пьяной стычке, аристократы эпохи Регентства. На самом же деле он погнулся в тот день, когда четверо котят попытались разом преодолеть его в скачках с препятствиями, которые они устроили в гостиной, и вернуть ему прямизну нам так и не удалось.

На бюро прежде стояли кувшин бристо́льского стекла, старинная пивная кружка в виде головы в треуголке и фарфоровая статуэтка бретонской пряжи. Бристо́льский кувшин отправился к праотцам на следующий день после того, как Саджи вывела своих детишек из свободной комнаты. Когда я вбежала, услышав звон бьющегося стекла, Соломон сидел там, где только что стоял кувшин, и смот-

рел вниз на осколки круглыми как блюдечки глазами, а Саджи и остальные котята внимательно смотрели на муравья, который, клялись они, сию секунду скрылся за углом. Соломон сказал, что кувшин сам упал, едва он туда залез, и почему кувшин теперь совсем другой?

Мы так и не узнали, кто отбил голову бретонской пряжи. Все усердно учились ловить мышей в дальнем конце огорода, когда мы нашли на ковре ее обезглавленное тело, а когда они вернулись к обеду, то заверили нас, что для них это тоже тайна за семью печатями.

После этого мы, оберегая наше последнее сокровище, при появлении котят заботливо ставили пивную кружку на пол, хотя с тем же успехом могли бы оставить ее на прежнем месте. Обнаружив, что верх бюро теперь свободен и чист, они пристрастились сидеть там всей компанией, решая, чем заняться дальше, и вот в один прекрасный день голубые братцы затеяли показательный бой, Соломон заявил, что должен сидеть впереди, ведь он самый главный, его сестричка яростно отказалась подвинуться хоть на йоту, а то он заслонит от нее Чарльза, и в результате они все одним клубком свалились на кружку точно бомба, и ей пришел конец.

Куда бы мы ни смотрели, всюду видели хаос и запустение. Покойное кресло в углу, задрапированное драным пледом из машины — не для защиты от котят (надежду оберечь его мы потеряли давно: когда им хотелось поточить о него коготки, они просто отгибали плед), но чтобы скрыть тот факт, что теперь набивка торчит из него пучками на манер фантастической африканской прически. Пятно на ковре там, где Соломона стошнило после того, как он умял две кремовые булочки за один присест. И еще одно — где Чарльз уронил кофейник в тот день, когда кошечка, которая все еще была немногим больше мыши, влюбленно вскарабкалась по его ноге, но не по брючине, а под ней.

Тетушку Этель эти пятна очень сердили. Чарльзу следовало бы научиться держать себя в руках, а мне следовало бы понимать, что котят в таком возрасте кремовыми булочками не кормят.

Просто смех! С того дня как Соломон в первый раз забрался на стол (очень простым способом: вскарабкался по занавеске и прыгнул с нее, когда оказался на уровне пищи), кормить его нужды не было. Он сам брал то, что ему нравилось. К сожалению, чаще ему нравилось то, что было для него вредно.

Например, креветки. Предложите креветку Саджи — она зажмурится и сообщит, что вообще никогда ничего не ест. Предложите ее голубой парочке — они нюхнут и с новым пылом продолжат очередную схватку. Предложите ее кошечке, которая была такой разборчивой, что мы удивлялись, как это она еще не потребовала, чтобы еду ей доставляли из Дочестера, — и она скажет, что креветка Грязная, и спрячет ее под коврик. Предложите ее Соломону, просто дайте ему понюхать ус креветки, и он пойдет за вами хоть на край света: глаза на коричневой мордочке блестят от предвкушения, розовый язычок облизывает мордочку чуть не до бровей.

Соломону нравились чесночная колбаса, ливерная колбаса, пшеничные хлопья и веревочки. В первый раз увидев, как веревочка исчезла у него во рту (а затем он икнул так, что его буквально приподняло), мы в жуткой панике позвонили ветеринару, но он устало вздохнул и рекомендовал нам не тревожиться, особенно если речь идет о Соломоне, которого он иначе как страусом не называл. Природа обо всем позаботится. И она позаботилась, как и во всех остальных случаях, когда мы заставляли его за поеданием веревочки в окружении остальных котят, которые восхищались им так, будто он был звездой цирка и исполнял свой коронный номер. Разумеется, именно таким он себя и воображал. А мы все равно каждый раз пугались до смерти. Я боялась, что он подавится и задохнется, а Чарльз красочно рисовал, как она змеится по его внутренностям. У нас гора с плеч свалилась, когда он сделал замечательное открытие, что теперь способен взять в рот мячик для пинг-понга, и вместо того чтобы жевать веревочки, начал изображать из себя овчарку.

Пауки, веревочки, иногда зазевавшаяся на капусте бабочка, которую Соломон съедал вместе с крылышками, —

неудивительно, что его часто тошнило. Но ни разу, ни разу его так великолепно не рвало, как в тот день, когда он скушал кремовые булочки. А съел он их, что бы ни утверждала тетушка Этель, по чистой случайности. Телефон зазвонил, когда я разбирала покупки. Я сгребла в охапку рыбу, отбивные, колбасу и бекон — все, на что Соломон плодоядно облизывался, сообщая, что он их очень любит, и спрашивая, будут ли они поданы к чаю, — и на всякий случай унесла их с собой. Всего неделю назад, болтая по телефону, я увидела, как мимо проследовала процессия, ведомая главой семьи и уносившая на лужайку два фунта бекона.

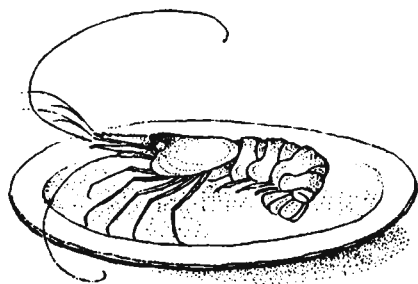
Пакет с булочками я оставила, так как Соломон прежде никогда никакого интереса к ним не проявлял. А теперь за неимением лучшего взял да и проявил. Я еще не кончила разговаривать, когда он явился ко мне сообщить, что наелся. Шло время, он вел себя все тише и тише, а глаза у него становились все круглее и круглее, а в заключение он занял позицию на середине ковра, и наши последние сомнения исчезли. Сейчас Соломона стошнит.

Середина ковра была местом, где наших кошек рвало. Обычай этот завела Салжи, чтобы ненароком не испустить дух, пока мы не смотрим, и к этому времени мы наловчились подкладывать газету, едва раздавалось первое судорожное покашливание. И на этот раз все сошло бы отлично, если бы деревенской язве не понадобилось именно в эту минуту явиться за пожертвованием на церковный орган. Естественно, она вошла в гостиную, даже не постучав (Чарльз считал, что потому-то ей и поручался сбор пожертвований). Она вошла, на середине ковра точно эльф с лицом в сажу сидел Соломон, и мы не успели вмешаться, как с визгливым «ду-у-усик!» она подхватила его и крепко прижала к своей массивной, облеченной в твид груди.

И Сол не сдержался. Он испустил полный отчаяния вопль и вывернул содержимое своего желудка на ее лучшую шелковую блузку и на ковер. Она пришла в неистовую ярость. И не желала ничего слушать, даже когда Соломон извинился и объяснил, что булочек ведь было две.

а она сильно нажала ему на животик, но Ничего, он теперь чувствует себя Гораздо Лучше. Она не стала ждать нашей лепты, но гневно покинула наш дом и тут же заявила священнику, что слагает с себя полномочия. Люди ее постоянно оскорбляли, сказала она, но когда люди дрессируют кошек, чтобы их на нее рвало, — нет уж, увольте!

Вот чем, как еще долго Чарльз растолковывал всем и каждому, объяснялось не только пятно на ковре гостиной, но и то обстоятельство, что клавиатура органа в нашей церкви так и осталась практически без единой черной клавиши.

Глава девятая

НАЗЫВАЙТЕ МЕНЯ ГАЙАВАТОЙ

Примерно тогда же возобновились неприятности в ванной. С появлением котят страсть к воде у Саджи исчезла. Она сейчас так занята, твердила она, устраивая передышку от хлопот с протестующими котятами, что ей и подумать о себе некогда. А потому Чарльз вновь начал оставлять дверь открытой, когда нежился в ванне — так ему было слышно радио. И вообще, сказал он, если не считать сердечной спазмы всякий раз, когда мимо, топоча будто стадо слонов, проносился отряд шерифа, направляясь на кухню, то минуты в ванной вновь стали тихими, мирными, освежающими.

Затем как-то раз от отряда отделилась кошечка, чтобы помыть лапку. На нее наступил Соломон, сообщила она, а ей не хочется быть Грязной, когда она встретится с Сидни. Кинувшись за остальными маленькой голубой кометой (в нашем доме никто никогда не ходил шагом), она пропустила поворот к кухне и влетела в открытую дверь ванной, и прежде чем кто-нибудь успел остановить ее,

раздался громкий всплеск, и она очутилась в воде. Когда я вошла в ванную, Чарльз лежал на спине, все еще сжимая губку и с выражением горькой покорности на лице, а его подружка, вся мокрая, радостно восседала у него на груди и объясняла, как сильно она его любит.

С этих пор, даже если она болтала с Сидни в дальнем конце сада, стоило ей слышать шум воды в ванной, как она влетала в дом сверхмолнией и садилась перед дверью ванной, требуя, чтобы ее пустили. Несколько секунд спустя Соломон, никогда не упускавший возможности пустить в ход свой голос, огибал угол и начинал требовать того же. В завершение являлись голубые ребята, и дружная компания орала во всю мочь.

Остановить их было можно, только впустив внутрь. Но мы не могли этого сделать, пока в ванне оставалась вода, так что во имя сохранения тишины и покоя мытье приходилось завершать за пять секунд, вытаскивать затычку, выпрыгивать из ванны и открывать дверь для почтенной публики, едва стечет последняя вода.

Ничего такого они в ванне не делали, просто им хотелось быть в курсе всего, что происходило. Иногда, сказал Чарльз, свирепо вытираясь, — а четыре тронутые сажей мордочки с интересом следили за ним из ванны, и Соломон, как всегда снедаемый любопытством, жаждал узнать, зачем он снимает с себя шкуру, когда моется, и не больно ли снова ее натягивать, — иногда ему кажется, что, принимая ванну посреди Трафальгарской площади, он чувствовал бы себя в большем уединении.

Правду сказать, Чарльз тогда сердился на котят, потому что они помешали ему стать стрелком из лука. Его приятель — Аллистер увлекался этим спортом, и как-то они с соседним фермером пошли стрелять кроликов. Аллистер захватил с собой лук и стрелы — так просто, для смеха. Фермер выстрелил в кролика с двадцати шагов и промазал. Аллистер тут же пустил стрелу наугад и пронзил кролика!

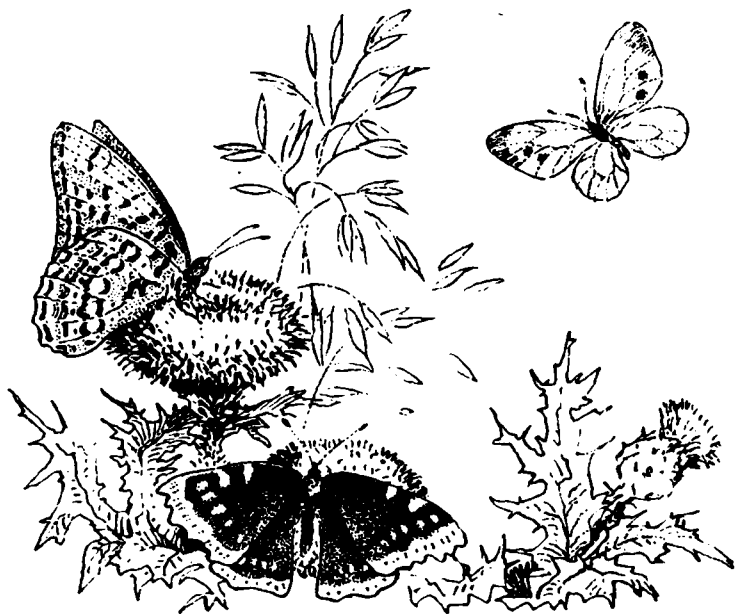
— Ух ты! Ну прямо Робин Гуд, — сказал фермер, глядя на него с почтительным изумлением. И хотя Аллистер

скромно заявил, что попал в кролика ну совершенно случайно, Чарльз вернулся домой с твердым намерением тоже стать Робин Гудом.

Он начал штудировать книги о стрельбе из лука. И купил себе шляпу. Вообще-то он шляп не носит, но стоит ему увлечься тем или иным видом спорта, и у него тотчас появляется соответствующий, как он считает, головной убор. Вязаный шлем, например, для покорения высот, хотя в Озерном краю он вряд ли рисковал отморозить уши. Зато глухоту шлем ему обеспечил — когда я высказала мысль, что, по-моему, мы забрались уже достаточно высоко. И еще один — красный в белую полоску, связанный (мною) с сумасшедшей скоростью в ту зиму, когда у нас выпал снег и Чарльз, штудировавший в тот момент книгу о Крайнем Севере, заявил, что первопроходцы всегда надевали полосатые вязаные шапки, когда шли рубить дрова. Ну а теперь он обзавелся шляпой лучника — зеленого цвета, с загнутыми полями и шегольским пучком фазаньих перьев (его собственная выдумка). Оставалось только научиться стрелять из лука. И вот как-то под вечер пришел Аллистер со всем своим снаряжением, и они отправились тренироваться на холм.

Полчаса спустя в кухню вступила печальная процессия. Впереди Чарльз, дрожащий как осиновый лист и с голубыми ребятами в руках; рядом маршировала Саджи, скосив глаза, распушив хвост и вопя, что он Чуть Не Убил Их Всех и что они Покинут Наш Дом в Этот же Вечер; за ними шел Аллистер с тем ошарашенным видом, какой появлялся у всех, кто сталкивался с нашим кошачьим семейством, когда оно объединяло силы; и далеко в арьергарде Соломон и его сестрица радостно волочили домой за перья охотничью шляпу Чарльза.

Собственно, ничего особенного не произошло. Аллистер, показывая Чарльзу, как надо стоять и держать лук, пустил стрелу через овраг и точно попал в дуб. Чарльз, точно скопировав позу и совершенно так же пустив стрелу, угодил в камень на расстоянии двух шагов от него. Стрела рикошетом отлетела вправо — и он, к своему ужа-

су, увидел, как она упала прямо на отряд шерифа, который во главе с Соломоном выскочил из-за валуна посмотреть, чем это Чарльз тут занимается. Никто не пострадал, только Чарльз, по его словам, постарел на десять лет. Больше мили они с Аллистером прошагали в поисках укромного местечка, а эти кошки выследили его! Да переплыви он Ла-Манш, с горечью заявил Чарльз, уплыви он в Японию или подальше, чтобы потренироваться в стрельбе из лука, эта шайка явится в решительный момент, а потом поклянется, что он все подстроил нарочно.

Так или не так, но стрелять из лука Чарльзу расхотелось. Аллистер подарил ему тупую стрелу — в случае, если Чарльз передумает, то сможет потренироваться с ней. Но со стрелой играли котята, а не Чарльз. Мы хранили ее под комодом, откуда она вдруг высовывалась в любой час дня — два котенка тащили ее за перья, как таран, а два других бежали сзади, вереща, что теперь их очередь и быстрее волоките ее в сад.

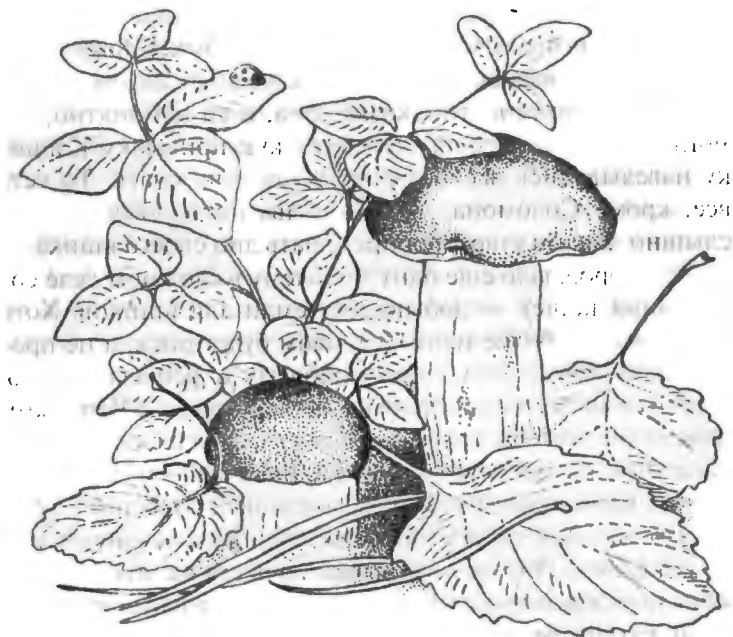
Мы отнеслись к этой их игре спокойно, как и ко всем их гнусным забавам, к тому же стрела ведь была тупой. Но старушка, которую прежде тревожило, что Саджи подбирает объедки на дороге, теперь следила, какое воспитание мы даем котяткам, и чуть не упала в обморок, когда, взглянув за ограду, увидела, как они носятся по саду со стрелой, точно орда команчей. Неужели, спросила она, запыхавшись (а на дорожке позади нее оседала пыль, поднятая ею в спешке), неужели я разрешаю миленьким котяткам играть таким опасным оружием? Черный малютка так жалобно кричит посреди лужайки, что, наверное, уже поранился.

Я заверила ее, что им играть со стрелой куда безопаснее, чем Чарльзу. А если черный малютка еще раз пискнет, что остальные не признают его Гайаватой и не отдают стрелу в его единоличное распоряжение, он получит такого шлепка, что неделю сидеть не сможет.

Впрочем, Чарльз мог утешаться мыслью, что для стрельбы из лука времени у него оставалось бы немного. Все лето он еле-еле успевал приводить в порядок сад. Теперь ведь ямки там рыли пять кошек, а не одна, и стоило кому-то задумчиво ковырнуть лапой землю, как остальные с энтузиазмом подхватывали почин, а потому сад обычно сильно смахивал на фотографию Луны.

Каким-то образом котята в отличие от матери сообразили, что для ямок есть и практическое применение. Наши гости, гуляя по саду, постоянно натыкались на неприличное зрелище: четверо котят торжественно восседают среди роз, задрав хвостишки, возведя к небесам четыре пары голубых глаз, и предаются высоким мыслям.

К сожалению, Соломон не был способен предаваться Высоким Мыслям подолгу. Начинал он как остальные — задира л хвост и сосредоточенно взирал на небо. Затем его взгляд начинал блуждать, он замечал голубого братца, занятого тем же в двух шагах от него, и, абсолютно забыв, зачем он здесь, подкрадывался к нему вокруг пиона. Или вдруг решал, что ямка недостаточно велика, начинал ее расширять, и тут его отвлекал жук. Жуки всегда появлялись в ямках Соломона, и ни в чьих других. Настолько

часто, что, по нашему убеждению, это был один и тот же жук, любитель розыгрышей. К тому времени, когда Соломон добирался за жуком в конец сада (если его не сбивала с пути пчела, которая Сидела на Цветке и Оскорбила Его, или птица, которая Пролетела Над Его Головой и Нагрубила Ему), он успевал забыть, где находится первая ямка, и начинал все с начала.

Еще долго после того, как остальные завершали свои дела, Соломон продолжал усердствовать, попеременно копая ямки и гоняясь за жуками. Раз за разом, когда мы забирали котят из сада, он начинал царапать дверь и вопить, что не кончил, что ему надо опять выйти. И беспронизышно, каждый раз, когда, сжалившись, мы его выпускали и он, выкопав еще ямку, одорченно садился над ней, вновь появлялся этот чертов жук, и мы оказывались у исходной точки.

И мы отнюдь не избавились от ящиков с землей. Обычно Соломон в завершение всех трудов усаживался в

одном из них, когда, невзирая на его вопли, он извлекался из сада через полчаса после остальных. Саджи неизменно пользовалась ящиком. Пользоваться садом — верх неблаговоспитанности, сказала она, и ей непонятно, где могли котята приобрести такую гадкую привычку. К ящику наведывались все, перед тем как лечь спать. То есть все, кроме Соломона, — часа в два ночи обычно было слышно, как он старается прокопать дно своего ящика.

Это порождало еще одну проблему в сложном деле содержания кошек — добывание земли для ящиков. Хотя тут, пожалуй, более точным словом будет риск, а не проблема. В конце-то концов проблему я решала просто: дважды в неделю после ожесточенного спора с Чарльзом, почему бы этого не сделать ему, я отправлялась с тачкой и лопатой в лес накопать перегноя. Риск заключался в том, что все кошки обязательно желали пойти со мной.

Что бы я ни предпринимала, уйти незамеченной мне не удавалось. Иногда я оставляла тачку за калиткой и выжидала удобного момента, а потом прокрадывалась наружу и катила ее в лес. Тщетно! Кто-нибудь вел слежку. Из-под веток сирени, так удобно нависавшей над краем крыши угольного сарая, демонстративно прячась за углом дровяного навеса или — если это был Соломон — просто сидя в тачке.

Путешествие в лес было достаточно скверным. Котята в тачке, котята, вываливающиеся из тачки, Саджи шагает рядом и кричит всем встречным: «Смотрите, как Мы Идем за Перегноем!» А через несколько минут кто-то — обычно Соломон — отчаянно вопиет далеко позади: Подождите Его! Он Отстал!

Однако по пути туда они хотя бы знали, что идут куда-то и это может быть интересно (теплая компания всегда старалась ничего не упустить), а потому мы обычно добирались до места всем скопом. Настоящие неприятности начинались на обратном пути, когда они огорченно соображали, что идут всего-навсего домой.

Тут они принимались карабкаться на одно дерево за другим, утверждая, что останутся там и будут птичками, — все, кроме Соломона, который садился у ствола и объяв-

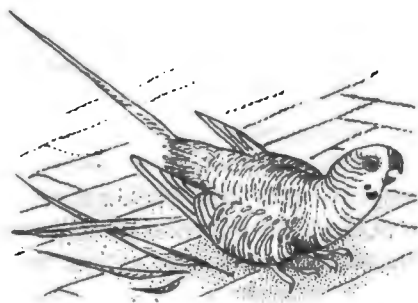
лял, что будет грибом. Они прятались в высокой траве, а потом, пока я отчаянно звала их у одного края луга, неожиданно появлялись совсем с другой стороны, прыгая через маргаритки точно стадо кенгуру. Они без конца устраивали засады друг на друга. Один подкрадывался медленно-медленно, другой приближался еще медленнее, так что игра эта могла тянуться бесконечно, и особенно если засада устраивалась на кошечку — она не любила, чтобы на нее откуда-то прыгали, и сразу же удалялась в обратном направлении. Даже когда мы возвращались в лоно цивилизации, они продолжали бесчинствовать. Задерживались у каждой калитки и либо вопили (и Саджи в том числе), чтобы я вернулась за ними — они Боятся Пройти Мимо, либо, если внутри было что-то интересное (младенец в коляске, открытая входная дверь) всей оравой входили внутрь, чтобы поглядеть что и как.

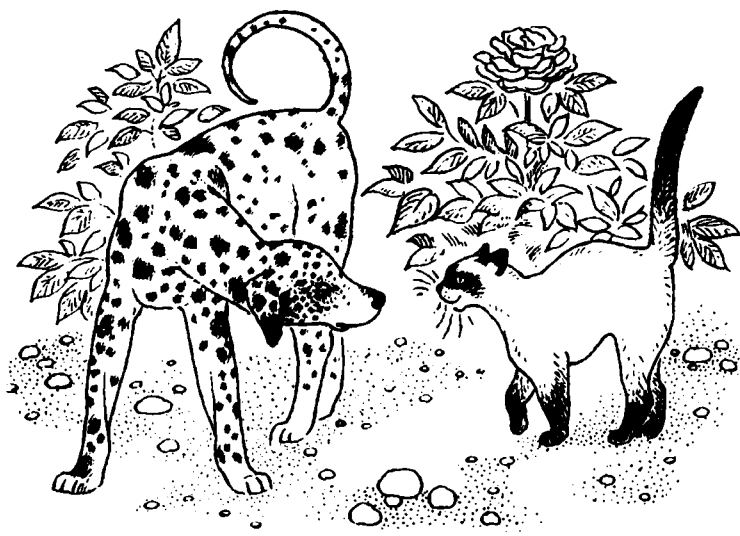
Я часто возвращалась настолько измученной, что мне необходимо было прилечь и дать отдых истерзанным нервам. Но без особого толка. Если они оставались в саду, я начинала гадать, что еще они затевают. Как-то раз я не выдержала и пошла выяснить, чем объясняется противостественная тишина, и только-только успела увидеть, как они удаляются по дороге, повторяя поход за перегномом. А если я брала их с собой наверх, они либо принимались играть на кровати в салочки, либо разом плюхались на меня, заявляя, что тоже немножко поспят. Если же я оставляла их внизу, Саджи обычно начинала демонстрировать им, как опрокидывается клетка с Шорти.

И я всегда вставала на всякий случай, услышав падение клетки, и, пошатываясь, спускалась вниз — как оказалось не зря. Как-то раз я обнаружила, что кресла на нужном месте не оказалось и Шорти, как обычно бесхвостый, отчаянно мечется по полу, тшась повернуться одновременно к окружившим его котяткам, а Саджи, расположившись на ручке кресла, нежным голосом подбадривает их поиграть с миленькой птичкой, все равно ей от них не убежать.

Мне этот случай запомнился особенно хорошо, потому что он был последним, когда они резвились все вместе.

На следующий день один из голубых ребят отправился в свой новый дом после заключительной игры, от которой у меня в горле поднялся дурацкий комок, пока я смотрела, как его лапка тянется к братьям и сестре из отверстия в корзинке. А на следующий день Саджи — внезапно, трагично, даже вспомнить страшно — умерла.

Глава десятая

ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ

Саджи умерла после операции, когда ее стерилизовали. Мы решили больше не заводить котят. Нет, они нам вовсе не прискучили. Как ни громили они дом, как ни терзали наши нервы, мы все равно с наслаждением и дальше растили бы шумных, деспотичных, обаятельных сиамских котят.

Однако, как нам пришлось убедиться, в нашей глуши продавать их было очень не просто, и люди, которые изъявляли намерение купить, исчезали, услышав, что мы просим за каждого четыре гиней. Им казалось, что в деревне котята, как и капуста, должны стоить дешевле. Одна потенциальная покупательница заявила напрямик, что вся затея с сиамскими кошками — это чистый грабеж. Простых котят люди рады бывают отдать даром. Кошки плодятся точно мухи, вырастить котенка не стоит ничего, так в чем разница, хотела бы она знать.

Разница была в том, что за Саджи мы заплатили не четыре гиней, а больше. Заплатили мы и за то, чтобы спарить ее с первоклассным производителем, а котята питались не объедками и не хлебом с молоком, а получали хорошо сбалансированную пищу, какая необходима сиамским кошкам.

Обычные котята оставляют своих матерей в возрасте от четырех до шести недель, но сиамские котята развиваются медленнее, и никто, достойный их выращивать, не продаст сиамского котенка моложе десяти — двенадцати недель.

Первый из голубых расстался с нами в возрасте четырнадцати недель, и хотя тогда уже денег на них уходило меньше, чем в первые дни, питание четырех котят и Саджи обходилось нам больше чем тридцать шиллингов в неделю. Плюс стоимость прививок против кошачьего гастроэнтерита — тоже абсолютно необходимые. От этой болезни сиамские котята гибнут угрожающе часто. Если бы нам удалось продать их по четыре гиней, то мы еле-еле покрыли бы расходы.

Естественно, плодить котят себе в убыток мы не могли. Нам объяснили, что с первыми котятами всегда возникают затруднения, но когда мы приобретем известность, они пойдут нарасхват. Однако Саджи мы приобрели в первую очередь для того, чтобы в доме у нас жил четвероногий друг, а она, обзаведясь котятами, была всецело поглощена ими и заметно отдалилась от нас. Вот мы ее и стерилизовали — в те дни эта операция проходила благополучно в девяноста девяти случаях из ста. Мими позднее перенесла ее отлично. Но Саджи умерла.

Мы горестно похоронили ее под яблоней, где еще накануне вечером она весело играла в салочки с тремя оставшимися котятами и ветер ерошил ее голубую шерсть. Котят мы заперли, чтобы они не видели, как ее скроет земля, но когда мы вернулись в дом и навстречу нам вынесся поредевший отряд, мы почувствовали себя убийцами.

Забыть Саджи мы не могли и даже подумывали, не купить ли нам проданного голубенького, чтобы сохранить

в целости ее семью, но, конечно, об этом и мечтать не приходилось. Не только их еда, когда они выросли, обходилась бы нам в колоссальные суммы, но — не будем сентиментальны — чтобы четверо их захватывали все одеяло, помыкали нами, навлекали на нас всяческие неприятности... Нет уж, увольте!

И вот второй голубенький отправился к нашим друзьям и, как истинный сиамский тиран, с самого начала забрал над ними полную власть. Они нарекли его Мин¹, и менее подходящее имя трудно было бы выбрать. Он и сам ничуть не выглядел хрупким и не считался ни с чем хрупким. Всякий раз, когда до нас доходили вести о нем, оказывалось, что он как раз сейчас разбил что-то. Он говорит, сообщили они, что их семья, когда он жил дома, каждый день этим занималась. Кошечка осталась с нами, чтобы занять место своей матери, и мы назвали ее Шеба² — крайне удачно, хотя тогда мы об этом не догадывались. А Соломон взял меня в мамочки.

Шеба словно бы не заметила исчезновения своей матери. Саджи заметно предпочитала сыновей, и Шеба уже давно перенесла свою привязанность на Чарльза, взмахом голубых ресниц превращая его в покорного раба, когда ей это требовалось. Но Соломон был любимцем матери и страшно тосковал по ней. На ночь после ее смерти мы разрешили котяткам забраться на кровать к нам — не столько для их утешения, сколько для своего собственного. Шеба и голубенький устроились поуютнее на краю одеяла, вымыли друг другу уши и тут же уснули. Но Соломон безутешно бродил по кровати и твердил, что голоден (в возрасте трех с половиной месяцев он единственный из четверки еще иногда питался материнским молоком), а когда наконец прекратил поиски, то забрался ко мне, ис-

¹ Китайская императорская династия (1368 — 1644), а также название фарфора эпохи этой династии.

² В английской традиции одно из имен царицы Савской, посетившей царя Соломона и восхищенной его мудростью (по Библии).

пустил тихое печальное «ву-у-у» и сказал, что раз Саджи он больше не нужен, так его мамочкой теперь буду я.

Как ни трогательно было такое доверие, звание мамочки Соломона сулило не одни лишь розы. Оно, в частности, требовало, чтобы я спала щека к щеке с ним, когда ему и его сестрице удавалось увернуться от того, чтобы окаться на ночь под замком в свободной комнате — то ли заблаговременно укрывшись под кроватью, то ли напустив на себя душеспипательный скорбный вид. Шеба после краткой попытки притулиться под боком у Чарльза, завела манеру спать в гардеробе. «Там никто не ворочается», — сказала она.

Но Соломон ее благому примеру не последовал. И как бы я ни ворочалась, стоило мне ночью приоткрыть глаза, и я видела на своей подушке темную голову: огромные уши чуть шевелились, пока он спал, примостившись как мог ближе к моему уху. Соломон любил свою покойную мамочку, и я ее любила, а потому чувствовала, что обязана его утешать. Однако иногда я проявляла железную твердость. Если Соломон ужинал чесночной колбасой или рыбой, он спал в соседней комнате, несмотря на все горестные стенания, что он — Сирота и с ним обязаны обходиться Ласково.

Поскольку я стала его мамочкой, Соломон не откликался ни на чей зов, кроме моего (впрочем, это компенсировалось тем, что Шеба считалась только с Чарльзом), а кроме того, я была обязана выручать его из всех бед, что требовало массы времени, так как Соломон по-прежнему неумоимо навлекал их на себя.

Едва освободившись от строгого, хотя и не постоянно надзора Саджи, он объявил войну собакам. С этих пор, заявил он, ни единый пес не посмеет даже глянуть в калитку. А не то, свидетель Небо, он увидит такое, что хвост подожмет от ужаса, — Соломона, который сам на него посмотрит.

Собственно говоря, свирепый вид умела принимать Шеба, когда сердилась, — уши загибала и прижимала ко лбу так, что они смахивали на козырек кепки, а если еще и глаза скашивала, то впечатление действительно было

жутким. Соломон же в результате всех своих усилий выглядел всего лишь встревоженным. Тем не менее своего он добивался. Супруга священника и ее пекинес трепетали перед ним — при виде их он проползал под калиткой и шел за ними по дороге бочком, точно краб, выгнув спину и грозя вот-вот перейти в нападение. Он одержал блистательную победу над далматином по кличке Саймон, который, как мне рассказал его хозяин, смертельно боялся кошек, потому что одна сильно его поцарапала, когда он был щенком. Саймон томно обнюхивал кустик борщевника у нашей калитки и чуть не хлопнулся в обморок, обнаружив, что из-за его собственной задней ноги на него близоруко щурится Соломон. Пес ошарашенно тявкнул и пустился наутек вверх по склону холма, словно за ним гнался сам дьявол. После этого Соломон столько хвастливо нам рассказывал, как Все Собаки Его Боятся, Даже Величиной со Слона, что Шебе это надоело и она уселась на верху двери гостиной, чтобы поставить его на место.

Да, кстати, теперь мы должны были помнить еще одно — обязательно посмотреть на верх двери, прежде чем закрыть ее. А вдруг там сидит Шеба, чтобы позлить Соломона? Всякий раз, когда ей приедалось его бахвальство или раздражало, как он ее опрокидывает, демонстрируя, насколько он ее больше, она просто легким прыжком забиралась на верх ближайшей двери и выразительно оттуда на него поглядывала.

Соломон отлично понимал, что означает ее взгляд. Она напоминала ему, что он-то прыгать не способен, и это задевало его за живое. Он тут же забывал про свою важность, про собак величиной со слона, взбирался на спинку кресла — наиболее высокую доступную ему точку — и выл от унижения. То есть кроме одного раза, когда его осенила блистательная мысль. На середине первого вопля он скатился с кресла, ринулся вверх по лестнице, раздались глухие удары, словно рушился потолок, и он оглушительно возвестил, что тоже сидит на двери! Идите, смотрите! И он не соврал. Глухие удары раздавались, когда он стучался о дверь спальни, взбираясь по висевшему

на ней халату Чарльза. И вот теперь он торжествующе, хотя и не совсем уверенно, балансировал на ее верху. Мы с Чарльзом рассыпались в похвалах, старательно не замечая халата. Но Шеба великодушием не отличалась. Она зашла за дверь, подчеркнуто обнюхала край халата, а когда отбыла вниз по лестнице на плече Чарльза, оставив Соломона торжествовать, открыла свой голубой ротик и произнесла: «Подумаешь!» Перевести эти звуки по-другому было невозможно.

И оказалась права. Едва мы спустились, как сверху донесся еще один неистовый вопль — но без намека на ликование. Соломон, отрезанный от всего мира на головокружительной высоте в шесть футов, отверг халат как средство для спуска и предъявил привычное требование, чтобы кто-нибудь пришел и снял его, да побыстрее, а то ему не слезть.

Вскоре после этого Соломон прекратил войну с собаками. Какой-то пес загнал его на дерево, и Соломон первый, и единственный, раз в жизни добрался-таки до самой макушки. Хватило бы и высоты в шесть футов, но Солли не пожелал рисковать. Мама всегда говорила — только на самый верх, и он залез на самый-самый верх. К несчастью, для этого он выбрал сорокафутовую ель на крутом склоне, и чтобы снять его оттуда, нам пришлось вызвать пожарных.

— Ну, прямо звездочка на рождественской елке, верно? — умиленно сказал пожарный, занятый выдвижением лестницы, и с нежностью поглядел сквозь ветки на нашего лопухого, который, намертво вцепившись в макушку, скорбно покачивался на фоне вечернего неба. Но тот, кто влез по лестнице, сказал совсем другое: Он сказал, что на нашем месте держал бы эту зверюгу в клетке. Но Соломон получил хороший урок и больше никогда на собак не охотился. Зато принялся гонять кошек, и Шеба спускалась со сливы, чтобы присоединиться к нему в этой забаве.

Главной их жертвой стала пестрая Энни, которая жила со старушкой хозяйкой дальше по дороге. Пока Саджи была котенком, между ней и Энни возникло нечто вроде

дружбы, связывавшей Еву и Топси¹. Хотя когда они выросли и Саджи осознала, что она — сиамка, и они перестали общаться, Энни часто сидела на нашей садовой ограде и смотрела, как играют котята. Но этому пришел конец, когда Соломон издал указ, что кошкам тоже возбраняется заглядывать к нам в сад. И с тех пор Энни мы видели, только когда она возглавляла своеобразную процессию, которая проходила мимо нашей калитки раз в день. Впереди Энни, распластавшись на животе и затравленно поглядывая через плечо; за ней, тоже распластавшись и распушив пятнистые усы, крадется Соломон, точно шпион из музыкальной комедии; и, наконец, Шеба, тщательно обходя лужи и оглядываясь, видит ли ее Чарльз.

Они никого не щадили. То есть почти никого. Когда однажды Мими, проходя по дороге, оглянулась и увидела, что они крадутся за ней, она закатила обоим по оплеухе, после чего они решили сделать для нее исключение — как-никак она тоже сиамка. Но жалость не проснулась в них, когда они обнаружили в огороде бездомную кошку с котенком, укрывшихся ночью от проливного дождя под краем стеклянной рамы в огороде. Когда я, пожалев крохотного бездомного котенка, спящего на голой земле, поставила перед ним мисочку с молоком и крошенным хлебом, Соломон и Шеба уставились на меня с недоумением. Неужели я не понимаю, сказали они, что это — Подозрительные Личности? И в Нашем Огороде? Наверное, прицеливаются Съесть Всю Нашу Пищу? Наверное, кишат блохами, добавила Шеба, которая с каждым днем все больше становилась похожей на мать. Едва бродячая кошка, не выдержав их жутких угроз, проскользнула к дальнему концу рам и перемахнула через ограду, как они перешли от слов к делу и двинулись под раму, свирепо порывая на котенка, а Шеба устроила из ушей козырек кепки и скосила глаза, чтобы сов-

¹ Белая и чернокожая девочки, персонажи романа Г. Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома».

сем его сокрушить. Затем они съели его хлеб с молоком. Пусть знает, черт побери! И он бросился наутек со всей быстротой, на какую были способны его белые лапки, отчаянно призывая на помощь мамочку. И больше мы его никогда не видели.

Естественно, что в конце концов возмездие настигло их. Во всяком случае, Соломона. Шеба в тот момент отсиживалась на дереве, твердя ему, что черно-белый кот с фермы — очень нехороший, один из тех, против кого их предостерегала мамочка, но он ничего не желал слушать и объявил себя Джеком Победителем Великанов, и как только я уносила его назад в сад под защиту ограды, он тотчас возвращался на дорогу, садился и начинал шипеть.

Кот почти час смотрел на Соломона, не веря своим глазам, потом сказал, что этого просто не может быть, и удалился в лес. Соломон пришел в неистовый восторг, и еще долго после того, как он исчез в кустах следом за своей жертвой, мы слышали, как он оповещает мир о своей доблести — Все Кошки и Коты, даже Величиной со Слона, трепещут перед ним.

Затем раздался омерзительный визг, и они оба вылетели из кустов точно пушечное ядро. По этому визгу мы совсем было решили, что кот прикончил Сола — Шеба даже забралась на самую вершину сливы, говоря, что раз теперь она осталась нашим единственным утешением, ей следует поберечь себя. Но, к нашему вяшему изумлению, впереди мчался черно-белый кот. Он промелькнул перед нами и в облаке пыли исчез на склоне холма. Вид у него был такой, будто он наткнулся на привидение. Но почему-то Соломон пришел в точно такое же состояние. Хотя он, казалось, был цел и невредим, это не помешало ему влететь в дом и спрятаться под кроватью.

Вечером, когда грустный маленький Соломон выбрался из-под кровати полакать молочка, мы выяснили, что произошло. Естественно, произойти это могло только с ним. Пытаясь одновременно шипеть, разговаривать и напускать на себя свирепость, он прокусил себе язык. Впрочем, никаких особых неудобств это ему не причинило, хотя язык и, зажив, остался раздвоенным, как у ящерицы.

Чтобы помешать Соломону есть или разговаривать, потребовалось бы что-то куда серьезнее. Однако это отучило его гонять черно-белого кота. Стоило после этого врагу показаться в отдалении — двигался он с крайней настороженностью, считая, что Соломон взял над ним верх, а не наоборот, и не желая новой стычки, — и мы уже знали, где искать победителя великанов. У нас в спальне под кроватью.

Глава одиннадцатая
В КОГТЯХ ЗЕМЛЕРОЙКИ

Иногда мы вопрошали, за что, за что нам непосланы эти кошки? Взять для примера американку во Флоренции. Ей-то почему бы не стоять перед портретом Липпи, сжимая в экстазе руки и во весь голос декламируя стихи Браунинга, ему посвященные. Ей-то почему бы не принимать к сердцу Саванаролу так близко, что чуть не лишилась чувств при виде собора Святого Марка. У нее на все это было время. Ее-то пара косоглазых тиранов не заморочила настолько, что билеты на поезд она заказала не на тот день. Ей-то не надо было приходить в себя от поездки в питомник, когда Шеба всю дорогу вопила, чтобы Чарльз Пошадил Ее, а Соломон что есть мочи грыз плед. Ее-то кошки умели вести себя благопристойно.

Их у нее было три, и все — сиамские. Зимой они чинно обитали в нью-йоркской квартире и даже не помышляли вырвать входную дверь с корнем, чтобы выбраться наружу. Летом вместе с боксером, виолончелью, швейной

машинкой и ее мужем, игравшим в оркестре Нью-Йоркской филармонии, они отправлялись в микроавтобусе в Мэн, где три блаженных месяца охотились в лесах Новой Англии.

— В поездках они просто чудо, — сказала она.

Беда была лишь в том, что проехать им надо было пятьсот миль с ночевкой в мотеле. Останавливаться в мотеле с собаками разрешалось, но никогда нельзя было заранее угадать, как владелец отнесется к кошкам. Но, сказала она, они нашли выход из положения, приобретя три корзинки, замаскированные под баулы. Подъезжая к мотелю, они сажали кошек в корзины, внушали им вести себя тихо и вносили в номер вместе с багажом.

— И они не поднимали шума? — спросила я, с ужасом вспоминая, как вопил Соломон, пока его в корзинке несли в питомник. Темные лапы высывались из всех отверстий, какие он мог отыскать, и можно было подумать, будто мы изловили и тащим осьминога.

— Ну а как же? — ответила она. — Обойдут номер, проверят, все ли в порядке, и спокойненько устроятся где-нибудь. Даже не догадаться, что они там. Им ведь в Мэн хочется не меньше нашего.

Мы еще не успели закрыть разинутые рты, а она уже рассказывала нам про Кланси. Вот это действительно редкий случай. Кланси, сиам-чемпион, принадлежал ее подруге. Красавец, ласковый, а котята от него знамениты на весь Нью-Йорк — отбоя нет от желающих спарить его со своими сиамками. Беда была только в том, что для поддержания сил он съедал столько сырого мяса, что его питание обходилось в огромные деньги, а плата за спаривание далеко не покрывала такие расходы.

— И эта экономическая проблема очень тревожила мужа его хозяйки — брокера шотландского происхождения, — поспешила добавить рассказчица, чтобы у нас не создалось ложного впечатления. — Шотландцы ведь бережливы, кто же этого не знает! Но затем он нашел выход из положения: открыл на имя Кланси брокерский счет и клал на него все гонорары замечательного кота, так что теперь Кланси — самый богатый кот на нью-йоркской

бирже. Замечательно, правда? — С этими словами она допила кофе одним глотком — ей предстоял насыщенный день: надо было купить скатерти и осмотреть место, где сожгли Саванаролу.

— Замечательно, — подтвердили мы.

Наши кошки хотя и не блистали на бирже, несомненно, могли бы пожинать лавры на сцене. Шеба была способна тронуть самое черствое сердце своею хрупкостью и детской невинностью, пусть это был сплошной обман. А Соломон, когда он сидел и не были видны его тонкие ноги, которые теперь стали такими длинными, что он приобрел верблюдью походку, умел при желании придать себе неизъяснимо трагический вид.

Вместе они были неотразимы и прекрасно это знали. Когда к нам приходили гости и парочка сидела рядом на коврик перед камином — Шеба робко тянулась помыть уши Соломону, и он отвечал нежным бурчанием, которое ее чуть не опрокидывало навзничь, — никому и в голову не пришло бы, что перед самым звонком в дверь они дрались, словно мартовские коты, за право посидеть на коленях у Чарльза. Никому бы и в голову не пришло, глядя, как робко они семят за священником вниз по склону, который в энный раз на этой неделе нашел их перед своей калиткой, где они громко вопияли, что потерялись... да, никому бы в голову не пришло, что в их милых умишках они уподоблялись уличным мальчишкам, которые звонят в дверь и тут же улепетывают — обхохочешься! То есть никому, кроме нас. Мы-то видели, как перед этим они решительным шагом поднимались по склону, не слушая наши мольбы вернуться: и на наших глазах, едва повернув за угол, меняли походку и превращались в заблудившихся малюток.

Но даже мы были ошарашены, услышав, что в наше отсутствие каждый день их видели у окна прихожей в четыре тридцать — они тоскливо смотрели на холм и спрашивали у прохожих, когда же мы наконец вернемся домой. А когда мы возвращались в самом начале шестого, они всегда Крепко Спали в кресле и закатывали настоящий спектакль, приоткрывая один глаз, зевая и выражая

глубокое удивление, что мы вернулись так скоро. И мы просто не могли поверить тому, что нам рассказали. Пока как-то вечером, вернувшись, не обнаружили, что они Крепко Спят, а оконная занавеска в прихожей валяется в их миске с водой. В деревне ничто не остается незамеченным, и соседка не замедлила сообщить нам, что произошло. Случилось это в начале пятого, и Соломон предположительно карабкался на подоконник для обычного представления в половине пятого, раскачиваясь на занавеске головой вниз, точно мартышка. Соседка выразила надежду, что он не расшибся — грохот был страшный.

Нет, Соломон не расшибся. Просто в тот период он увлекся вкушением пищи и превратился, говоря попросту, в пузана, и карниз, на котором висела занавеска, не выдержала его веса. Впрочем, винить его особенно не приходилось — он просто подражал Шебе, которая всегда качалась на занавесках вниз головой, чтобы развлечь Чарльза.

Он часто подражал Шебе. Нахальный, шумный, вечно во что-то вляпывающийся, Соломон в душе был маленьким недотепой, который мужественно старался быть самым главным, преуспевающим во всем, тоскливо сознавая, что это далеко не так. А вот Шеба действительно была вундеркиской. Нежная, маленькая, будто цветочек, она бегала быстрее ветра, лазила как обезьянка и обладала выносливостью быка.

Больше всего Соломон завидовал ее охотничьей сноровке. Сам он охотник был никудышный. И не из-за какого-нибудь физического недостатка, а потому что понятия не имел, как это делается. И он не подстерегал полевок у садовой ограды терпеливо, как Шеба, — так только девчонки охотятся, говорил он и угрожающе дул в норку. Когда же мыши отказывались выйти на честный бой с ним, он засовывал внутрь длинную темную лапу и старался выцарапать их оттуда.

Всякий раз, когда он садился рядом с ней — такой внушительный: мордочка вытянута, нос нацелен, ну, прямо Великий Охотник — то не проходило и пяти минут, как он засыпал от скуки или принимался вертеть головой, болтая с пролетающей мимо бабочкой.

В результате его сестра истребляла полевок и землероек десятками, а Соломон ни разу в жизни самолично ничего не поймал. Если не считать его змеи, длиной аж в шесть дюймов. Но, наткнувшись на нее, он пришел в такое возбуждение, что прыгнул ей на хвост, а не на голову, и она удрала.

Мы знали, что это было его тайной печалью. На его мордочку было жалко смотреть, когда он созерцал, как Шеба прыгает и играет со своими трофеями, прежде чем, по восточному обычаю, сложить их к нашим ногам. Иногда, не стерпев, он брел на своих тонких, как у паука, некрасивых ногах, низко опустив голову, чтобы Шеба не увидела, что он несет, и презентовал нам изжеванный лист. А потом садился, устремлял на нас задушевный взгляд и от всего своего сиамского сердечка умолял сделать вид, будто он поймал стоящую добычу. Глубоко трогательная сцена, которую портило лишь то, что Соломон, едва ему удавалось отобрать у Шебы ее трофей, мгновенно преображался в совсем другого кота.

Он подкидывал добычу высоко-высоко, прыгал за ней, ловил в лапы, эффектно швырял через всю комнату — в такие минуты было лучше держаться от него подальше: Чарльз как-то отбил такой мяч прямо себе в чашку, а потом несколько дней отказывался от чая.

Короче говоря, к Соломону во всей полноте возвращалось его эго. Это Его Мышь, пыхтел он на Шебу над трупиком, подначивая ее запыхтеть в ответ. Но Шеба на провокации не поддавалась, а сидела себе, ухмыляясь Чарльзу и говорила, какой Соломон глупенький: расхвастался, а мышь ведь подержанная. Это Его Мышь, заявил он, яростно ее обороняя, когда пришел священник, и без зазрения совести добавил, что Поймал Ее Сам! И он продолжал орать, что мышь его, его, его, пока всем это не надоело и Шеба отправлялась посидеть на двери. Либо, захватив его врасплох (а один раз так его напугав, что он подпрыгнул чуть не до потолка), мышь вскакивала на лапки и улепетывала.

Однажды так произошло с полевкой, которая, пока Соломон рассказывал молочнику, как он ее поймал, лов-

ко юркнула под дверцу стенного шкафа. Мы так и не узнали, что с ней произошло потом, но когда Чарльз в следующий раз достал свою куртку из шкафа, погончики и хлястик тут же отвалились.

А с землеройками такое происходило несколько раз. Живые метались, ища выход наружу, дохлых Шеба аккуратно прятала под половику в прихожей, засушивала их для своей коллекции, объясняла она, так что наступайте на них сколько угодно — и в конце концов мы стали знаатоками землероек.

До того как мы обзавелись кошками, я всего лишь раз видела живую землеройку: я вскопала клумбу у стены коттеджа, и тут из-за угла вылетела эта землеройка и обнаружила, что осталась без крова. Я и сейчас вижу, как она металась по булыжникам в тщетных поисках своей парадной двери, а я металась следом за ней, угрызаясь совестью и взвешивая, не схватить ли ее, не помочь ли найти новую норку. Но люди говорили, что землеройки очень нервные — даже умирают, если до них дотронуться, а другие люди говорили, что они кусаются. Та землеройка ничему меня не научила, так как не выдержали мои нервы и я ушла в дом. Но благодаря Соломону и Шебе я очень скоро раскрыла эту тайну. Землеройки кусаются.

И Чарльз и я были укушены в разное время. Я — той, которую Соломон радостно загнал в угол кухни, после того как она благополучно очнулась. Он с ней беседовал, и рука, которую я протянула, чтобы ее выручить, видимо, явилась последней соломинкой: пища от ярости, землеройка свирепо прыгнула на меня и укусила за палец. Чарльза укусила та, которую мы, потому что она была сильно потрепана, поместили в коробку с травой и листьями посмотреть, не придет ли она в себя, и закрыли коробку в ванной. В себя она пришла. Когда Чарльз некоторое время спустя пошел ее проводить, она в бешенстве пыталась выбраться из коробки, а когда и он протянул ей руку помощи, то был тоже укушен. И завопил так громко, что Шеба, подглядывавшая под дверь ванной, в ужасе выбежала из дома и забралась на сливу, Соломон укрылся под кроватью, а я уронила миску с тестом. Укус землерой-

ки, конечно, не очень страшен — так, укол булавкой. Просто меня поразило внезапное появление Чарльза с широкой полоской пластыря на пальце и готовой к освождению землеройкой, которая как сумасшедшая прыгала внутри носка.

Еще большим сюрпризом оказалась землеройка, которая прожила у нас четыре дня. Произошло это много позднее, когда Шеба, обнаружив, что в доме мы все живое у нее отбираем, завела привычку тайком забираться со своими трофеями на нашу кровать. Там она могла заниматься изучением живой природы на чистом одеяле, а заслышав наши шаги, просто схватывала свою жертву и ныряла под кровать, откуда извлечь ее нам никогда не удавалось. Данную землеройку, однако, она отнесла на кровать, которая была занята тетей Луизой. (Хотя кошек у нас осталось лишь две, мы по-прежнему уступали свою спальню гостям, а сами спали в свободной комнате, избавляясь таким образом от лишних препирательств с Соломоном.) И тетя Луиза, едва увидев землеройку, испустила такой визг, что Шеба, при обычных обстоятельствах невозмутимая как айсберг, от изумления выронила свою добычу, и та сбежала.

Я отлично знаю, что землеройки за день съедают корм, в несколько раз превышающий их собственный вес, и что их нельзя содержать в неволе. Сидни, как деревенский житель, интересовался подобными вещами и пересказал мне то, что видел по телику. Можно или нет, но следующие четыре дня землеройка так часто попадалась нам всем на глаза, что даже Шеба начала вздрагивать при виде ее. То наверху — крейсируя подобно крохотной серой подводной лодке через лестничную площадку или по спальням. То внизу — небрежно прогуливаясь по ковру от комода до шелки под дверью стенного шкафа. Мы так ее и не поймали, хотя она никогда не убыстряла шага. Чарльз теперь отказывался прикасаться к землеройкам Шебы без перчаток, а к тому времени, когда он возвращался с перчатками (я вообще отказалась к ним притрагиваться), землеройка успевала исчезнуть. А кошки были так травмированы, что явно предпочитали ее игнорировать.

Несколько раз, когда я брала ящик Соломона, чтобы сменить в нем землю, под его краем оказывалась землеройка. Чарльз сказал, что вот, значит, как она поддерживает свои силы: съедает червей и насекомых в ящике. Мне это показалось маловероятным: будь там черви и насекомые, так Соломон сам бы их съел. Однако в результате у меня появилась еще одна обязанность: не желая иметь ее смерть на моей совести, я теперь, когда меняла землю, оставляла в ящике пучок травы.

Тетя Луиза сказала, что я вся — в бабушку и мы обе сумасшедшие. Соломон негодуя осведомился, как он может игнорировать то, что сидит у него под ящиком, если я это кормлю прямо у него под носом? И вообще, пока оно тут, он будет пользоваться садом. У Чарльза завелась привычка по утрам исподтишка вытряхивать свои ботинки, прежде чем их надеть. Мы уже собирались выкинуть белый флаг, когда на четвертый день вечером землеройка вразвалочку спустилась с крыльца и навсегда исчезла из нашей жизни.

Глава двенадцатая

СМЕРТЬ МЕХОВОГО МАНТО

В тот день, когда Шеба загнала комара за картину над бюро и оставила на стене черные отпечатки лап, Чарльз сказал, что нечестно винить кошек за все, что бы ни случилось. Что ей оставалось делать, если он пролетел мимо как раз тогда, когда она заглядывала в камин и испачкала лапы сажей? Когда же я наконец запомню, что сиамские кошки не похожи на остальных, и начну принимать во внимание их бойкость и любознательность?

Но он этого не повторил, когда мы постелили на лестницу новую ковровую дорожку и Соломон, наглядно демонстрируя Шебе, какой он Сильный, превратил в лохмотья ее низ, пока мы деловито приколачивали к площадке верхний конец. Чарльз тогда сказал, что Соломон проклятушая чума и язва, и если он не поостережется, то кончит дни в кошачьем приюте. Положение не улучшилось, когда я, чтобы спасти оставшуюся дорожку, пока Соломону не надоест точить об нее когти, придумала

класть на каждую ступеньку сложенные экземпляры «Таймс», когда мы куда-нибудь уезжали. Несколько дней это помогало, а затем как-то утром Чарльз в последнюю минуту кинулся вверх за бумажником, поскользнулся на верхней «Таймс» и скатился вниз на спине. Тут уж виноватыми оказались и Соломон и я. Меня это не очень напугало — Чарльз ростом шесть футов, ступеньки нашей лестницы крутые и узкие, и он постоянно с нее падает, а я вышла бы виноватой, сиди я на вершине Эвереста, но Соломон очень переживал.

Пока Шеба утешала Чарльза в прихожей, прогуливаясь взад и вперед по его жилету и тревожно осведомляясь, уж не Умер ли он, Соломон восседал на верхней площадке и произносил долгий сиамский монолог о несправедливости всего этого. «Шеба Рвет Когтями Вещи, — сказал он, — и Никто на Нее Не Жалуется». И это была чистая правда. Кресло в свободной комнате снизу было все в лохмотьях: когда Шеба утром просыпалась, она упражнялась под ним в ползании на спине в качестве зарядки. А Чарльз по этому поводу сказал, что надо считаться с ее живым характером.

«Она Сбрасывает Вещи и Попадает в Людей», — надрылся Соломон. По модуляциям его голоса всегда можно было узнать, что он добрался до этой части своей филиппики. Когда он сознавал свою правоту, из его глотки вырывался оглушительный рев. Соломон вещи на людей не сбрасывал. Он просто не мог взобраться на нужную высоту. Но Шеба, прыгая как серна по книжным полкам по обе стороны камина, вечно бомбардировала доверчивых гостей томами энциклопедий или юридическими сочинениями. Последнее время я начала подозревать, что это вовсе не несчастная случайность, как она утверждала. И уж, конечно, в тот вечер, когда я помешала ей увенчать Соломона медным индийским кувшином, случайностью это никак быть не могло. Я остановила ее в тот момент, когда она стояла на ручке кресла и изо всех сил старалась зацепить его лапой и сбросить с каминной полки, под которой Соломон, растянувшись во всю длину на коврике,

чтобы согреть живот, спал сном праведника и ничего не подозревал.

И вот теперь, вытягивая шею над площадкой, чтобы все его хорошо слышали, Соломон продолжал повествовать о своих горестях. «Чарльз Неуклюжий, — вопил он, укоризненно глядя туда, где Шеба, с облегчением удостоверившись, что Чарльз протянет еще год-другой, энергично расхаживала по его жилету и заверяла его, что она-то — пай-девочка. — Чарльз Свалился бы С Лестницы и без газеты, — вопил Соломон. — Чарльз Всегда Падает. В прошлую субботу Чарльз Упал С Приставной Лестницы. Никто, — сказал Соломон с печальным завыванием, смахивавшим на шмыганье носом, — никто не может обвинить в этом его. Чарльз Сам Во Всем Виноват».

Что было, то было. Чарльз красил стрехи, примостившись на лестнице с надломленной ножкой, которую установил на наклонной крыше крыльца и привязал для страховки старой веревкой к печной трубе — вопреки предостережению старика Адамса, что он знал немало людей, которые вот так разбились насмерть. Согласно версии Чарльза, он вытянул руку, чтобы наложить последний мазок, думая про себя (работая, он развлекался, сочиняя маленькие трагедии, полные напряжения): «И в тот момент, когда он протянул руку, чтобы уцепиться за последний уступ, раздался резкий треск лопнувшей веревки, и он камнем рухнул в разверстую бездну» — и тут веревка и правда лопнула. Но без резкого треска. Она медленно, садистски развязалась у него на глазах, а он стоял на последней перекладине и беспомощно смотрел на нее. И в бездну он не рухнул, а хлопнулся на крышу крыльца с таким грохотом, что потряс старенький коттедж до самого его основания. Когда я выскочила наружу, не сомневаясь, что наконец стала вдовой, он уныло сидел на крыше в луже светло-голубой краски, а на кровле угольного сарая, вытягивая шеи, словно чтобы лучше рассмотреть процессию лорда-мэра, стояли Соломон и Шеба, с волнением спрашивая, зачем он это сделал.

Чарльз сказал, что я, наверное, не поверю, но, скользя по крыше после падения, он увидел — собственными гла-

зами увидел! — как эта парочка галопом неслась по дорожке и взобралась на угольный сарай, — свою зрительскую трибуну. Естественно, я поверила. Они сами так часто вляпывались в неприятности, что обожали наблюдать чужие, благонаравно усевшись, чинно обвив хвостами передние лапы и напустив на мордочки выражение возмущенного недоумения. Помню случай, когда собака загнала соседскую кошечку на электрический столб. Соломону, казалось бы, не стоило открывать рот после происшествия с вызовом пожарных, а Шеба приобрела привычку покойной матери требовать, чтобы Чарльз спасал ее с каждого дерева, которое попадалось ей на пути. Но это их не остановило. Пока мы с Чарльзом пытались решить задачу, как понадежнее приставить лестницу к круглому столбу, они сидели бок о бок у его подножия, вытянув шеи по-жирафы, дабы подчеркнуть, Как До Нее Высоко, округлив глаза в бутылочные крышечки, и ободряюще вопили ей, что Она, Наверное, Дурочка, Если Залезла На Такую Верхотуру, и, По Их Мнению, Нам Ее Оттуда Ни За Что Не Снять. А тот факт, что не успел Чарльз спасти кошечку, как ему тут же пришлось лезть за Соломоном, который из спортивного интереса успел взобраться до половины лестницы и, застряв там, начал отчаянно орать, — этот факт, естественно, никакого значения не имел. А Шеба у подножия столба радостно щебетала, на какой он верхотуре, и ей кажется, нам его оттуда никогда не снять. Разумеется, такое жадное любопытство не могло довести до добра. И беда стряслась, когда в коттедж рядом въехали новые жильцы и Сол с Шебой, изнывая от любознательности, принялись навешать их каждый день. Мы предупреждали новых соседей, чтобы они их не привечали. Иначе катастрофа неминуема. Соломон испортит ковровую дорожку на лестнице или ограбит кладовую, а Шеба либо залезет в каминную трубу, либо свалится в унитаз. Но они ничего не хотели слушать. Прежде им не доводилось иметь дела с сиамскими кошками, и они очарованы, сказали они, тем, как эти котята важно идут друг за другом по садовой дорожке, здороваются с ними веселыми воплями, а потом начинают по-хозяйски всюду все

осматривать. И потому, с нашей точки зрения, Вестоны были сами виноваты, когда во время засухи надумали противозаконно налить дождевую бочку из кухонного крана при помощи шланга, укрытого за водосборами и люпинами. Соломон и Шеба тут же выдали их всей деревне — уселись на крыше сарайчика, взирая широко открытыми глазами на пузыри и во весь голос приглашая прохожих посмотреть, что они нашли! Одним из тех, кто принял их приглашения, был старик Адамс — в давние времена его дед жил в вестоновском коттедже, и по неписаным деревенским законам это давало ему право ходить по вестоновской дорожке больше, чем самим Вестонам. И он сказал, что старина Вестон пошел всеми цветами радуги, что твой хамелеон, чуть сообразил, что его разоблачили. Он слишком недолго жил здесь и еще не успел узнать, что практически все, — а старик Адамс так наверняка, — наполняют свои бочки именно этим способом, и еще долго ходил, не смея никому взглянуть в лицо. Что, как сказала тетушка Этель в тот день, когда Соломон съел косметический крем, обошедшийся ей в гинею,

убедительно доказывает, какое безумие иметь хоть какое-то дело с сиаменскими кошками.

Нам ни разу не удалось взять над ними верх. Только мы решали, что уж сейчас их прищучим, как они выдавали что-нибудь новенькое. Например, ловля мышей. Едва мы привыкли к тому, что их ловит Шеба, а Соломон часами кидает их мимо наших голов, как Шеба, придя к выводу, что Соломон слишком уж приковывает к себе внимание, постановила впредь докладывать нам о каждой пойманной мышке — чтобы мы знали, чья она. Когда Соломон в первый раз услышал, как Шеба, возвращаясь домой, во исполнение своего плана истово имитирует сигнал воздушной тревоги, он сказал, что это воет привидение, и залез под ванну, откуда мы его выманили ценой немалых усилий. Но вскоре он в свой черед придумал кунштюк похлеще. Взял и съел спорную мышку. И не спокорно в уголке, а с большой помпой и шумом на коврике перед камином, оставив нам в качестве сувениров голову и хвост. Тогда и Шеба съела мышку. Но желудок у нее был не таким крепким, как у Соломона, так что она тут же прошеествовала на лестницу, где ее и стошнило. И жизнь, как выразился Чарльз, продолжалась в том же духе.

После смерти Саджи наступил период, когда котята начали осознавать себя как личности, и если у нас бывали гости, вопреки нашим усилиям, плотно усаживались к ним на колени, облизывали глазурь на их кексах, стоило тем отвернуться, обыскивали их сумочки и болтали с ними под дверью ванной. Они просто обожали людей, и когда однажды мы заперли их в прихожей, так как на приятеле Чарльза был темный костюм, да и кошек он не любил, они вскарабкались по занавескам, вылезли через фрамугу, случайно оставшуюся открытой, и внезапно возникли за окном гостиной, прижали закопченные мордочки к стеклу, тоскливо заглядывая внутрь, как киносиротки.

Успех они имели потрясающий. Все ими умилялись, кормили мороженым, а приятель Чарльза вернулся домой в костюме, словно сшитом из шкур ангорских кроликов. В следующий же раз, когда их заперли, Соломон припомнил мороженое и тотчас снова выпрыгнул из ок-

на. А поскольку все окна в прихожей были закрыты, пустоголовый дуралей побежал наверх и выбросился из окна спальни. Одна наша гостя лишилась чувств, увидев, как он падает, но упал он на гортензии и остался цел и невредим. Беда была в том, что теперь Соломон сделал важное открытие: он сам мог приподнять оконную раму, стоило подсунуть толстую круглую головенку под шпингалет и хорошенько нажать. Так что с этих пор, запирая от них дверь гостиной, мы должны были не только застилать лестницу двенадцатью номерами «Таймс», но и завязывать веревочками шпингалеты на всех окнах.

Хотя в начале вечера наши кошки доводили гостей до иступления знаками своего внимания, если кто-то засиживался дольше одиннадцати, положение круто изменялось. Тогда они удалялись на самое уютное кресло (если оно было занято, они забирались за спину сидящего и начинали вертеться, пока он не вставал, — это средство всегда срабатывало), свертывались клубочком и демонстративно пытались уснуть. Стоило кому-нибудь посмотреть на кресло, и он обязательно видел хотя бы одну приподнятую сиамскую головку с одним полуоткрытым глазом и страдальческим выражением, которое яснее слов говорило, что им давно пора отправляться по домам. Есть Такие, которые устали. Если это не действовало, немного погодя Соломон садился, шумно зевал и со вздохом ложился поперек Шебы. Этот намек доходил до любого гостя. Зевок Соломона напоминал рыгание толстяка — долгий, громкий, смачный. Особенно неприятно было то, как они, только что лежавшие без сил, словно после дня каторжного труда, мгновенно оживали, чуть только гости начинали прощаться. Если бы они просто провожали их вежливо до дверей, как Саджи, это было бы еще ничего. Но эти двое усаживались в прихожей и орали, чтобы чужие люди поскорее собирались. А когда мы сопровождали гостей до калитки, в окно было прекрасно видно, как они, праздную победу, гоняются друг за другом по стульям.

Правду сказать, к этому времени гости обычно смотрели на наших кошек уже не так умиленно, как раньше. Например, моя приятельница, которая надела старые чулки,

чтобы поиграть с кошками, а лучшую пару оставила для безопасности у нас в спальне. Она ожидала, что старые чулки неминуемо погибнут, и не обманулась. Когда мы сели пить чай, Соломон дружески куснул ее за лодыжку, и чулок поехал. К несчастью, дверь в спальню не притворили как следует, и Шеба по собственной инициативе решила отнести новую пару их владелице, а они зацепились за угол ступеньки, и им тоже пришел конец.

А другая наша знакомая беззаботно оставила ключи от машины на столе в прихожей. Ну и, казалось бы, что тут такого? К несчастью, Соломон именно тогда изображал овчарку и таскал поноски. Так что мы битых два часа искали, куда он их засунул. Оказалось, что в лунку для мини-гольфа на лужайке.

А однажды таинственно исчез кактус из горшка, пока владелица, только что получившая его в подарок, на обратном пути заглянула к нам выпить чаю. Чарльз спросил, какие еще требуются доказательства того, что у Соломона не все дома, — однако Соломон тут был ни при чем. Похитила кактус Шеба, как мы узнали, когда сами завели кактусы и были вынуждены каждый вечер запира́ть их на ночь в ванной от греха подальше, пока Шеба под дверью выла, требуя хоть самый маленький, чтобы поката́ть его по полу.

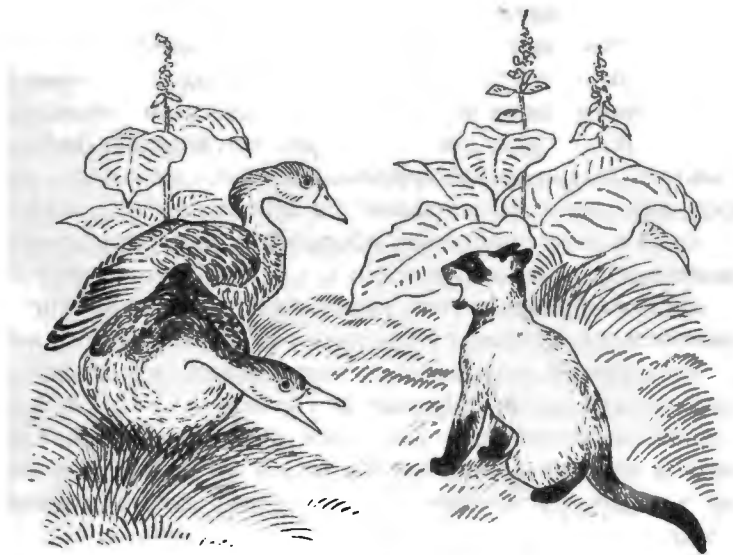
Зато Соломон один, без посторонней помощи убил меховое манто. Мы засмеялись, увидев, какое благоговение появилось на его мордочке, когда он узрел это манто и тут же выгнул спину, вызывая его на бой. И мы ни на секунду не задумались, когда владелица погладила Соломона по голове и, говоря: «Ничего, малыш, это ведь просто манто», небрежно положила его на стул в прихожей. А вот Соломон задумался. И, получив свою долю бутерброда с крабовым мясом, тут же ушел в прихожую, где убил манто так обстоятельно, что я и теперь дрожу, вспоминая, во что нам обошлась его починка.

После этого мы тщательно охраняли меховые манто. Пока гостя раздевалась, Чарльз держал Соломона на кухне, а затем я собственноручно запира́ла манто в гардеробе, после чего запира́ла и дверь спальни. И все же меня

охватили дурные предчувствия в тот вечер, когда в гардеробе было заперто очень дорогое манто из меха леопарда, а Соломон, едва ужин кончился, тихонько ускользнул в прихожую. Улучив минуту, я на всякий случай последовала за ним. Все, казалось, было в полном порядке. Дверь в спальню была надежно заперта, Соломон с невинным видом сидел на столе в прихожей и глядел в ночную тьму, а когда я с ним заговорила, объяснил, что он просто высматривает лисиц.

И только когда гостья, уходя, начала оглядывать прихожую и повторять, как странно, она твердо помнит, что оставила ее на шкафчике, я спохватилась, что шляпу в спальню не забрала. Но уже все свершилось. Это была — вернее, была прежде — шегольская шляпа с эгреткой из черных петушиных перьев. Когда мы извлекли ее из-под того же кресла, которое однажды укрывало знаменитую телеграмму тетушки Этель, все перья осыпались.

Глава тринадцатая **ШЕЙХ СОЛОМОН**

К тому времени когда Соломону исполнилось полгода, он, вопреки малообещающему началу, вырос в одного из красивейших сиамов, каких нам доводилось видеть. Правда, усы у него оставались пятнистыми, лапы — крупными, и ходил он походкой Чарли Чаплина. Но детский жирок исчез, и он выглядел гибким и глянцевитым, как пантера. Его темная треугольная маска блестела, будто полированное дерево, если не считать единственного белого волоска точно в середине — он объяснял, что вечно тревожится за Шебу, вот волос и поседел. Раскосые глаза над высокими восточными скулами были ярко-сапфировыми и редкостными даже для сиамы. Когда он лежал на садовой ограде, изящно свесив длинные темные ноги, то, по мнению старика Адамса, выглядел ну прямо что твой шейх в своем восточном дворце.

Старик Адамс, большой поклонник творчества Этель М. Делл, очень хотел бы, чтобы Соломон оказался шейхом в романтическом смысле этого слова. В то время он еще

мечтал разбогатеть, продавая сиамских котят, а Соломон был столь великолепен, что он только обрадовался бы, уволок наш сиам Мими за глянцевитую кремовую шкуру подальше в холмы, чтобы там стать прародителем такого аристократического рода, за членов которого, утверждал мечтатель, будут платить по десять фунтов и еще спасибо говорить.

Он до того возмутился, когда мы охолостили Соломона, что неделю отказывался разговаривать с нами, что было понятно — мы и сами не хотели портить Соломону жизнь, но мы делили ее с ним, а даже самые закаленные наши друзья начали бы избегать дом, где обитал бы нехолощенный сиам. И оставить его в таком случае мы могли бы, либо позволяя ему бродить на воле, а тогда сиамские коты превращаются в отпетых забияк и редко показываются домой, либо держа его взаперти в сарае, куда бы к нему водили кошек.

Когда мы спросили Соломона, как он на это смотрит, он ответил, что всегда предпочтет жуков девочкам. И кремовые булочки, добавил он, выразительно поглядывая на накрытый к чаю стол. И спать в нашей кровати, заявил он ночью, упорно рыская под одеялом в поисках моей головы.

Это окончательно решило дело. Представить Соломона котом-производителем мы могли не больше, чем в вольере зоопарка, изображающим из себя льва. На следующей неделе он был кастрирован, а вместе с ним стерилизовали и Шебу, и они не доставляли нам никаких хлопот, если не считать швов Шебы. Ей их наложили два, и оперировавший ее ветеринар (на этот раз городской: хотя нам было не в чем упрекнуть ветеринара, оперировавшего Саджи, поручить Шебу кому-нибудь еще было лучше для всех) сказал, что мы можем легко снять их сами на десятый день. «Щелкните ножничками тут и тут, дерните посильнее, — сказал он, — и делу конец».

Наверное, с нормальной кошкой так оно и было бы, но только не с Шебой. Она не позволит, чтобы швы ей снимали бестолковые дилетанты, заявила она. Всякий раз, когда мы подходили к ней с ножницами, она удирала на верхнюю книжную полку и пряталась там за баррикадой толстых томов. Даже Чарльзу не удавалось сманить ее

вниз. Нет, он ей очень нравится, заверяла она из-за энциклопедии, только пусть не трогает ее швы. Может упражняться на Соломоне, Мими или даже на мне. А ей нужен настоящий доктор. Ну, и она добилась своего после ночи, когда швы начали зудеть и она, расположившись у нас на кровати, сама попробовала их снять, а потом предложила попробовать Соломону, и нескончаемое пощелкивание зубов чуть не свело нас с ума. Обратиться к местному ветеринару мы не могли, поскольку оперировал ее не он, а потому утром позвонили доктору Такеру, который любезно приехал немедленно. От него Шеба не удрала, а подробно описала ему, что мы пытались с ней сделать, — не привлечь ли нас к ответственности за незаконную медицинскую практику, как он считает? А пока он перерезал и подцеплял теми же самыми ножницами, которыми пробовали воспользоваться мы, она спокойно стояла на столе, блаженно скосив глаза и мурлыкая.

Ну вот, решили мы, и конец нашим тревогам. Кошки повзрослели. Конечно, кое-какие чудачества за ними водились. Например, привычка Шебы переворачивать каждую ночь корзинку с овощами — нам приходилось выслушивать жалобы нашей новой прислуги, что в других домах от нее не требовалось каждое утро выуживать из-под плиты спаржу и раздавленные помидоры. В ее обязанности это не входит! Впрочем, все обошлось — она очень скоро заявила нам, что уходит, потому что стоит ей вымыть пол, как Соломон тут же старается наследить на нем.

Шеба ужасно обрадовалась. «Теперь, — заявила она (и сказала сухую правду!), — спаржа будет лежать под плитой, пока не начнет пахнуть по-настоящему, а прежде ее никто оттуда не вытащит!» И Соломон обрадовался. Она все время швыряла в него полотенцем, и он обязательно укусил бы ее, если бы не был джентльменом в высшем смысле этого слова, сказал он и пропустил мимо ушей замечание Шебы, обращенное к Чарльзу, что Он Же Больше Не Джентльмен, Верно? После Его Операции? Обрадовался и Чарльз. Если бы она не ушла, сказал он, то скоро начала бы швырять полотенцем и в него, если судить по тому, как она на него посмотрела, когда он попросил ее высыпать окурки из пепельниц. Не обрадовалась только я —

но за домашними делами у меня не хватало времени жаловаться.

А интерес Соломона к бытовым приборам? Он шел за пылесосом как ишейка, прижимая нос к ковру и наблюдая, как исчезает мусор. И, пожалуй, было только к лучшему, что не миссис Терри пылесосила в тот день, когда он решил заняться экспериментами и, пока я отодвигала стул, любознательно сунул свой шар из серебряной фольги в механизм. Я обернулась, увидела длинную черную лапу, исчезающую в отверстии, и молнией метнулась к выключателю.

Миссис Терри так бы не поступила. Она бы завизжала, набросила передник себе на голову и хлопнулась в обморок, как в тот день, когда сняла проволочный экран с электрокамина в гостиной, а Соломон, нежно вспомнив мамочку, тут же подошел к нему и прижал зад к решетке. В результате этого происшествия хвост Соломона, опаленный в двух местах, удивительно смахивал на хвост пуделя, а Шеба выводила его из себя, делая вид, будто пугается, всякий раз когда смотрела на него сзади. Но во что вылилось бы приключение с пылесосом, мне и подумать было страшно.

Ну да, с такими привычками, как я уже говорила, становятся все владельцы сиамских кошек, и мы вели относительно спокойную жизнь, если, конечно, не забывали о разных мелочах. Например, вставляли в пять утра, чтобы выпустить их в сад, — иначе Шеба сбрасывала лампу с тумбочки, а Соломон кусал нас; например, если шоколад был в серебряных обертках, все до единой отдавали их Соломону — он жутко переживал, когда на Рождество кто-то подарил нам огромную коробку шоколадных конфет без единой обертки — Назло Ему, сообщил он, безутешно вздыхая всякий раз, едва мы открывали коробку, и торопил нас поскорее их съесть; например, всегда держали на кухонном полу открытую пачку пшеничных хлопьев, чтобы он мог в любую минуту заморить червячка; иначе он забирался в буфет с самыми плачевными последствиями. Пока мы держали в уме подобные мелочи, все шло чудесно. Пусть даже они каждую минуту забегали в дом проверить, не ушли ли мы гулять без них или — о ужас! — не уминаем ли что-нибудь вкусное у них за спиной.

Тем более мы перепугались, когда как-то утром я позвала кошек, и они не примчались посмотреть, что на завтрак, а прибрела одна Шеба, очень грустная и растерянная. Соломон пропал, с тревогой сообщила она. Его нигде нет, и ей неизвестно, куда он подевался.

Хотя в тот момент мы этого не знали, Соломон, устав от пут цивилизации, подался в исследователи неведомых земель — и, как бывает с исследователями, попал в крайне опасное положение. Когда час спустя, обшарив все окрестности и с ног валясь от усталости, я наконец нашла его на огороженном лугу более чем в миле от дома, он пребывал в обществе двух очень крупных и рассерженных гусей. Когда я, запыхавшись, подбежала к ним, он, сжавшись в комок, орал во всю глотку о том, что с ними будет, сделай они еще хоть шаг вперед. Но он их не обманул. Как и меня. Он был насмерть перепуган — уши стоят торчком, как два восклицательных знака, глаза вылезают на лоб. Когда я его окликнула, он испустил долгое отчаянное стенание, призывая меня поспешить, не то эти каннибалы до него доберутся. Его надо выручать, да поскорее!

Ну, я его выручила: пробралась через заросли крапивы, перегнулась через колючую проволоку и ухватила его за шкуру — времени добежать до калитки, судя по выражению глаз этих гусей, уже не оставалось. Естественно, никакого урока он из этого не извлек. Едва он примостился в безопасности на моем плече и мы отошли от гусей на приличное расстояние, к нему вернулся обычный бодрый задор. И всю дорогу до дома у меня над ухом звучал монолог, что они ему говорили да что он им ответил, а на полдороге он объявил о своем решении (которое я пресекла в корне, крепко ухватив его за хвост) вернуться и сказать им кое-что еще. К тому времени, когда мы добрались до дома, Соломон — во всяком случае, в собственных глазах — был уже новоявленным Марко Поло. И с этого дня у нас не было спокойной минуты. Призываемая воплем, от которого у меня кровь стыла в жилах, я выручала его из одной беды за другой. Однажды в убеждении, что она улепечивает от него, он погнался за коровой, которую допекали слепни. Великолепная забава — мчаться через луг, ветер треплет его хвост, а длинные темные ноги работают

как у скаковой лошади... Только корова вдруг обернулась, увидела, что ее по пятам преследует лихой ковбой, и в свою очередь погналась за ним.

На этот раз я спасла его с удачно подвернувшейся ограды, на которой он отлично изображал Затравленного Оленя, а рога коровы находились всего в дюйме от его трепещущего темного носа. А вот когда он напугал крохотного ягненка, ему повезло меньше. Спасения ему пришлось искать в живой изгороди на крутом обрыве над лесом, и к тому времени, когда он до нее добрался, мамаша ягненка была уже так близко, что он ринулся сквозь изгородь, не глядя, что его ожидает впереди. Пока я устало пробиралась по лесу в ответ на его призыв о помощи, он внезапно возник на краю обрыва, прыгнул в никуда и бесславно плюхнулся в жидкую грязь.

Но и это его ничему не научило. На следующий же день я увидела, как он в том же лесу выслеживает маленького котенка в собственной неподражаемой манере — деловито прячась за каждой травинкой, а голое пространство переползая на брюхе. Я не стала вмешиваться — его темная морда светилась таким энтузиазмом, его глаза горели таким вдохновенным огнем! И я подумала, что уж котенок-то ему ничем не угрожает.

Но ошиблась. Несколько минут спустя послышался вулканический взрыв, оглушительно затрещали ветки, наступила тишина, которую прервал такой знакомый вопль о помощи. Пробираясь украдкой по лесу, Соломон, видимо, столкнулся со своим старым врагом — котом с фермы, который занимался охотой на мышей. Судя по тому, как кот промелькнул мимо меня, когда я кинулась в лес, их встреча напугала его не меньше, чем Соломона. И действительно, выяснилось, что Колумб орал по другой причине. Просто когда он укрылся на дереве, котенок последовал его примеру и полез на то же дерево. И вот Соломон отчаянно цеплялся за ствол на высоте шести футов, а котенок, который никак не мог его обогнуть, остановился у него прямо под хвостом. И Соломон во всей славе его, великолепный внушительный сиа́м, вопиял, потому что котенок, величиной с блоху, не давал ему спуститься.

После этого Соломон некоторое время старался держаться от леса подальше и завел манеру сидеть на садовой ограде, а когда мы его спрашивали, почему он не отправился в очередную исследовательскую экспедицию, делал вид, будто Поджидает Приятеля. К сожалению, в результате он заинтересовался лошадьми.

К сожалению — ибо стоило Соломону чем-либо заинтересоваться, как он устремлялся к любопытной новинке. К сожалению — ибо очень скоро директриса местной школы верховой езды позвонила мне и попросила держать его дома, когда ее подопечные проезжают мимо. «Он пугает лошадей, — сказала она. — Маленькая Патриция уже дважды падала в крапиву, и ее матери это очень не нравится».

Мы негодуя возразили, что лошади кошек не пугаются. «А вот вашей пугаются, — возразила она. — Соломон, — сказала она, — затаивался в траве, пока первая лошадь не проходила мимо, а тогда выскакивал на дорогу и начинал гарцевать следом за ней. Ну, словно передразнивая ее, — добавила директриса, хотя, разумеется, это нелепо. — Первая лошадь вела себя спокойно, но с остальными (тут мы признали ее правоту) приключилась настоящая истерика».

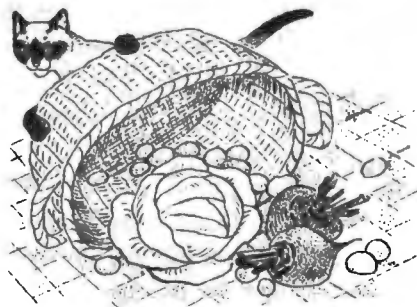
Пришлось позаботиться, чтобы с этих пор Соломон, когда подопечные директрисы проезжали мимо, изображал коня на подоконнике в прихожей. Заблаговременно узнать об их приближении было несложно — гремели копыта, сыпались указания наездника следить за коленями, смотреть на свои локти, и шум стоял, по словам старика Адамса, что от стада взбесившихся слонов. К несчастью, одинокий всадник таким образом о себе не сигнализировал, так что порой нам не удавалось перехватить нашего новоявленного победителя Дерби, и он, гарцуя, следовал за своим очередным идиолом. Частенько мы догадывались, что кто-то проехал мимо верхом, только обнаружив, что Соломон исчез из дома. Борясь с этим увлечением, мы пускали в ход всевозможные средства, кроме клетки. Даже завели золотых рыбок, раз уж его влекло все, что двигалось, и поставили аквариум в гостиную специально для него.

Сначала Шебу и Соломона рыбки обворовали. Они уселись перед аквариумом и точно так, как пара любителей тенниса следят за мячиком, следили, как рыбки, по-

махивая хвостиками, скользят в воде. Но затем Соломон убедился, что до них не доберешься ни сквозь стенку, ни через верх аквариума, а они и не думают бояться его, и, утратив к ним всякий интерес, бесшумно улизнул из комнаты. Чарльз, всецело поглощенный рыбками, не заметил ни его исчезновения, ни всадника в охотничьем костюме на дороге. А я была на кухне и про последнюю эскападу узнала, когда затрезвонил телефон и фермер с другого конца долины сказал, что не знает, знаю ли я, да только наш черномордый кот сию минуту пробежал мимо следом за охотником. И резво так — ну прямо арабский скакун, да только у лошади на хвосте красная лента, и значит, она лягается...

Не знаю, что он намеревался сказать еще, — я выронила трубку и припустила во весь дух. Когда я их нагнала, Соломон по-прежнему без ведома всадника упрямо следовал за ним в непосредственной близости от пары зловещего вида копыт. Охотник с восхищением оглянулся, когда я подхватила Соломона на руки. «Ну, и бесенок, — сказал он, — сколько пробежал! Да ему бы лошадью родиться!»

Он, естественно, никогда прежде не видел ни Соломона, ни меня и словно бы растерялся, когда, крепко держа Большеухого за шкурку, я сказала, что вот из-за какой-нибудь такой похвалы вся эта лошадиная история и началась.

Глава четырнадцатая

ВЕЛИКАЯ ЗАГАДКА ФАЗАНА

Прежде наш сад был истинным раем для натуралистов. В нашей трубе гнездились галки. В течение брачного сезона мы должны были просыпаться с рассветом — сначала пробуждались родители и заводили разговор между собой, а потом, отделенные от наших ушей лишь на толщину кирпича, принимались шипеть четверо-пятеро птенцов, требуя завтрака. Но, как говорил Чарльз, что это было в сравнении со зрелищем черного хвоста, доверчиво торчащего из нашей трубы, пока владелец этого хвоста кормил внутри своих детишек?

Дрозды, ничтоже сумняшеся, дробили улиток на нашей дорожке, стуча точно кузнецы и придавая ей вид прилавка устричной. Их родичи, когда мы пили чай на лужайке, присоединялись к нам и вытаскивали из земли дождевых червей, словно красно-бурые резинки, полностью отбивая аппетит у наших гостей. А однажды — в доказательство того, как Мать-Природа полагается на нас,

сказала моя бабушка — у нашего порога поселился кукушонок. Каждое утро, открывая дверь, я видела его на веранде, припавшего к полу рядом с молочной бутылкой. Почему именно рядом с ней, мы так и не узнали. Разве что ему было тоскливо одному и он принимал бутылку за другую кукушку. Добраться до молока кукушонок не пытался, а едва я забирала бутылку в дом, он, подскакивая и хлопая крылышками, перебирался на кучу камней за домом и пристально следил в окно, чем мы занимаемся на кухне.

Он не отводил от нас взгляда, даже когда его кормила унылого вида овсянка, которой вскоре уже приходилось повисать в воздухе, чтобы бросить корм в широко разинутый огромный клюв. Мы жутко обрадовались, когда он вырос и улетел в Африку. Моя бабушка, глубоко огорченная тем, что мы не позволили ей вырастить его у себя (он напоминал ей Гладстона, заявила она, а тете Луизе не составило бы труда его кормить), сказала, что мы не достойны доверия невинных маленьких созданий. На что Чарльз послал невинные маленькие создания ко всем чертям — проклятушая тварь своей вечной слежкой довела его до того, что, выходя из дома, он ожидал ощутить у себя на плече тяжелую руку инспектора из Скотленд-Ярда.

Но все равно это было интересно. И кукушонок, и зорянка, которая прилетала посидеть на спинке стула, пока мы ели; и дятел, который слегка свихнулся и начал в разгар зимы долбить дупло в телеграфном столбе — мы следили за ним как очарованные, пока кто-то не сообщил о нем на почту, откуда явился монтер и замуровал дупло металлической пластинкой. Мы уже ощущали себя великими орнитологами. А потом завели кошек.

После этого благоразумные птицы начали облетать наш коттедж далеко стороной. А уж если им приходилось пересекать нашу территорию, они у ворот взмывали вертикально вверх и проносились над ней на максимальной высоте. Галки некоторое время держались, но и они сдались, когда в один прекрасный день Шеба взобралась на трубу и многозначительно посмотрела на них сверху. Единственной птицей, посещавшей коттедж, был дрозд,

который играл с Соломоном, — но и он исчезал, стоило Шебе выглянуть из-за угла. Вернее сказать, играл один дрозд, как это заведено у птиц, — пролетал над самой головой Солли, когда тот шел через лужайку, испуская на-смешливые крики, и соблазнительно садился на ограду. А Солли не играл — он устремлялся на дрозда, как уимбл-донский чемпион, эффектно прыгая, растопыривая лапы во все четыре стороны.

Тут-то дрозд и допустил роковую ошибку. Он, несомненно, наблюдал, как Соломон охотился на мышей на лужайке, и счел его рохлей, который ничего не способен поймать. Он ведь не видел, как Соломон в доме тренируется с мячами для пинг-понга и с мухами. Смотреть на Соломона с мячиком было чистейшим наслаждением. Шеба, как высокомерно указал Чарльз, ловила то, что ей бросали, сугубо по-женски. Когда мы подбрасывали для нее мячик, она прыгала, не прицелившись, болтала лапами в воздухе и промахивалась. Это было удивительно, если вспомнить, как ловко она охотилась на мышей — не менее удивительно, чем способность Соломона, упускавшего на земле все, взлететь в воздух, подобно стреле, и еще в полете схватить передними лапами то, что мы ему бросали.

Это был его единственный талант, и он пускал его в ход при всяком удобном и неудобном случае. Если мы не бросали ему мячики или шары из фольги, он принимался прихлопывать мух. Нельзя сказать, что так уж приятно, когда кот то и дело проносится по воздуху точно воздушный гимнаст и тут же хлопается об пол как бомба, но от мух мы избавлялись. Талант Соломона, хотя дрозд об этом ничего не знал, делал его опасным объектом для насмешек небольших птичек. И вот как-то раз, хорошо потренировавшись с мясной мухой, Соломон вышел, стремительно подпрыгнул и вырвал пару перьев из хвоста крылатого остряка.

Мы знали, что дрозд уцелел. Мы собственными глазами видели, как он несся над долиной, словно за ним гнались привидения. Но Соломон ничего подобного не признавал. До конца вечера он расхаживал хорошо нам зна-

комой хвастливой походкой, которую Чарльз прозвал шагом брюхастой пантеры — голова опущена, из уголков рта торчат два черных перышка, и взгляд, оповещающий, что птичка, если нам интересно узнать, куда она подевалась, находится у него внутри.

Когда Соломон лег спать в эту ночь и в лесу начали перекликаться совы, он встал и охотничьей походкой подошел к окну. Когда-то, когда он был котенком, едва совы принимались ухать, он мгновенно забирался под одеяло, но те времена безвозвратно миновали. Прижав морду к стеклу, угрожающе вздернув свой верблюжий зад, он подробно объяснял им, что сделает с ними, если они не заткнутся. Съест, а перья их хвостов приложит к хвосту дрозда.

Очень часто в последующие дни мне вспоминалось предсказание тетушки Этель, что Соломон вырастет по-лоумным, и, наблюдая, как он прыгает на все, что пролетает над садом, от самолета до воробья, я гадала, кто раньше угодит в смирительную рубашку: я или он.

Теперь он из дома только выползал — на случай, если добыча окажется за углом. В саду он патрулировал крадущейся походкой охотника, сощурившись донельзя и бросая укоризненные взгляды на сарайчик с садовым оборудованием, где Шеба, возмущался он, слишком громко болтает с Сидни и распугивает всех пернатых. Когда он спал перед камином, подставляя живот огню, то уже не безмятежным сном того, кого ничто не волнует, кроме бутербродов с крабьим мясом, а продолжал и во сне так энергично ловить птиц, что казалось, у него разыгралась пляска святого Витта.

Но ловил он только этих птиц. Наяву реальные не приближались к нему на расстояние прыжка. Для компенсации, если где-нибудь в радиусе мили валялась дохлая птица, Соломон тут же волок ее домой.

Иногда она оказывалась застарело дохлой, — например, ворона, которую, видимо, застрелили за месяц до того, как Соломон с торжеством положил ее на ковер, и она буквально развалилась на куски. Мы сгребли останки в совок и торопливо унесли их в лес. «Оставлять их у нас

никак нельзя, — заявил Чарльз, — не хватает только, чтобы кто-нибудь вообразил, будто ворону убил Соломон». Откровенно говоря, я сочла Чарльза излишне осторожным: даже самые горячие поклонники Соломона не поверили бы, что он способен подстрелить ворону из дробовика. Но я промолчала. Да мои слова мало бы что изменили. На следующий день ворона вернулась на ковер.

Благодаря Редкостной Удаче, сообщил Соломон, бережно водворяя ее на прежнее место, он пошел в лесу не обычной дорогой и увидел ее под опавшими листьями. Миленькая, верно? Он тщательно облизал растрепанные перья и ревниво улегся рядом с ней. И почти с иголки! Он намерен Хранить Ее Вечно-Вечно, добавил он и оглянулся, проверяя, слушает ли Чарльз. Однако Чарльз, заткнув нос, уже убежал поискать чего-нибудь дезинфицирующего.

После этого Чарльз послушал моего совета: трофеи Соломона незамедлительно отправлялись в мусорный бак, и крышка закрывалась потуже, чтобы он не мог ее открыть. А он старался. Прямо-таки пыхтел, отчаянно царапая крышку и громогласно требуя, чтобы ему вернули голову курицы, которую он нашел в мусорной куче старика Адамса, и крыло голубя — его он подобрал на дороге.

«Если ворона, — сказал Чарльз, — пребывала в покойницах месяц, то голубь скончался в дни, когда Британию оккупировали римляне». Но запах Соломона не удручал — чем сильнее воняла его находка, чем безобразнее она выглядела, тем довольнее он был. То есть при условии, что сам на нее наткнулся. Если же мы давали ему что-то не самое свежайшее — например, на ужин мясо, купленное накануне, — он глядел на нас с ужасом и говорил, неужели же мы думаем, что он будет есть ЭТО. И Шеба не отставала от него. Хотите Отравить Нас, вопияла она, театрально пятясь, будто не веря своему носу. Засим они удалялись, уныло усаживались бок о бок на садовой ограде и тоненькими голосками спрашивали прохожих, не найдется ли у них черствой корочки, или, быть может, они знают хороший дом, куда возьмут двух маленьких кошечек, которых никто не любит.

Хуже всего был конец недели. В воскресенье к вечеру я частенько просто не знала, чем кормить этих животных. Куплю два-три фунта парного мяса в пятницу, а днем в субботу, если она выдавалась жаркой, они отворачивали от него носы. Рыба отпадала по той же причине. Ее они не ели в субботу даже на завтрак. При виде кошачьих консервов у них уши вставали торчком от ужаса. *Этого* сиамские кошки вообще не едят! Даже в критических случаях. Лучшую консервированную говядину или телятину они, так уж и быть, соглашались съесть, но только одну порцию. А еще — ни в коем случае! «Сиамские кошки, — говорили они, величавой процессией печально направляясь к ограде, — нуждаются в Разнообразии!»

Неделя за неделей Шеба ничего не ела по воскресеньям, и вид у нее был такой эфирный, что у меня слезы на глаза навертывались, хотя я прекрасно знала, что она выламывается. А Соломон демонстративно существовал только на пшеничных хлопьях. У нас всякий раз обрывалось сердце, когда мы видели распахнутую дверцу буфета и гласящий о голоде пакет с зияющей дырой в боку — немые обличения, что мы Не Кормим Их, Как Надо. Мы с тоской вспоминали Блондена, которому для полного счастья было достаточно пары орехов и апельсиновой дольки... и единственным его пороком была страсть к брючным пуговицам да еще склонность всовывать язык в носик чайника для заварки, если никто не смотрел в его сторону... Вздыхнув о былом, мы отправились и заказали холодильник.

В тот день, когда он был доставлен — белый сверкающий символ их победы в борьбе за свежую пищу для сиамских кошек, — Соломон (иногда казалось, что у этого кота запас подлых штучек просто неистощим) приволок в дом свою самую крупную добычу. Даже величайший актер не мог бы выйти на сцену эффектней. Техники на колених в кухне возятся с проводкой, я готовлюсь предложить им дружескую чашечку чая, Шеба, широко раскрыв любопытные глаза, по обыкновению, сидит на первом плане, а один из техников шутливо осведомляется, хватит ли в холодильнике места для ее мышей, Чарльз вычисляет, сколько, бутылок пива можно будет там держать, — и тут

внезапно появляется Соломон. Его глаза сияют как звезды над облаком перьев, длинные тонкие ноги растопырены, чтобы не наступать на волочащиеся крылья, и он пошатывается под тяжестью огромного фазана.

Когда он сложил птицу к моим ногам, воцарилась мертвая тишина. Техники переглянулись под козырьками своих фуражек. Мы прекрасно знали, о чем они думают, — что на досуге мы балуемся браконьерством и ловко приспособили для этого сиамских кошек вместо собак, и чем скорее они уберутся подальше от такой сомнительной компании, тем лучше. Чарльз постарался исправить положение: рассказал про манеру Соломона притаскивать домой из леса всякую дохлятину. «Ха-ха, — сказал он, — вроде той вороны, которая развалилась на куски, едва до нее дотронулись», — и небрежно пнул фазана. Только фазан не развалился, а перекатился на другой бок с аппетитным шлепком, и Соломон прыгнул на него, дьявольским воем подначивая его снова встать, если посмеет. Перепуганные насмерть техники поторопились закончить работу и улепетнули. С нами они больше не перемолвились ни словом, но когда их фургон покатиł по дороге, до нас донесся приглушенный голос: «Понятно, для чего им холодильник понадобился».

Одно мы знали твердо: где бы Соломон ни подцепил фазана, поймать он его не поймал. Одно дело перышки из хвоста дрозда, — но такой птице стоило бы просто захлопать крыльями, и он бы мигом очутился на ближайшем дереве, во весь голос требуя вызвать пожарную машину.

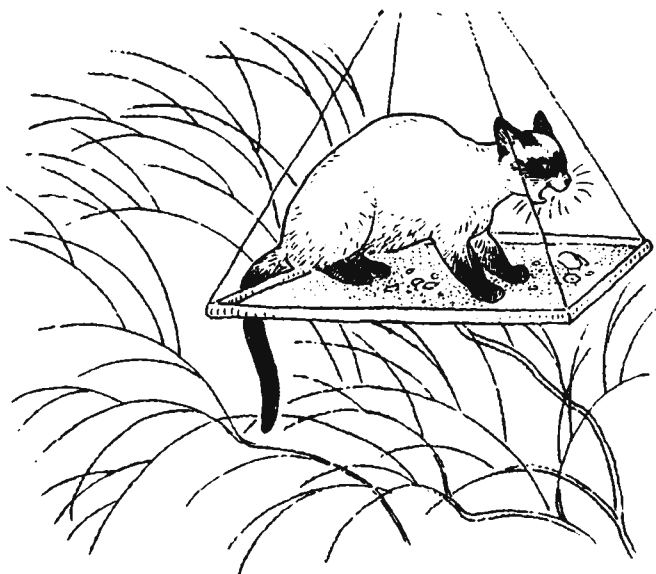
Он мог стянуть птицу из чьей-то кладовой. Или, может быть, кто-то из лесников перебросил его через ограду в подарок нам, как делают в деревне застенчивые люди, а Соломон подобрал его и внес в дом.

Ответа на эту загадку мы так и не узнали. Два дня фазан пролежал, спрятанный под ванной, и Соломон не оставлял попыток взломать дверь, а Чарльз то говорил, неужели же птице пропасть зазря, то напоминал, что в былые времена людей за меньшее ссылали в Ботани-Бей на каторгу. Мы все еще надеялись, что кто-то прольет свет на эту тайну, но никто не пролил. Если он попал к нам из

чьей-нибудь кладовой, то, как указал Чарльз, там он очутился тоже противозаконным путем. Наводить справки мы не решались из опасения выставить Соломона браконьером, если фазана нам не подарили. Поскольку с момента рождения Соломон все время своего бодрствования тратил на то, чтобы внушать людям, какой он лихой малый, они ведь могли ему и поверить.

А потому во вторую ночь, придя к окончательному выводу, что помимо соображений порядочности навряд ли стоит есть фазана, который (третья гипотеза) вполне мог скончаться от яда, мы, когда совсем стемнело, пробрались с птицей в мешке за калитку, прошли две мили в холмы и с сожалением закопали ее в канаве.

Глава пятнадцатая
РОМАН СОЛОМОНА

Как приятно, когда в доме живут две сиамские кошки, говорили люди, видя как они торжественной процессией направляются в огород, грозя бедой капустной рассаде, которую Чарльз только-только водворил на грядку, или чинно сидят в кресле, нежно прильнув друг к другу, точно на рождественской открытке.

В некоторых отношениях это действительно было приятно. Когда нас не было дома, они составляли компанию друг другу, и куда бы Соломон, как он сам говорил, мог бы положить голову, засыпая у камина в зимний вечер, если бы к его услугам не было живота Шебы?

С другой стороны, бесконечные проказы, в которые они втягивали друг друга, были бы не по плечу целой стае мартышек. Например, тот случай, когда Шеба спряталась в коляске мотоцикла Сидни, и он, обнаружив ее, только когда уже добрался домой, был вынужден безотлагательно отвезти ее назад, — разве она самостоятельно додумалась бы до такого? Шеба была домоседкой. Она редко по-

кидала пределы сада, и всякий раз, когда Соломон отправлялся на очередную прогулку, она обязательно, к большому его отвращению, оказывалась на крыльце, когда он украдкой пробирался по дорожке на обратном пути, и злорадно орала, что вот он, вот он, и не отшлепаем ли мы его?

Он мог хвастать сколько угодно о том, где был и какие подвиги совершил, — Шебу это не интересовало. Она предпочитала оставаться дома, быть подружкой Чарльза и Сидни. И так продолжалось, пока однажды она не услышала вопли Соломона: «Иди посмотри, где я сижу!» А когда она пошла посмотреть, то увидела его на капоте припаркованной машины. Шеба посмотрела на него, начала было звать Чарльза — и передумала. Она была пай-девочкой так долго, что жизнь, правду сказать, стала довольно пресной. К тому же, вопреки ее настойчивым советам, его ни разу не отшлепали, а наоборот, когда он возвращался, вокруг него так плясали, что вся ее чопорность возмущалась... И без дальнейших размышлений она присоединилась к Соломону на капоте.

С этих пор стоило кому-то припарковать машину на дороге поблизости от коттеджа, как они молниями неслись туда.

В первое время им было достаточно просто сидеть там и болтать с прохожими, сколько хватало сил. Это уже было скверно: я вся извелась, бросаясь сгонять их с капота и стирать отпечатки их лап до возвращения владельца. Но затем Соломон сделал великое открытие: у машины оказалось нутро! Я отлично помню день, когда он это обнаружил. Я примчалась, сволокла их с капота большого черного «хамбера» и, усердно полируя капот, внезапно заметила, что Соломон неверящими глазами вглядывается во что-то сквозь ветровое стекло. Я проследила его взгляд: с заднего сиденья на него столь же ошеломленно взидала почтенная старушка! Идиотски ухмыльнувшись ей (ничего лучше мне в голову не пришло), я ухватила кошек и пустилась наутек. Могла бы и не трудиться. Соломон, углядев старушку, во что бы то ни стало хотел рассмотреть ее получше. Едва я опустила его на лужайку, как он перемахнул через ограду и обеими лапами намертво вцепился в ручку дверцы машины, внимательно вглядываясь внутрь.

Когти у Соломона, когда он полон решимости, не уступят абордажным крючьям. Я тщетно пыталась отодрать их от ручки, он яростно орал, что хочет поглядеть на старушку, Шеба со своей стратегической позиции на сливе советовала хоть на этот раз отшлепать его хорошенько, старушка впала в полуобморок, не сомневаясь, что к ней рвется сумасшедшая с бешеным котом, — и я сделала единственное, что мне оставалось: ухватила Соломона поперек живота и начала во весь голос звать Чарльза. И Чарльз отцепил Соломона, а когда я унесла Соломона в дом, умиротворил старушку. «Что было нелегко», — сообщил он. Она твердила, что вот вернется с прогулки ее сын и нам это так не сойдет! Но тут он упомянул, что я его жена, и, к его изумлению (он еще не слышал о том, как я выскочила из калитки и принялась полировать капот ее машины с ней внутри), она погладила его по руке, приговаривая: «Бедный мальчик, бедный мальчик, у нас у всех есть свои горести, и надо переносить их мужественно», а потом угостила его мятной лепешкой.

Я поклялась, что больше не подпущу Соломона ни к одной машине. Где там! Я то и дело вытаскивала его из-под чужих машин, а если стекло оказывалось опущенным, то и изнутри. Чарльз наотрез отказывался вмешиваться, и эту операцию приходилось брать на себя мне. Дверцу я открывать не решалась, даже если она была отперта. Чарльз говорил, что нас могут заподозрить в преступных замыслах. А потому по два-три раза на дню я болтала длинной веревочкой внутри чужих машин, умоляя Соломона быть хорошим котиком и убраться оттуда, пока не вернулся владелец. Веребочку я держала в вытянутой руке и стояла от машины как могла дальше. Заподозрить меня в преступных намерениях не мог бы никто, но вот что у меня не все дома, наверняка думали многие. Тем более что Соломон и в ус не дул и либо возлежал, растянувшись на заднем сиденье, внушая прохожим, что это Его Машина и он просто Ждет Шофера, либо невидимкой на полу обнюхивал пакеты.

Он знал, что поступает нехорошо. И всегда удирил за секунду до возвращения владельца. Но я изнывала от страха, что в один прекрасный день владелец застигнет

его — и меня. И еще я боялась, что в другой прекрасный день я не замечу, что он залез в машину, и владелец, тоже ничего не заметив, увезет его. И стоило мне услышать шум машины, как я автоматически все бросала и опрометью бежала к калитке. А в конце концов, как я могла бы догадаться, если бы учла психологию моих кошечек, увезли вовсе не Соломона, а Шебу.

Шеба была куда осторожнее своего брата и не рисковала залезать в машины. И пока я отчаянно выуживала его веревочкой, она разве что сидела, широко открыв глаза, на капоте, говоря, какой он гадкий, правда? И она просто не знает, что нам с ним делать. Тем не менее она жаждала последовать его примеру. Это просто было написано на ее голубой мордочке.

И вот однажды она не пересилила соблазна. Но, видимо, рассуждая, что с Сидни она знакома и может с ним ничего не опасаться, забралась к нему в коляску — и, так уж несправедливо устроен мир, была тут же похищена.

Когда она вернулась, Соломон просто захлебывался от злорадства. Теперь настал его черед орать, и он своего не упустил. «А, явилась Косоглазая Паинька, — вопил он, шагая по дорожке навстречу Сидни, который нес на руках несколько смущенную Шебу. — Не Отшлепать ли Нам Ее Разнообразия Ради», — выл он голосом, который бы сделал честь и сирене на маяке. Нашего ответа он дожидаться не стал, а, едва Сидни спустил ее с рук, сам ее опрокинул, просто чтобы показать, кто есть кто.

Обычно, разумеется, все происходило точно наоборот: предварительную разведку производила Шеба, а Соломон следовал по ее стопам и нарывался на неприятности. Взять хотя бы отверстие для электропроводки, соединявшее новую половину коттеджа со старой. Чарльз заклеил его листком бумаги и покрасил для камуфляжа, пока не выберется свободная минута заделать дыру основательно. Так именно Шеба обнаружила щелку внизу бумаги, откуда тянуло интригующим сквозняком. Но если она удовлетворилась тем, что попыталась заглянуть туда, именно Соломон, преисполняясь буйной доблести, немедленно просунул лапу сквозь бумагу, требуя, чтобы затаившиеся там немедленно выходили, не то он сам до них доберется!

Более того: это героическое представление так его увлекло, что с этого дня всякий раз, когда дыру снова заклеивали, он снова рвал бумагу, и всякий раз, когда я провожала гостей наверх, мне приходилось объяснять, что это за дыра, а вдобавок и почему крупный, дурашливого вида сиам выкрикивает в нее угрозы, как обычно бывало в этих случаях.

Когда мы в кухне установили стенку до потолка, именно Шеба первой забралась на выступ и любопытной лапкой открыла ближайшую дверцу. Но именно Соломон, едва она выяснила, что там нет ничего опасного для маленьких кошек, принялся ежедневно открывать их со смачным стуком. Когда мы брали их на прогулку вдоль пшеничного поля, именно Шеба первая придумала веселое развлечение и залезала иногда на встречный столб, умоляя затем Чарльза снять ее оттуда. Но именно Соломон завел привычку с воплями залезать на все подряд, словно цирковой клоун, и в конце концов, вне себя от возбуждения, спрыгнул не в ту сторону и заблудился в пшенице.

Что бы ни намечалось, Соломон считал себя самым главным и средоточием общего внимания — кроме случаев, когда ему должны были прочистить уши или расчесать шерсть. Тогда невозможно было бы отыскать кота, с такой охотой готового уступить первое место Шебе. Пока мы возились с ней, он сидел рядом, проявляя жгучий интерес к происходящему — обнюхивал вату и блюдечко с растительным маслом, с видом знатока заглядывал к ней в уши, заверяя нас, что они жутко грязные и она, конечно, их полгода не мыла. Но едва подходил его черед, Соломон испарялся. Вопя, что мы глубоко заблуждаемся, что он вовсе не наш кот, он в исступлении прыгал с чехла на чехол, вцеплялся когтями в спинки кресел и края ковров. А пока злодеяние совершалось (легкий поворот в ухе скрученной ваткой и несколько осторожных движений расческой по шерсти), вопли достигали такого крещендо, что, по словам старика Адамса, казалось, будто мы отпиливаем ноги целому стаду слонов. А потом Соломон часами скорбно расхаживал, печально опустив уши, и смотрел на нас из-под них с такой укоризной, что мы проникались ненавистью к себе.

Когда наступила зима, Шеба осторожно прошлась по первому в их жизни снегу, именно Соломон каждую ночь скребся в дверь, требуя чтобы его выпустили, и эффектно прыгал по снежному покрову глубиной в фут, держа хвост торчком, точно перископ, а она чинно обследовала дорожку и чопорно усаживалась на крыльце, облизывая лапки. Затем Шеба сказала, что зима — отличное время для охоты на птиц, потому что мы их подкармливаем, и завела привычку каждое утро сидеть под сиренью, устремив глаза — две сапфировые луны — на сезонную птичью кормушку. Но Соломон оптимистично забирался в кормушку. И все портил, жаловалась Шеба, когда мы забирали их в дом, чтобы птицы могли клевать корм спокойно, как ни уверял Соломон, что просто изображал хлебные крошки.

Но кое в чем они были единомышленны. Например, не шли домой, когда мы их звали. И дружно не желали, чтобы у нас поселился кто-то еще. Был момент, когда они серьезно этого опасались. Дальше по дороге жила прелестная короткошерстая голубая сиямочка с янтарными глазами по имени Сюзи, чьим единственным недостатком было любвеобилие. Она любила собак, она любила людей, она любила других кошек — даже любила тощего, в боевых шрамах, кота с фермы, о чем свидетельствовал тот факт, что из множества котят, которых Сюзи приносила каждый год, девять десятых были круглоголовыми и черно-белыми. И вдруг, к дикому ужасу, она забрала котенка в угольный сарай и проспала там всю ночь на бумажном мешке. Нет, у нее был дом. Просто, промурлыкала она весело, ведя в семь утра своего отпрыска через заднюю дверь к миске, просто она обожает Солли и нашу стряпню, а потому решила переселиться к нам.

День мы провели в осаде, накрепко заперев заднюю дверь от назойливых гостей, а наша парочка кричала им изо всех окон по очереди, чтобы они шли домой. Потом полил дождь, и, к нашему несказанному облегчению, они отправились восвояси — хотя нас и мучили угрызения совести, пока мы наблюдали, как узкий голубой зад и квадратный черно-белый задик грустно удаляются по дороге.

Полчаса спустя, хотя дождь продолжал лить, из-за задней двери донеслось попискивание. Мы ошарашенно переглянулись.

— Она опять привела котенка, — сказал Чарльз. — Он утонет под таким дождем!

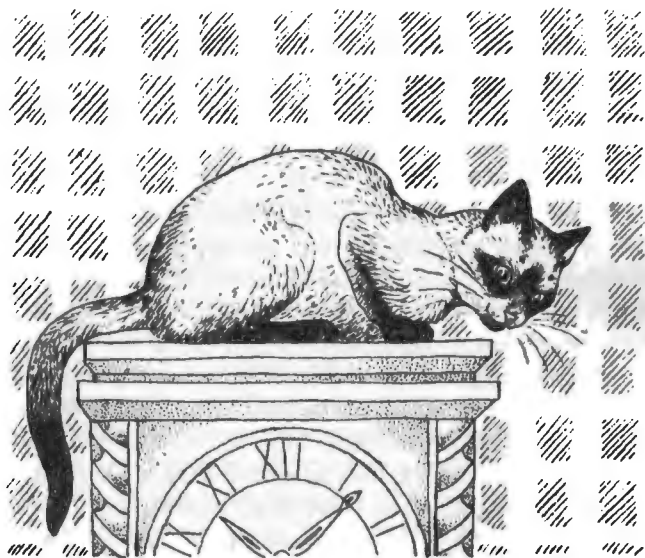
«Вот и хорошо, — сказал Соломон, распростерся на брюхе и попытался заглянуть под дверь. — Так ему и надо, будет знать, как таскать мою еду».

Но ведь этот малявка проспал всю ночь на мешке из-под угля, остался утром без завтрака, а теперь дрожит под ливнем — и все из-за любви Сюзи к Соломону! Нас душила жалость. Признав свое поражение, мы открыли дверь... и у нас чуть глаза не выскочили из орбит.

Под проливным дождем сидел не вчерашний черно-белый малыш, а два очаровательных голубых котенка с круглыми топазовыми глазами, и ротики их были открыты в жалобном плаче. С ними явно провели хорошую репетицию.

Мы никогда их прежде не видели, но чуть дверь приотворилась, как они задрали нахальные хвостишки и храбро вошли. В ту же секунду с подоконника, где она затаилась, спрыгнула Сюзи и устремила за ними. Они — самое лучшее, что у нее есть, объяснила она своим пронзительным голоском. Поскольку мы явно любим только породистых кошек, можно она поселится у нас с ними, а не с тем? Мне было так трудно ответить ей: «Нет, нельзя» — и захлопнуть перед ними нашу дверь.

Глава шестнадцатая
ТРЕВОЛНЕНИЯ ТРЕХ ЛЕТ

Вот уже три года, как Соломон и Шеба вошли в нашу жизнь. Иногда кажется — это симптом, общий для всех владельцев сиамских кошек, — что прошли все тридцать лет. За это время у нас в доме произошли кое-какие изменения. Например, Шорти уже нет с нами. Он внезапно умер год назад. Нас замучила совесть — а вдруг причина его смерти в том, что Соломон и Шеба то и дело опрокидывали его клетку? Хотя и казалось, что, очутившись в надежных объятиях кресла и смачно обругивая кошек справа и слева от себя, он получает от этого немалое удовольствие. Но мы все-таки отправили его в министерство сельского хозяйства для вскрытия.

Когда нам прислали результаты, у нас гора спала с плеч. Шорти — хотя непонятно, как он умудрился довести себя до такого состояния на семенах и воде, — скончался от ожирения сердца и увеличения печени. Мы никак его не заменили. С кошками в доме это было бы не-

честно, да и в любом случае, едва мы с грустью водворили опустевшую клетку в сарай, как Соломон до истечения недели, любознательно обследуя завал всякого хлама, свалился на нее и привел ее в такое состояние, что — как он сам сказал, когда осмотрел повреждения, — поселить в ней птичку было бы бессердечно.

Рыбки у нас остались — хотя и в их жизни не все шло гладко. В прошлую зиму голова и жабры самой крупной были поражены грибом. Две недели, пока все героически питались покупными лепешками, она тоскливо плавала в миске для замешивания теста, наполненной антигрибковым раствором. По истечении этого срока грибок продолжал распространяться, и создавалось впечатление, что с тем же успехом мы могли бы послушаться Шебы — она усердно навещала рыбку каждый день, а убедившись, что миска по-прежнему накрыта сеткой и до нее не добраться, настоятельно рекомендовала нам стукнуть ее по голове и спустить в унитаз. От отчаяния я прибегла к средству, которое вычитала в справочнике: поместить рыбку в раствор обычной поваренной соли (одна чайная ложка соли на кварту воды) и продержать в нем четыре дня, каждый день добавляя по ложке.

Нашей рыбке это, казалось, большой пользы не принесло — к вечеру третьего дня она лежала на боку, словно бы при последнем издыхании. Тут на Чарльза снизошло озарение: из-за сырой погоды количество соли, которую мы сыпали в миску, было больше предполагаемого, и мы практически живьем засолили беднягу.

В мгновение ока мы переложили рыбку из рассола в теплую, чистую воду. Но она перевернулась брюшком вверх. Мучимые раскаянием, мы просидели до полуночи, по очереди удерживали ее в нормальном положении и за хвост таскали вдоль края миски, пока через очень долгое время наши усилия не были вознаграждены и она сама не изогнула хвостик. Дальше выздоровление пошло гигантскими шагами, и вскоре мы вернули ее в аквариум — грибки исчезли без следа. Впрочем, последнее неточно. Прежде она была вся золотая, а теперь почернела всюду, где соль воздействовала на пораженные грибом места.

Она щеголяла черной головой и черными жабрами, черными кончиками плавников и черным хвостом. «Ну просто толстобрюхая пантера», — сказал Чарльз с хохотом, а Соломон прижал уши и надулся, не сомневаясь, что речь идет о нем. Рыбка изменила и свое поведение, что было даже интереснее. До тех пор мы не знали, к какому полу принадлежат наши рыбки, сонно плавающие в аквариуме.

Они все выглядели совершенно одинаково. Но соляная ванна положила этому конец. Несколько дней спустя водяная пантера, лихо изгибая обольстительный черный хвост, гонялась за девочками как сумасшедшая.

У Соломона и Шебы тоже случались свои взлеты и падения. Шебу не так давно укусил за хвост один из местных котов. Для меня остается неразрешимой тайной, как она подпустила к себе хотя бы на десять шагов такого облезлого кавалера. Она же была такой застенчивой, что закрывала глаза и чуть не лишалась чувств, если на нее смотрели, такую чопорную, что чудилось, будто на ней надеты чепец и митенки. Однако, наверное, даже у нее бывали романтические минуты. И за это она неделю спустя расплатилась нарывом на хвосте величиной с мандарин. Как у нее было в обычае, когда мы отвезли ее к ветеринару, она держалась очень мужественно — с видом беспомощной мученицы, от которого у него буквально слезы на глаза навернулись, позволила вскрыть абсцесс и вколоть пенициллин ей в задик. Он сказал, что мы должны неделю следить, чтобы отток гноя не закрывался, и дважды в день вкладывать в разрез пенициллиновую капсулу. «Некоторые кошки, — сказал он, — задали бы нам жару, но с этой милой малюткой (тут Шеба томно ему ухмыльнулась — как, скорее всего, ухмыльнулась и коту, перед тем как он вцепился ей в хвост), — с этой милой малюткой у нас, конечно, не будет никаких хлопот.

Его бы устами! Шеба и красивый молодой ветеринар — это было одно, Шеба и мы — это было совсем другое. Ему разрешалось рассечь скальпелем полтора дюйма ее хвоста: она лишь томно на него взирала. А нам достаточно было достать флакон деттола, и она уже кометой неслась

вверх по холму к дому священника, умоляя побыстрее ее спрятать — мы подвергаем ее пыткам.

И, как будто этого было мало, Соломон два дня спустя повстречал на дороге того же самого кота, двинулся на него, вытягивая шею, точно страус, когда всякий разумный представитель семейства кошачьих поторопился бы улизнуть. Ну и получил когтями по скуле. Царапина была крохотной, но попытка ее обработать стоила таких усилий, что возня с хвостом Шебы казалась в сравнении райским блаженством. Она-то была маленькой и хрупкой. Если нам удавалось запереть ее в доме, то при содействии старика Адамса мы обычно оттесняли ее в какой-нибудь угол и оказывали ей медицинскую помощь — даже распластавшись на животе под столом на манер вратаря, взявшего мяч. Но Соломон был такой могучий, что мы и вдвоем не могли с ним сладить. Справочник рекомендовал брать не покорного кота за шкурку и крепко прижимать к столу. Только у Соломона шкурка была такой просторной, что он свободно в ней вертелся, и это приводило к поразительным результатам: пока мы держали его за загривок, он лежал на спине и размахивал лапами во все стороны. Чтобы как-то с ним справиться, мне приходилось на четвереньках возить его по полу, точно котенка, и, улучив удобный миг, прижигать царапину деттолом.

Они, естественно, полностью выздоровели к тому моменту, когда прибыли напольные часы. Мастер, приглашенный установить эту махину, только засмеялся, когда я попросила привинтить их к стене, чтобы кошки не опрокинули. «Этому старинушке никакие кошки не страшны», — заявил он, нежно поглаживая ореховый футляр.

В старину вещи делали на совесть.

Бесспорно. Часы, доставшиеся нам после смерти брата бабушки, принадлежали моему прапрадеду, и им на своем веку довелось попутешествовать: дела семейной паровой лодки потребовали, чтобы он несколько лет прожил в Нью-Йорке, а его сын занимался овцеводством на Ла-Плато. «Дважды огибали мыс Горн и могут похвастать не одним шрамом!» — говаривал прадедушка, после того как тоска по доброму старому английскому пиву и пароч-

ке викторианских полицейских, которые привозили его домой на тачке, когда двери трактира закрывались на ночь, понудила его вернуться на старости лет в родные места. Шрамы сохранились. Глубокие щербины в основании, полученные во время шторма, когда они сорвались с креплений и ударились о рундук, как постоянно ударялся сам прадедушка. Однако ни прадедушка, ни мыс Горн не подвергали бедные старенькие часы такому возмутительному обращению, какое они терпели от лап этих кошек.

Едва мастер повесил гири, заботливо прицепил маятник и удалился, как они набросились на часы, словно бригада демонtajнников. Шеба воссела наверху, негодующе чихая, потому что обнаружила трещинку, в которую набилась пыль, а Соломон, после бесчисленных налетов на кладовую натренировавшийся открывать любую дверь или дверцу, засунул голову внутрь, наблюдая за работой механизма. Все прочие интересы были забыты. На время они даже остыли к тому, чтобы рвать дорожку на лестнице или сидеть на капотах. Чуть часы начинали бить, как они опрометью неслись в прихожую — а вдруг механизм вываливается? Когда я заводила часы, Шеба свешивалась сверху и подцепляла стрелки, а Соломон с торжествующим воплем прыгал мне на спину, перебирался на голову и присоединялся к сестрице.

Когда гири были подняты, меня разбирали опасения, что центр тяжести часов сместился и Шеба, прыгая на них со шкафчика, как нерестящийся лосось, может их опрокинуть. А когда гири опускались, я боялась за Соломона — в эти дни целиком мы его видели редко: только две тонкие темные ноги и длинный хвост свисали из часового футляра. Так вдруг он запутается в цепочках и его затянет вверх? Я так тревожилась, что, уходя, принимала меры, чтобы не рисковать ни часами, ни кошками. Теперь, когда мы куда-нибудь собирались, не только все шпингалеты завязывались веревочками, а лестница застилалась газетами, но я перепоясывала часы толстой веревкой, чтобы Соломон не мог открыть дверцу, и подтаскивала к ним тяжелое кресло, чтобы Шеба их не опрокинула.

В конце концов мы подобрали ключ к дверце, а часы Чарльз привинтил-таки к стене. Однако не раньше, чем деревня в очередной раз убедилась, что мы совсем свихнутые. Обычно, возвращаясь, я первым делом приводила прихожую в пристойный вид, но как-то вечером почувствовала себя такой усталой, что оставила все, как было. Ну и, естественно, именно в этот вечер одна из деревенских старушек зашла за пожертвованием на благотворительные цели. Я поспешила объяснить, почему у подножия лестницы громоздятся газеты, часы оригинально обвязаны веревкой и подперты креслом, но ее лицо продолжало хранить странное выражение, тем более что в эту минуту киски ужинали на кухне и не давали о себе знать. Но оно стало даже еще более странным, когда, вернувшись через полчаса за конвертом с деньгами, она убедилась, что я ни в чем не уклонилась от истины. На часах восседала, точно косоглазая сова, сиамская кошка, а сиам, сунув голову в дверцу, делился своими наблюдениями за работой механизма.

Впрочем, деревня не нуждалась в дополнительных доказательствах, что у нас не все дома. Улик за три года набралось предостаточно. В частности, по утрам, когда нам надо уехать пораньше, я мчусь по дороге в домашнем халате с кошачьей корзиной в руке и заливчиво лаю. Корзину я беру потому, что физически невозможно нести на руках двух сиамов, извивающихся, как взбесившиеся угри. Тогда, если мне удастся нагнать их, Шеба отправляется домой в корзине, а Соломон, слезливо причитая, что Именно в Это Утро Он Хотел Быть Лошадью, мешком висит у меня на спине. Лаю я потому, что (иногда) удастся внушить им, что где-то поблизости бегают собаки, и тогда они останавливаются. А в халате я потому, что за ними надо бросаться сразу же, едва они исчезнут, и к тому времени, когда я кончу одеваться, они уже будут весело прогуливаться в соседней деревне.

Объяснять все это соседям — напрасный труд. Они просто считают нас сумасшедшими. Как и двое пеших туристов, которым я однажды явилась в халате из леса наподобие Тарзана. Я и сейчас вижу, какие у них были лица,

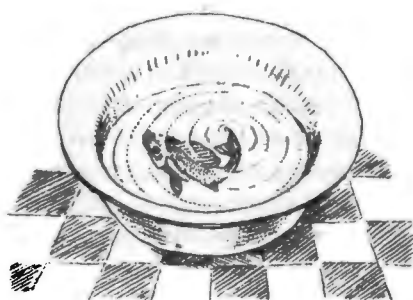
когда я скользила вниз по крутой грязной тропинке, отчаянно цепляясь за ветки, чтобы удержаться на ногах, а последние несколько ярдов съехала на обтянутых пижамных штанами ягодицах. Я объяснила, что ищу сиамскую кошку. И делу нисколько не помогло, что именно в эту секунду из нашей калитки небрежной изящной походкой вышли две сиамские кошки и осведомились тоном скорбного изумления, с какой стати я сижу на дороге, а они уже давным-давно ждут меня в саду.

То же самое произошло и когда Шеба, прогуливаясь по коньку крыши после дождя, поскользнулась на мокрой черепице и перепугалась до полусмерти. Никто не подошел посмотреть, что случилось, пока она, окаменев от ужаса, сидела на коньке и взывала к Чарльзу спасти ее, а внизу на лужайке ей сочувственно подвывал Соломон, и каждая черточка его треугольной темной морды говорила о самых дурных предчувствиях. Не было никого, чтобы помочь нам, когда наконец, убедившись, что она действительно сама оттуда не спустится, мы кое-как втащили на склон за коттеджем длинную приставную лестницу, а оттуда перекинули ее на крышу. Но едва Чарльз добрался туда и тоже уселся на коньке, как долина внезапно закишела любопытными зрителями. Старик Адамс, направлявшийся в трактир, ученики школы верховой езды, выехавшие на утреннюю разминку, и отряд бойскаутов, прибывший на автобусе для экскурсии на природу. И опять-таки не было никакого смысла объяснять, почему он очутился там. К этому времени Шеба спокойненько сама спустилась с крыши и весело гонялась на лужайке за Соломоном.

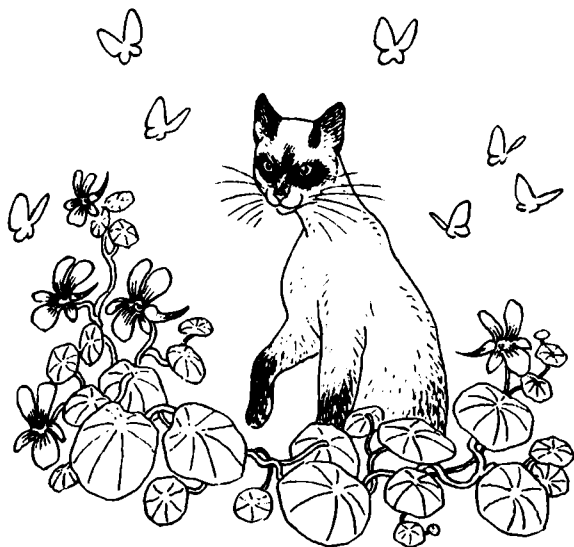
Разумеется, много от сиамских кошек и ждать нельзя, но все это даром не проходит. Три года назад у меня не было ни единого седого волоса. Ну, а Чарльз... Пока я дописывала эту последнюю главу, он опять скатился с лестницы.

И тем не менее мы ни за что с ними не расстались бы. Вообразить коттедж без сиамских кошек теперь столь же невозможно, как прежде — без белки. Когда я пишу эти строки, они спускаются с холма. Шеба печатает шаг впе-

реди — ее голубые лапки ступают уверенно и твердо, словно она — сержант женской вспомогательной части на параде. Соломон плетется позади, иногда останавливается понюхать маргаритку или поглядеть через плечо, нет ли там чего-нибудь интересного, а потом бежит догонять ее на длинных тощих темных ногах. Еще минута — и они взлетят вверх по лестнице, остановятся на пороге бок о бок и уставятся на меня с таким подозрением, будто это я, а не они оставила мячик на лестнице, чтобы Чарльз на него наступил. Так пусть же — даже Чарльз, который осторожно смачивает в ванной холодной водой свои синяки, говорит, что полностью со мной согласен, — так пусть же они подольше будут такими же.

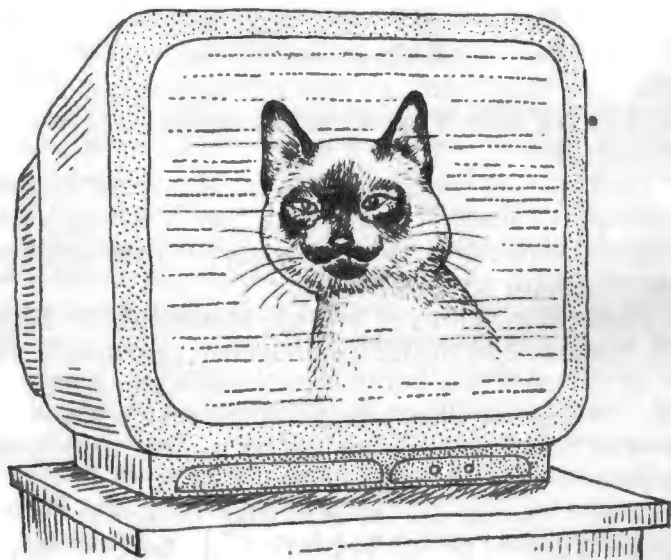

Кошки в мае

Doreen Tovey
CATS IN MAY

Elek Books edition published 1959

Глава первая

А ВЫ ВИДЕЛИ ЕГО ПО ТЕЛЕВИЗОРУ?

Естественно, нельзя было выдумать ничего глупее, чем написать о наших кошках. Чуть имена их появились в воскресных газетах, как они распоясались еще больше.

Прежде, когда прохожие останавливались поговорить с нами через садовую калитку, кошки, как правило, тут же исчезали. Особенно если решали, что разговор пойдет о них.

«Пора поймать ту мышь», — буркала Шеба и решительным шагом удалялась в глубину сада, как только люди выражали намерение поглядеть поближе на сиамскую кошечку с голубыми отметинами. «Гулять Иду», — орал Соломон и поспешно ретировался в лес, едва кто-нибудь ахал, какой он большой, и спрашивал, не кусается ли он. «И Назад Никогда Не Вернусь», — добавлял он, если его непростительно оскорбляли вопросом, не мать ли он Шебы, а это случалось довольно часто — он такой крупный и с темно-коричневыми отметинами, она такая маленькая и серебристая. И когда они уходили, я шла за Соломоном

в лес. Обычно он сидел под сосной в тоске, на какую способны только сиа́мы, размышляя, то ли уйти жить к лисицам, то ли завербоваться в Иностранный легион (сообщал он, вздыхая, когда я перекидывала его через плечо и уносила домой).

Слава все это изменила. Стоило кому-то остановиться поговорить с нами — пусть просто угольщик справлялся, к задней двери ему подъехать или как, — и в ту же секунду они возникали неведомо откуда.

Шеба проносила по дорожке в облаке пыли, задыхаясь, тормозила на ограде и застенчиво спрашивала: читали ли это люди про нее? Соломон небрежно огибал угол дома, слегка покачиваясь на длинных ногах, и заверял желающих послушать, что все это он написал собственноручно.

Откуда что взялось, не понимаю! Кроме тех случаев, когда я запира́ла дверь перед его носом и он, сидя на ограде и страдальчески глядя на прохожих голубыми глазами, объяснял, что его выгнали из дома, или запира́ла его в гараже, где он вопил во весь голос, каждое предложение в той книге создавалось под аккомпанемент прыжков Соломона, изображавшего кузнечика-переростка, и его жалоб, что стук машинки действует ему на нервы.

И всякий раз, садясь за машинку, я ощущала себя преступницей. Иногда даже, когда он лежал враспашку на коврике и отблески огня играли на его глянцевом кремевом пузе, а большая темная голова блаженно покоилась на голубом пузике Шебы, я тихонько пробиралась наверх в свободную комнату и там отстукивала несколько строчек, лишь бы не потревожить его. Соломон, глухой как пень, пока гулял в лесу, а я металась по дороге, во всю силу легких выводя «толливолливолии» (единственный зов, на который он откликался, видимо считая верхом сиа́мского остроумия, что прохожие косились на меня как-то странно и убыстряли шаг), — Соломон, повторяю, звук машинки уловил бы и за милую.

Одна соседка, давно привыкшая к тому, что наши кошки с воплями заглядывают к ней в окна посмотреть, чем она занимается, а то и проходят процессией через ее кот-

тедж от парадной двери до задней, как-то пережила жуткое потрясение, — подняв глаза от портативной машинки мужа, на которой выстукивала что-то одним пальцем, она увидела, что за окном на подоконнике Соломон прыгает вверх-вниз, вверх-вниз точно бешеный. Она тут же в панике позвонила мне и сообщила, что он полностью свихнулся. (Спрашивать, кто «он», нужды не было: вся деревня ждала этой минуты с момента его рождения.) Я приду за ним или ей вызвать ветеринара?

Она долго отказывалась верить, что он просто таким образом реагирует на стук пишущей машинки. Если так, сказала она, то почему бы ему просто не уйти? Почему он прыгает на Ее подоконнике как цирковая блоха? Вот именно — почему? Типичное для него поведение, и все. Я могла бесшумно прокрасться в свободную комнату или на кухню, а то и с машинкой в руке ускользнуть в сарай — и через одну-две минуты являлся Соломон, глядел на меня с горькой укоризной и всякий раз, когда я ударяла по клавише, взмывал на несколько футов в воздух.

Даже когда я с омерзением закрывала машинку, он продолжал прыгать. Пошевелишь ногой — и он взлетал по вертикали как ракета. Возьмешь в руки каминные щипцы — он, проделав полное сальто и осмотрительно приземлившись на бюро, кричал: кто-то Покушается На Него. Как-то, когда я только что убрала машинку, священник неожиданно окликнул его сзади, когда он пил из цветочной вазы на столике в прихожей, — и бедняга Сол с перепугу чуть не ударился о потолок. Чтобы преодолеть эту идиосинкразию, нам пришлось обзавестись новейшей бесшумной пишмашинкой, а если кто-то упрекнет нас в глупом потакании животным, отвечу, что купили мы ее не ради Соломона, а потому лишь, что и наши с Чарльзом нервы совсем сдали и мы уже прыгали как кузнечики.

К тому времени, когда книга вышла, Соломон забыл про машинку — он, но не мы. Когда нас попросили привезти кошек в Лондон на званый вечер с сиамскими кошками, мы позеленели и сразу наотрез отказались. «У Соломона шалют нервы, — объяснили мы, — и наши тоже — и очень». — «Тогда привезите Шебу», — предложили нам.

Но и это было невозможно. В чем мы убедились на горьком опыте: когда дружок Шебы укусил ее за хвост и нам спешно пришлось везти ее к ветеринару, Соломон, оставшись в одиночестве-то на полчаса, сразу водворился на подоконник в прихожей, чтобы вся деревня видела, до чего мы с ним не считаемся, и был так, что чуть крыша не обрушилась.

А потому мы отправились на вечер без них, что и привело к самым роковым последствиям, ибо там мы познакомились с кошками, которые умели себя вести. Обворожительная старая сиамка Сьюки, судя по шрамам, была в свое время порядочной безобразницей, что подтверждалось и рваным ухом, но теперь она сидела в своей корзинке величаво, как сама королева Виктория, и мирно смотрела на происходящее сквозь тонкие прутья.

Два юных гладеньких силпойнта из Челси, Бартоломью и Маргарита, попивали херес и были так похожи на Соломона, что у меня сердце оборвалось при мысли, что он сейчас либо терзает дорожку на лестнице, либо басом профундо извещает всю деревню, какие мы бездушные — уехали, а его бросили. Но самым внушительным был Тиг, который прибыл на вечер прямо из телестудии.

Тиг тоже очень походил на Соломона, но (хотя вид у его хозяйки был умученный, а шляпа нахлобучена набок в нормальном стиле сиамовладельцев) излучал невозмутимое спокойствие. Когда она достала его плошку с землей, прося извинения — он ведь был очень занят, а переполнение мочевого пузыря ему вредно, — он посмотрел на нее с брезгливым презрением. «Мочевого пузыря у меня нет», — сказал он и отошел поздороваться с репортерами и фотографами, словно всю жизнь только и водил такие знакомства. И всякий раз, когда мы смотрели на его хозяйку, лицо у нее становилось все тревожнее, и она по-прежнему следовала за ним с плошкой, но до конца вечера Тиг отказывался воспользоваться этим удобством с самообладанием, сделавшим бы честь самому закаленному общественному деятелю.

Домой я ехала в поезде зеленая от зависти. Все эти кошки светские до мозга костей... Надменный отказ Тига

от площадки с землей... И сам Тиг — лошечный, уравновешенный, невозмутимый... и выступает по телевидению... Я с тихой тоской спросила Чарльза, что, по его мнению, произойдет, если нашу парочку когда-нибудь пригласят выступить на голубом экране.

«Наверное, все было бы отлично, — пробормотал Чарльз, блаженно развалившись на сиденье: ему в эту минуту все — включая и сиамских кошек — рисовалось сквозь розовую дымку, подсвеченную шампанским. — Возможно, мы (читай — я) напрасно опасаемся брать их с собой. Наши кошки, — сказал он, ласково поглаживая подголовник вместо голубого задика Шебы и засыпая, — произведут на телевидении настоящий фурор».

Вот почему, когда на другой день позвонили из студии Би-би-си, дескать, они знают про вечер и про книгу, так, может, Соломон и Шеба выступят в вечерней программе, мы, не задумываясь, дали согласие.

Зря, конечно. Я поняла это сразу, едва положила трубку и увидела, что Соломон наблюдает за мной с порога восточным мрачно-подозрительным взглядом. Он всегда смотрел на меня так, когда я говорила по телефону, — вероятно, просто из любопытства, чего это я болтаю сама с собой, а то и из убеждения, что я свихнулась, и стоит подождать, не выкину ли я чего-нибудь интересного. Тем не менее, когда я увидела, как он сидит там словно злодей китаец из фильма о преступном мире лондонских доков, у меня по телу пробежала нервная дрожь.

Дрожь эта оказалась пророческой. Едва Чарльз, готовый отправиться в путь, вошел с кошачьими корзинками в одну дверь, как Соломон, тут же отказавшись от ампулы восточного злодея, прижал уши и решительным шагом вышел в другую. Когда мы наконец отыскали его, он лежал, прижавшись к полу под кроватью и орал, что никуда не поедет, что сейчас зима, а мы знаем, зимой он никуда ни ногой. Потом сволокли Шебу с гардероба, куда она забралась не из страха, а просто хотела, чтобы Чарльз и за ней погонялся, и к этому времени стало абсолютно ясно, чем обернется наше выступление по телевидению — полнейшим бедламом.

Так и произошло. Всю дорогу Соломон отчаянно грыз прутья своей корзины, точно гигантский термит, Чарльз, поскольку действие шампанского уже кончилось, трагично внушал мне, пока мы мчались в вечерней мгле, что он погибнет, если чертовы кошки выставят его на всеобщее посмеище, и мои нервы окончательно не выдержали — к счастью, я погрузилась в туманное полубытьё. Однако то, что память сохранила об этом вечере, будет преследовать меня до конца моих дней.

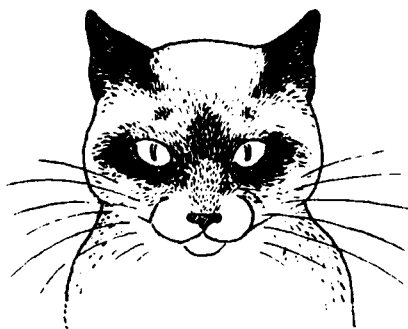
Словно тягостный бред. Шествие через фойе — Чарльз несет Шебу, я несу Соломона, а сзади (и, судя по его выражению, *этого* Би-би-си не учла) помощник продюсера несет ящик с землей. Наставления в студии — продюсер деловито указывает, что я должна говорить и где сидеть, а мне становится все жарче и жарче при мысли, что произойдет, когда мы откроем корзинки. Самый кошмар начался, когда мы их открыли и в мгновение ока тихая чинная студия преобразилась в карусель — Чарльз и продюсер мчатся бешеными кругами за Соломоном, а он несется как призовой скакун и выкликает, что никуда зимой не ездит, мы же знаем. Жуткие интервалы, когда они хватали его, лихорадочно совали в мои объятия и хриплыми от тревоги голосами умоляли хоть на этот раз его удержать во имя всего святого. И леденящая кульминация: когти Соломона абордажными крючьями впиваются мне в спину, Шеба у меня на коленях самодовольно ухмыляется камере, продюсер в контрольном зале возносит вслух молитву, и мы выходим в эфир — и ведущий приветствует нас рекордными по идиотичности словами: если он не ошибается, я привезла в студию моих кошек.

Что происходило дальше, не знаю. Помню только, как Соломон с оглушительным воплем спрыгнул с моей спины и бросился к вентилятору. По-видимому, я сказала что-то о том, как он наловчился открывать холодильник, — во всяком случае, на другой день пришли две старушки посмотреть, как он это делает. Шеба, несомненно, поведала обычную свою душещипательную историю, иначе почему бы мы получили письмо от какой-то женщины с предложением удочерить ее? «Чудной крошкой» назвала

она ее, не зная, что в первый, и единственный, раз, когда нам удалось на полсекунды усадить Соломона мне на колени, подлянка исподтишка ущипнула его в области хвоста, и он взвился в воздух как ракета.

Еще смутно помню, как Чарльз вез нас домой, бил себя кулаком по лбу и безнадежно спрашивал, за что, ну за что ему такое?

Однако в сознание я более или менее пришла только на следующий день, когда зашел священник справиться о моем здоровье и о том, как чувствует себя Соломон — для него же это, конечно, было тяжким, тяжким испытанием. И тут появился сам Соломон. И не съездившийся, напуганный, дрожащий от страха, но шагая неторопливо и надменно — походкой Рекса Харрисона, как мы скоро начали ее называть. Приближаясь, он поздоровался со священником басистым воплем. А затем остановился для пущего эффекта и осведомился (глаза его преподобия за стеклами очков округлялись все больше и больше), видел ли он его по телевизору?

Глава вторая

ДАЕШЬ ТРУБЫ!

— Нет, — сказал Чарльз, спуская воду из бачка и уныло выслушивая утробное бульканье, которым тут же ответила раковина, — должна же быть причина, почему на нас все время что-то сваливается.

Я разделяла его чувства. На этой неделе на нас свалилось следующее: Соломона укусил котенок, взорвалась скороварка и — в завершение всего — что-то случилось с канализационными трубами.

Впрочем, непосредственные причины происшествий были достаточно ясны. Соломон был укушен потому, что загнал в угол бродячего котенка величиной с блоху, подверг его легкой пытке — уселся в двух футах от него, чтобы котенок не мог до него дотянуться, и, экспериментируя, тыкал ему в мордочку длинной темной лапой — и пришел к выводу, что куда интереснее засовывать лапу котенку в рот. Дважды он проделал это вполне успешно. Когда я бросилась выручать бедняжку, уши Соломона ли-

хо стояли торчком, свидетельствуя, что в этом занятии он усмотрел огромные потенциальные возможности и готов был храбро их продолжать. В третий раз, когда я была уже совсем близко, котенок зажмурился, собрался с духом и укусил.

Соломон после этого два дня хромал. Собственно, пострадал он мало. Рассмотреть укус можно было только в лупу. Но Соломон любил все использовать до максимума. Если его укусили, значит, он Ранен. А если он ранен, так пусть все об этом знают! И потому, садясь, он держал пострадавшую лапу на весу и демонстративно дрожал, как осиновый лист. А когда ходил, то хромал не как обычные нормальные кошки, но передвигался мучительными трехногими прыжками наподобие лягушки — что и послужило непосредственной причиной взрыва скороварки. Эти его скачки и прыжки по всему дому довели меня до того, что утром, положив в скороварку кошачью крольчатину, я забыла налить туда воду. Но у всего есть своя светлая сторона: когда предохранительный клапан вырвало с оглушительным «бу-у-м!», Соломон впервые за несколько дней перестал быть раненым и молнией взлетел на ближайшее дерево.

Непосредственная причина неприятностей с отстойником была, по мнению Сидни, который в свободное время работал у нас в саду и огороде, не менее проста. Мы слишком часто принимали ванны. Легко ему было говорить! Ему не только не грозила опасность злоупотребить ваннами, в чем мы убеждались всякий раз, оказавшись с подветренной стороны от него, но его удобства были подсоединены к главной канализационной трубе. Неофициально, разумеется, а то бы пришлось за это платить. Сидни отгородил угол кухни под великолепную ванную, а соорудив ее, два темных зимних вечера, когда его соседи сидели у телевизоров, копал под каменными плитами, точно форель на майского жука, поднялся к тому месту, где мимо его коттеджа проходила вонючка, как он ее называл, и подсоединился к ней. При желании он мог бы без малейших помех принимать по десять ванн на дню. Но Сидни был против принятия ванн из принципа — только

расслабляют, утверждал он. Ему просто нужна ванная не хуже, чем в муниципальных домах, и все. Мы же, наоборот, и сведя мытье в ванной до голодного минимума (Чарльз утверждал, что даже мысль об этом заставляет его ощущать себя заросшим грязью изгоем), всякий раз, спуская воду, слышали это гнусное бульканье, от которого кошки приходили в дикий восторг, мчались в ванную и выкрикивали угрозы в отводную трубу. А крышка смотрового колодца угрожающе приподнималась.

Когда же дело дошло до того, что стоило нам вылить воду в кухонную раковину, как она затопляла ванну, Чарльз сказал, что необходимо принять меры. Обычно Чарльз такой торопливостью не отличается. Например, когда он снял в доме все дверные ручки, чтобы их выкрасить, прошел не один месяц, прежде чем он водворил их на место, хотя людям, чтобы войти, постоянно приходилось прибегать к штопору. «Рим, — заявил Чарльз, — не один день строился (а люди по всему коттеджу сражались с дверями и клялись, что их ноги больше в этом доме не будет), ну и обновление его — особенно покрытие шести ручек черной эмалью — требует времени».

Другое дело — сточные трубы. Когда они закапризничали, до приезда тетушки Этель оставалась одна неделя, и их необходимо было утихомирить, учитывая характер тетушки Этель, старой ведьмы в самом соку, как выразился старик Адамс, наш сосед, в тот день, когда услышал, какой крик она подняла, потому что Соломон оставил свой автограф, грязные отпечатки больших лап, на ее ночной рубашке. Он бы на ней и за десять фунтов не женился.

Да, принять меры было необходимо. Но когда мы позвонили водопроводчику, к несчастью, оказалось, что раньше чем через две недели он за это не возьмется, и в результате (о чем я стараюсь не вспоминать, и особенно по ночам, когда думаю о Чарльзе и о кошках, внушая себе, что мне есть, есть чему радоваться!) Чарльз и Сидни взяли это на себя.

На счету Чарльза имеется немало катастроф. Например, как-то раз он навинтил в прихожей новые бра и, экспериментируя с подсоединением к проводке, получал

весьма интересные результаты. Сначала стоило нажать на кнопку выключателя, и в гостиной зажигались все лампы, хотя прихожая оставалась темной; затем, после кое-каких манипуляций, он добился еще более замечательного феномена — при нажатии кнопки в доме перегорели все лампочки, и наконец («Уж если это не поможет, — ликующе заявил Чарльз, появляясь из чулана с большой отверткой в руке, — так и рассчитывать больше не на что!») роскошный финал: он включил рубильник, и в долине погасли все огни.

И тот раз, когда он сложил ограду из камней и, по меньшей мере, четверо стариков, предвкушая пинту пива в «Розе и Короне», заявили, что лучше кладки они не видели с тех пор, как совсем мальцами были, и что сердце радуется, что старое-то ремесло еще не позабыто! Но едва последний из них, ковыляя, скрылся за поворотом, как ограда рухнула и надолго завалила дорогу. Ну, а Сидни... Несколько лет назад рабочие почтового ведомства неделю убирали местные телефонные провода под землю, и едва их зеленый фургончик укатил в город, как Сидни, который тогда работал у соседнего фермера, беззаботно отправился пахать и перерезал плугом кабель пополам. Ну, и можете себе представить, как эта парочка приводила в порядок нашу канализацию.

Во-первых, они сняли крышку со смотрового колодца и прокопали длинную глубокую канаву поперек лужайки в поисках поглотительного колодца. Затем по совету старика Адамса, который случайно заглянул к нам и, хотя сам предпочитает будочку за домом, очень даже хорошо разбирается в подобных вещах, они выкопали длинную глубокую канаву в противоположную сторону и нашли искомое. Затем они перекрыли трубу. После этого, потея, надрываясь и объясняя мне, какая это выматывающая работа, они углубили и расширили поглотительный колодец и заложили его камнями. Жаль, что к тому времени старик Адамс отправился домой пообедать, не то он мог бы заодно объяснить им, что глупо открывать трубу, не выбравшись предварительно из канавы. Ну и когда я вышла, чтобы позвать их к столу, раздался властный воз-

глас Чарльза, который в воображении, видимо, завершал строительство плотины на какой-то могучей реке: «Пускай!» Кирка Сидни вышибла затычку, и не успели бы вы сосчитать до двух, как оба уже стояли по шиколотку в черной вонючей воде, а Чарльз на мой вопрос, что он затеял, сумел только ответить, что его левый резиновый сапог протекает.

После этого все пошло сикось-накось. Пока мы обедали, Соломон вышел погулять, начал заглядывать под доски, которые они настелили поверх канавы, и немедленно свалился туда. Едва мы его выудили, как Чарльз принялся прочищать трубы шестом (в этом никакой нужды не было, но он сказал, что любит делать все обстоятельно) и уронил плунжер. Чуть только мы выудили плунжер, Сидни испустил придушенный крик: он часами беззаботно кружил возле открытого смотрового колодца, но лишь сейчас удосужился измерить его глубину шестом. Семь футов!!

Сидни почти сразу же ушел домой. Никогда еще, сказал он, ему не встречался колодец глубже четырех футов шести дюймов. Стоит только в него провалиться, твердил он в панике с другого края лужайки, и уж тебя оттуда не вытащат! Бесплезно было втолковывать ему, что отверстие колодца меньше четырех футов, и хотя теоретически в него можно провалиться, практически для этого придется вытянуться по стойке «смирно» и хорошенько прижать руки по швам. Но Сидни был сыт по горло и отправился домой, боязливо оглянувшись на нас через плечо, будто мы только что покусились прикончить его, и оставил нас раздвеляться с трубами и канавами.

Ну и, прищпориваемые мыслью о том, что скажет тетушка Этель, если ванна, пока она будет лежать в ней, наполнится водой из раковины, где моется посуда, мы принялись раздвеляться с ними. Интересно заметить, что трубы вели себя идеально, пока канаву не засыпали, а тогда вода опять как сумасшедшая принялась течь не там и не туда, однако до конца недели уgomонилась, и все пришло в порядок. Затем — специально, чтобы не давать ему передышки, свирепо заявил Чарльз, и после труб, сيامских кошек, а также упрямых ослов вроде Сидни, и чтобы

окончательно свести его в могилу, — вечером накануне приезда тетушки Этель пропала Шеба.

Будь это Соломон, мы бы не удивились. Соломон постоянно шлялся где попало. Нагло заглядывал в чужие окна, зловеще шнырял возле чьих-то курятников — впрочем, если бы только что вылупившийся цыпленок просто посмотрел ему прямо в глаза, он бы мгновенно улепетнул. Как-то раз пара пеших туристов, проходя мимо коттеджа и увидев Шебу на крыше машины, откуда она нежно улыбалась Чарльзу, спросили: «А кот с черной мордой тоже ваш?» Мы ответили утвердительно, и они сказали, что могут сообщить нам, где он сейчас — прячется в высокой траве в двух милях вверх по долине. Насмерть их перепугал, сказали они. Только они устроились перекусить у ручья и Лила повернулась, чтобы бросить банановую кожуру в кусты, как вдруг из купыря вылезла его темная морда. Она до того перепугалась, что облила чаем из термоса все шорты.

— Нельзя такого выпускать, — сказал муж Лилы, нежно вытирая бочкообразное бедро Лилы в бурых пятнах чая. — Такого надо в клетке запирать! — заорал он мне в спину, когда я припустила по дороге.

Практически все, кто знал Соломона, обязательно хоть раз, но говорили что-нибудь в таком роде, но бежала я не потому. В долине водились лисы, и, хотя я побилась бы об заклад на любую сумму, что Шеба справится с любой встречной лисой, мне с пронзительной ясностью представлялось, как Соломона затаскивают в ближайшую лисью нору, а он продолжает спрашивать, видели ли они его по телевизору. Впрочем, я встретила с ним за первым же поворотом дороги — он шел по ее середине, величаво изображая Рекса Харрисона, и громко жаловался, что новые знакомые его не подождали. Нет, с ним ничего не случилось. Но всего несколько дней спустя мы оплакивали Шебу в убеждении, что ее съела лисица.

Вечер был таким же, как сотни и сотни до него, — я вошла в сад, комары увлеченно кусались, порой свирепые ругательства и звон бьющегося стекла доносились из угла, где Чарльз с инструкцией в одной руке сооружал

свой собственный парник. Соломона нашлепали за то, что он катался по пионам. Шебу — чтобы не охотилась на бантамских кур старика Адамса. Соломон оглушил осу, но съесть ее не успел — помешали в последнюю секунду. Шеба, всегда выискивающая случай произвести впечатление, растянулась в позе Дианы в ящике с рассадой, представленном на ограду, и произвела большой эффект на прохожих — и еще больший на Чарльза, когда он обнаружил, что возлежит она на салате, который он собрался посадить. Обычный, нормальный вечер. До той секунды, когда я пошла позвать их ужинать и вместо привычной живой картины — две кошечки в тихой печали сидят на ограде, не зная, нужны ли они нам еще, — увидела одного Соломона. Он весело боксировал с мошкаррой. А когда мы спросили его, где Шеба, он ответил, что не знает, но волноваться нам не надо: он, так и быть, съест и ее ужин.

Мы искали ее три часа — и без всякого толка. Сначала неторопливо, каждую минуту ожидая увидеть, как ее маленькая фигурка покажется на дороге или выбежит из леса. Затем уже с тревогой, вооружившись фонариками, по сараям и в старых амбарах, блуждая по лесу и зовя, зовя, а Соломон, запертый на случай, если ему тоже захочется проделать фокус с исчезновением, завывал на подоконнике в кухне, осыпая нас упреками.

Мы легли в час ночи. Не спать, но ждать рассвета, чтобы продолжить поиски. Это была одна из самых тяжелых ночей в моей жизни. И не только из-за Шебы, чье изуродованное тельце, казалось мне, валяется в лисьей норе. Но и из-за Чарльза, который то объяснял, что задушит проклятую лису собственными руками, когда поймает, то вспоминал таинственную детскую коляску, которую в сумерках катили вверх по склону — чем больше он о ней думает, твердил он, тем все больше убеждается, что Шебу похитили. И из-за урагана, который бушевал у кровати, точно у мыса Горн, потому что все двери и окна в доме были открыты настежь, чтобы мы слышали, если она позовет. И в немалой степени из-за Соломона, который в два часа ночи принялся во весь голос завывать в свободной комнате.

— Бедный малыш! — сказал Чарльз, когда после особенно пронзительного вопля мы решили забрать его к себе, пока он не разбудил всю долину.

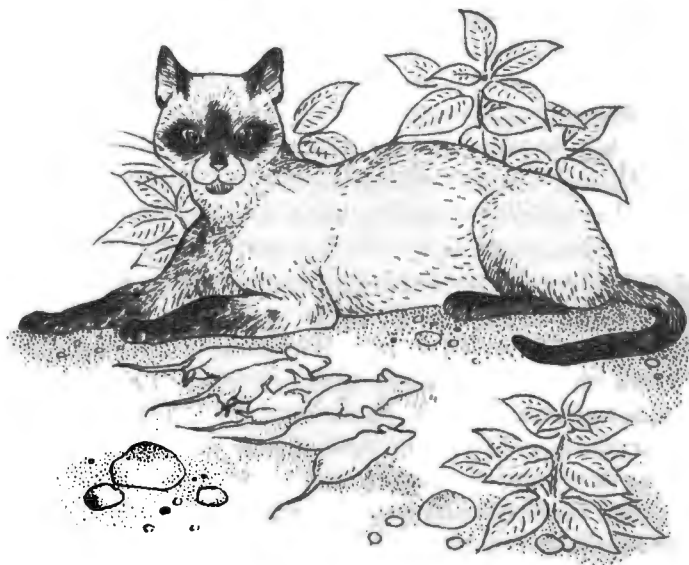
— Он тоже без нее места себе не находит, — сказал Чарльз, когда Соломон с обиженным хмыканьем вошел в спальню и подозрительно заглянул под кровать. Естественно, ничего подобного. Соломона просто язвила мысль, что Шеба с нами, а он нет. И, убедившись, что ее нигде не видно, он устроился поуютнее с головой у меня на плече и вскоре захрапел, как свинья. Чуть позже храп сменился непрерывным скрежетом зубным. Ему снился счастливый сон, как в будущем он каждый вечер будет съедать ужин Шебы, а не только свой. И, лишая нас всякой возможности услышать ее призывы, Соломон продолжал сладко спать.

Причина всех тревог вернулась в девять утра. Мы с рассвета снова прочесывали лес, звали ее, пока не охрипли, с тревогой оглядывали ручьи и поилки для скота — что, если она плавает там среди ряски, как миниатюрная голубая Офелия? К нам присоединился старик Адамс с лопатой в руках, намереваясь разрыть лисью нору в лесу, дабы мы узнали, не там ли она нашла свой конец. Чарльз наотрез отказывался верить, что мы потеряли ее навсегда, и подробнее разрабатывал теорию, что ее — предположительно связанную и с кляпом во рту, поскольку мы не слышали ни звука — похитили и увезли в той самой детской коляске. Он намеревался тут же позвонить в Скотленд-Ярд. Соломон восседал на скороварке, опасаясь хоть что-нибудь упустить, а его сверхсамодовольный вид яснее слов говорил: «Я-то здесь, верно? А Шеба — дура». Тут раздался стон, исполненный надтреснутым сопрано, и она вошла в кухню.

Мы так и не узнали, где она пропадала. Сама я, глядя на ее грязные лапы и стертые когти, решила, что ее случайно заперли в чьем-то сарае и всю ночь она копала подземный ход, чтобы выбраться наружу. Однако Шеба поддерживала теорию Чарльза. Да, ее похитили, заверяла она нас, скашивая глаза и загадочно ухмыляясь всякий раз, когда мы на нее смотрели. Заперли в зарешеченном по-

гребе и поставили сторожить огромного-преогромного детину. Вылезла в окошко и прошла десять миль до дома, а похитители гнались за ней по пятам. На телевидении за такую историю ухватятся, верно? И она небрежной походкой направилась к своей мисочке посмотреть, что на завтрак. И тут Соломон сделал то, что я с наслаждением сделала бы сама: сшиб ее с ног и укусил в основание хвоста.

Глава третья

ПРИЧИНА ПРИЧИН

Непосредственные причины того, что с нами происходило, были абсолютно ясны. Например, почему нас считали свихнутыми, никаких объяснений не требовало, ибо практически каждый день можно было наблюдать, как мы минимум один раз шествуем по деревне на глазах у почтенной публики: Чарльз, розовый от смущения, поскольку Шеба требовала, чтобы он нес ее в объятиях животом вверх и она бы взирала на него обожающим взглядом, а Соломон болтался у меня за спиной, как куль с углем, и я крепко сжимала его задние лапы. Если, конечно, не наступал сезон охоты на мух. Тогда я все так же держала его за задние лапы, а он у меня за спиной бил передними по воздуху как безумный.

В таких случаях на нас странно поглядывали хорошие знакомые, которым было отлично известно, что мы всего лишь забрали их из дома священника, или Уильямсонов, или еще кого-то, кто на этот раз позвонил, жалуясь на

них. А люди, с нами вовсе не знакомые, удивлялись, почему мы до сих пор не в психиатрической больнице.

Старик Адамс, сам владелец сямки, хорошо понимавший, что это такое (хотя его-то кошка теперь ведет себя примерно, говорил он, пока наши дьявол с дьяволицей не втягивают ее в свои безобразия), как-то пришел в неистовое негодование, когда кто-то в «Розе и Короне» задал именно такой вопрос.

— Сказал, что видел, как ты съехала из леса на заднице с бешеной кошкой на шее.

Вполне вероятно, что говоривший не преувеличивал. Лес рос на крутом склоне, и выбраться из него, изловив Соломона, можно было, только закинув его за плечо и сидя соскользнуть по тропинке. В результате, поскольку в наших местах все женщины до сорока носят джинсы, меня легко было опознать за милю по большому грязному пятну пониже спины.

Старика Адамса возмутил вывод его случайного собеседника — что я помешалась, а также замечание, что все деревенские жители вроде бы не в себе.

— Ну, так я ему сказал! — рявкнул старик Адамс воинственно, нахлобучивая шляпу на глаза, как персонажи, которых он видел по телику, когда им тоже требовалось поставить кого-нибудь на место. — Уж я ему сказал, будьте уверены!

Но, спросила я устало, так как давным-давно успела привыкнуть к правде-матке, которую любил резать старик Адамс, что именно он ему сказал.

Как я и опасалась, старик Адамс для начала сообщил ему, что я не такая свихнутая, какой кажусь, а затем добавил, что в таком разе ему следовало бы побывать тут годика четыре назад. Вот тогда, окончательно огорошил он незнакомца, он бы посмотрел, как я расхаживала по деревне с белкой на голове!

Впрочем, я отвлеклась от темы. Собственно, я хотела сказать, что Чарльз был совершенно прав: за всеми этими непосредственными причинами должна была крыться какая-то общая причина причин, почему неприятности сваливаются на нас одна за другой. И я знала какая.

Иногда я по-человечески была склонна винить в этом одного Чарльза. Например, тот случай, когда в морозную ночь у нас на дороге вдали от ближайшего жилья прихватило тормозные колодки, а инструменты для сохранности он оставил дома и не придумал ничего лучшего, как лечь под машину с зажженной свечкой (вот свечка в багажнике нашлась) и попытаться разморозить их. Это само по себе было достаточно скверно. Ветер то и дело задувал свечу, и когда многократный победитель международных гонок в двадцатый раз безмолвно высунул ее из-под машины, чтобы я опять зажгла, у меня в глазах помутилось от ярости, и я еле удержалась, чтобы не выскочить наружу и не сплясать на ней чечетку. Однако тягостнее всего было другое: когда в конце концов нас выручил человек с гаечным ключом, высвободивший колодки, и мы для проверки проехали несколько ярдов по дороге, Чарльз решил, что необходимо вернуться и поблагодарить его. Прежде чем я успела вмешаться, он нажал на тормоза — и колодки снова заклинило.

Тут я прижалась лбом к крыше машины и расплакалась. «Если бы я только послушалась бабушку, — рыдала я, а снег тоскливо таял на моих сапожках, а Чарльз нервно поглядывал через плечо и шипел: «Шшшм! Не здесь! Он слушает!» — Если бы я ее послушалась, так никогда бы не вышла за него».

Естественно, наглая ложь. Моя бабушка души в Чарльзе не чаяла. Будь она тут с нами, так, конечно, лежала бы с ним под машиной, выставив наружу ботинки на пуговках, и помогала бы ему держать свечу.

Помню, как он, когда мы еще не поженились, однажды вечером заехал за мной под проливным дождем с дыркой в крыше автомобиля, закупоренной «Файнэншл таймс», прямо над передним пассажирским сиденьем.

Заехал немыслимо элегантно: в брюках гольф, гетрах с узором из ромбов и белом гоночном шлеме на голове.

Заехал — и сразу затянул потуже веревку, удерживавшую глушитель на месте, и проверил дворники. Просто чтобы пустить пыль в глаза, поскольку они не работали, еще когда он покупал машину. И протирали ветровое

стекло благодаря еще одной веревке, один конец которой был опущен в одно окно, а другой — в другое, а середина обматывала дворники — в дороге мы поочередно тянули за эти концы в ритме гребцов в каноэ.

Заехал. Воплощение Жизни, Полной Риска, — брюки гольф и все прочее. Если бы мой отец увидел Чарльза или его машину, он хлопнулся бы в обморок. Но папа что-то где-то строил, а моей полновластной опекушкой была бабушка. Так она лишь с ностальгической грустью посмотрела на гетры и сказала, что будь она на сорок лет моложе...

Не проехали мы и половину улицы, работая своими концами веревочки, будто пара кембриджских чемпионов, как раздался громовый выхлоп, и «Файнэншл таймс» брякнулся мне на колени в сопровождении галлона воды, скопившейся в промятой крыше. Но и тогда бабушка даже бровью не повела. Когда мы рывками приблизились задним ходом к подъезду, она выбежала с зонтом в руке. Тот факт, что я не схватила его и тут же не огрела Чарльза по шлему, тот факт, что я кротко забрала его в машину, всунула в дыру, а ручку выставила в правое окно («Не то, — сказала бабушка, — вода потечет внутрь машины по зонту прямо на Чарльза») и вновь помчалась по улице, словно всю жизнь разъезжала под зонтами в автомобилях, тот факт, что я уже промокла насквозь, потому что, как не уставал напоминать Чарльз, он обещал старине Йену приехать в семь тридцать, и мы уже опаздываем... все это насколько не важно, однако доказывает, что даже в расцвете молодости мне следовало бы показаться психиатру.

Важно то, что тут лежит наглядное объяснение причины причин, почему на нас валятся всякие неприятности. Слева от меня бабушка, с которой я со дня рождения жила на грани катастрофы. Справа от меня Чарльз, с которым я со дня свадьбы продолжаю жить на той же грани.

У них много общего — у бабушки и у Чарльза, в том числе страсть ко всяким приспособлениям, инструментам и приборчикам, либо бесполезным, либо (в руках у них) приподносящим всякие сюрпризы. Естественно, последнее к другим людям не относится. Взять хотя бы электродрель — согласно рекламе такую простую, что с

ней может работать и ребенок. Когда Чарльз привез ее домой, он тут же насадил шлифовальное приспособление, чтобы отчистить старинный медный чайник, который я как раз тогда купила в лавке старьевщика. В упоении он не только прошлифовал дыру в дне чайника, но и ярко вызел медной пылью ванну и унитаз — ванную для этой работы он выбрал потому, что, по его словам, штепсель там расположен наиболее удобно. А пыль, увы, въелась, и по сей день наш унитаз шеголяет изумрудными пятнами.

Когда он насадил мешалку для краски, то мешал краску так долго, что она вся выплеснулась наружу своего рода кольцевыми цунами, и Соломон, околавившийся рядом в надежде, что мы готовим что-то съедобное, на долгое время стал единственным силпойнтом с голубыми ушами.

Когда Чарльз воспользовался дрелью без всяких приспособлений, чтобы просверлить пару отверстий под выключатель в прихожей, он с задачей справился. К сожалению, он выбрал выключатель, который (по словам старика Адамса) в самый раз сгодился бы для электростанции в Бэттерси, и привинтил его дюймовыми винтиками. В результате через два дня выключатель остался в чьей-то руке, и следующие полгода, поскольку Чарльз наотрез отказался заменить выключатель на другой, поменьше, а купить винты подлиннее постоянно забывал, эта махина с двумя толстенными проводами возлежала в прихожей на столике, готовая служить всем, кому требовалось подняться по лестнице.

Как-то вечером тетушка Этель, нащупывая выключатель, упавший за столик, подняла вместо него дохлую мышку (дар Шебы) и сказала, что не способна понять, как я это терплю. Ответ был прост: именно так я жила с бабушкой. Вплоть до приспособлений, которые неизменно что-нибудь выкидывали. Вплоть до краски — бабушка как-то покрасила стулья и наложила второй слой краски, пока первый еще не просох, так что в ближайшие недели гость, неосторожно воспользовавшийся одним из этих стульев, вставал с него под звук чего-то, отрывающегося от чего-то. Даже вплоть до мышей.

У бабушки одно время был кот Макдональд, которого однажды укусила мышь! Хотите верьте, хотите нет, говаривала бабушка, но она своими глазами видела, как мышь мертвой хваткой вцепилась Макдональду в губу, а он отчаянно пытался отодрать ее — лапой прижимал ей хвост, а голову тянул вверх, точно жираф, и бедная мышь растягивалась, будто резиновая. В результате этого случая у Макдональда развился мышинный комплекс. Теперь, поймав мышь, он ее не съедал, а укладывал в ряд с предыдущими своими жертвами на самых видных местах и злорадно их созерцал. В те дни гостям, приглашенным к нам на чай, требовались крепкие желудки: на ковре совсем рядом лежал десяток мышей, а возле гордо восседал кот наподобие художника, рисующего картины на тротуаре. Но бабушка не позволяла отбирать их у него. Это может травмировать его подсознание, утверждала она. Так он возвращает себе чувство собственного достоинства, пострадавшее от мышиноного укуса. А если кому-то это не нравится, отвечала она на наши возражения, так их никто не просит смотреть.

Мы бы вскоре остались совсем без знакомых, если бы у бабушки, кроме того, не было трех попугаев и Пикита, сенегалка, не укусила бы Макдональда за лапу, которую он экспериментально засовывал к ней в клетку. Пикита всегда кого-нибудь кусала. Такой дьявольской птицы я больше не встречала, а это немалый комплимент, если учесть, сколько попугаев перебивало у бабушки, — и все они кусались при малейшей возможности. Она была маленькой, с зеленой спинкой, оранжевым брюшком, желтыми ногами и серой змеиной головкой. Глаза у нее были серыми, как два камешка, но когда она злилась, глаза становились ярко-желтыми и то вспыхивали, то угасали, точно маяк.

По этим вспышкам всегда можно было понять, что Пикита намерена атаковать. К сожалению, как правило, предупреждение обычно запаздывало. Нападала она чаще всего, когда ей сыпали корм. С обычной бабушкиной непоследовательностью в то время, как остальные ее попугаи обитали в клетках с кормушками, которые наполнялись снаружи, только в клетке Пикиты кормушка была

закреплена внутри. Кроме того — такая уж удачливая птичка она была! — дверца ее клетки не открывалась наружу, а скользила вверх и вниз как подъемная решетка рыцарского замка. Все члены семьи, кроме бабушки, рано или поздно оказывались в западне — чертова дверца падала и защемляла им запястье, пока они насыпали семена в кормушку, и Пикита, чьи глаза вспыхивали и угасали как неоновые вывески, устремлялась вниз и впивалась им в большой палец.

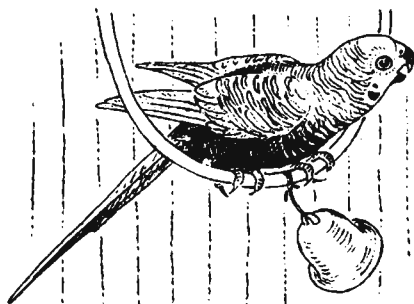
Бабушка была глуха к нашим жалобам на Пикиту, как и на макдональдовских мышей. Раз бедняжка нас кусает, говорила она, значит, мы ее обидели — так нам и надо! Пикита, заключала она категорическим тоном, каким всегда отметала жалобы на своих пернатых и четвероногих любимцев, ни разу ее даже не пыталась укусить. Как ни поразительно, это была святая правда: бабушка могла проделывать с птицами все, что хотела, — как и с четвероногими. Едва кто-нибудь из нас был укушен, еще пока мы, извиваясь от боли, сосали ранку, бабушка в тревоге бежала успокоить Пикиту — и две секунды спустя жуткая птица уже лежала, раскинув крылья, на спине, а бабушка щекотала ей пухлое брюшко и повторяла, какие мы скверные, раз дразним ее.

Мыши Макдональда и укусы Пикиты тогда сильно осложняли нам жизнь, и всем (кроме бабушки) почудилось, что свершилось Божественное правосудие, когда два наших тяжких креста ликвидировали друг друга.

Как я упомянула, в один чудесный день Пикита тяпнула Макдональда, когда он засунул лапу к ней в клетку, и Макдональд, памятуя рассуждения бабушки о его подсознании и потребности восстановить попорченную честь, замыслил хитрое отмщение. До конца дня он сидел под креслом, зализывал лапу и свирепо поглядывал на Пикиту. А ночью, когда мы все уснули, он промаршировал в гостиную, сбросил ее клетку со столика — подъемная дверца, так часто в прошлом обрекавшая нас на муки, в последний раз легко скользнула вверх по желобкам, и Пиките пришел конец. Утром мы увидели перевернутую клетку, семена, рас-

сыпавшиеся по всему полу, и Пикиту — аккуратно положенную на спину в ряд с мышами, изловленными за ночь.

Бабушка была неутешна. До самой потери следующего своего попугая, скончавшегося много времени спустя и по иной причине, она не переставала оплакивать Пикиту и повторять, что такого верного, такого любящего попугая у нее никогда не было и не будет. Что до Макдональда, гордо сидевшего там, ожидая от нее поздравлений, так он получил такую трепку (на его толстой черной морде застыло неопишемое изумление — почему она вдруг так переменялась?), что впредь закаялся ловить мышей. Даже увидев муху, он мялся, смотрел на бабушку, прижимал уши и ускользал под ближайший стул. «Люди, — говорил он, угрюмо глядя на нас, пока мы поглаживали его по ушам и обещали добавочное молоко, когда бабушка от-вернется, — люди Омерзительны».

Глава четвертая

БЛОНДЕН

Когда мы с Чарльзом обзавелись белкой, бабушка очень обрадовалась. Сразу видно, как сильно мы любим животных, сказала она. Я пошла в нее, она всегда это говорила. Чарльз... Чарльз всегда был ей симпатичен, и вот он взял миленького лесного сиротку, лелеет его, растит... Это просто доказывает, насколько она всегда права.

На самом деле бабушка, как обычно, была настолько не права, насколько это вообще возможно. Блондена мы взяли не по доброй воле. Да, конечно, животных мы любили. Но белки — как и сиамские кошки в те далекие беззаботные дни — нас отнюдь не привлекали. До тех пор нашим пределом были три кролика голубой королевской породы, при помощи которых Чарльз, вдохновленный книгой, озаглавленной «Как зарабатывать деньги на досуге», как-то возмечтал заняться коммерческим кролиководством. Он будет продавать тушки с гигантской прибылью в мясную лавку, а я (как постоянно напоминал Чарльз, шкурки кроликов великолепны) обзаведусь меховым манто.

Но через полгода, когда у нас уже было двадцать семь кроликов и мы разорялись на картошку и отруби для них, Чарльз заявил, что у него рука не поднимается их забить. Они — его друзья, сказал он. Особенно малыш с белой лапкой. Конечно, ты заметила, спросил он, как этот симпатяга залезает наверх по проволочной сетке, когда открываешь дверцу — почище всякой обезьяны? И с каким смышленным видом сидит на верхнем ярусе клеток, ожидая, что ему почешут уши?

Нет, я не заметила. Времени у меня хватало только на то, чтобы запаривать ведра отрубей и рвать одуванчики под живыми изгородями. Но одно я знала твердо: сама я тоже убивать кроликов не стану, а содержать их нам не по карману, особенно учитывая их склонность размножаться в геометрической прогрессии. В конце концов как-то в субботу друзья Чарльза всем скопом отбыли на тачке вместе с клетками. Мы продали их живыми другому предпринимателю — мальчишке, который поставил нас в известность, что спрос на голубых королевских катастрофически упал, и если полгода назад мы уплатили семь фунтов десять шиллингов за трех, он, так уж и быть, возьмет двадцать семь за тридцать шиллингов — вместе с клетками. Конечно, добавил он, выразительно глядя на Чарльза, если мы хотим продать их живьем.

Ну так вот. Блондена мы взяли не по доброй воле. И он не был миленьким сироткой, как с чувством описала его бабушка. А был он олухом, который в холодный мартовский день выпал из дупла на высоте тридцати футов, — без сомнения, из-за собственного глупого любопытства. Нашли мы его у подножия могучей сосны — дрожащего, голодного, такого юного, что хвост у него был голым и тонким, как у крысы, такого крохотного, что он даже ползать не мог.

Чарльз наотрез отказался карабкаться тридцать футов по стволу, чтобы водворить дурачка в родное дупло (сколько раз он потом, скрежеща зубами, жалел, что не сделал этого!), так что нам пришлось забрать его домой и заботиться о нем, пока он еще не мог жить самостоятельно. Вопреки убеждению моей бабушки, что Чарльз лелеял его и выкармливал, это я обработала его порошком от

блех, едва мы вошли в коттедж, и это я ночью вставала каждый час, чтобы поить его теплым молоком из серебряной крестильной ложечки.

А утром, когда мы проснулись и осознали, что кому-то надо кормить его каждый час и днем, это мне было поручено взять его с собой на работу. Когда я указала, что Чарльзу у себя в кабинете было бы легче кормить Блондена, не привлекая к себе внимания, он уставился на меня неверящими глазами. «Где это слыхано, — спросил он с ужасом, — чтобы мужчина кормил бельчонка в служебном кабинете?» Конечно, я могла бы спросить, где это слыхано, чтобы женщина кормила бельчонка в служебном помещении, но воздержалась — толку все равно не было бы никакого. Когда в девять утра я устало вошла в свой офис, Блонден, завернутый в одеяльце, лежал в продуктовой сумке. К несчастью, молоко оказалось слишком жирным для его малюсенького желудка, и весь день он пролежал в сумке неподвижно, а я через регулярные интервалы вливала ему в глотку смесь коньяка, теплой воды и сахара, каждую минуту ожидая конца. Однако на следующий день Блонден заметно прибодрился. На исходе утра где-то возле моих ног словно свистнул паровоз, и когда я вновь почувствовала под собой пол и заглянула под стол, то увидела бурую головку, негодуяще глядящую на меня из складок одеяльца. Где, спросил он, угрожающе клацая на меня зубами (какой знакомой стала мне вскоре эта его манера!), где его Коньяк?

После этого кормить его уже не составляло никакого труда. Разведенный коньяк, крекеры, растертые в кашу с водой и сахаром, — Блонден поглощал эту смесь сидя и крепко вцепившись в ложку обеими лапками. Он наотрез отказался (все наши животные проявляли независимый дух в самом нежном возрасте) принимать пищу из пипетки, которую мы приобрели для него на следующий день.

Едва он начал проявлять жизнедеятельность, слава о нем распространилась с быстротой лесного пожара, и со всего здания приходили люди посмотреть на него и поддержать его ложку. Многие приносили ему орехи и очень огорчались, что он тут же не набрасывался на угощение. Даже вид, оповещавший, что он проголодался, разносив-

шийся далеко по коридору, быстро вошел в обычный распорядок рабочего дня. Настолько, что как-то утром, когда мой начальник, я и весьма важный посетитель обсуждали раннюю историю Виргинии и прозвучал этот сигнал, подпрыгнул на стуле только посетитель — чуть не пробив потолок. А я автоматически кинулась к двери, пока мой начальник огорошил беднягу еще больше, объяснив, что я пошла покормить белку.

Естественно, долго это продолжаться не могло. И кончилось, едва Блонден обрел отличное самочувствие и сообразил, кто он такой. Никто, сказал мой коллега в конце второй недели, судорожно пытаясь извлечь Блондена из рукава своего пиджака, где тот застрял, забравшись туда из любознательности, а теперь вереща во всю мочь, никто не питает большей любви к животным, чем он, но белкам не место резвиться в служебных помещениях. Они мешают регистрации, пожаловалась секретарша, — и действительно, значительная часть нашей почты приобретала странную октагональную форму там, где Блонден пробовал зубы на уголках конвертов. Они проливают чернила, сказал рассыльный, — и действительно, на ковре чернела огромная клякса там, где Блонден в поисках, чего бы попить, наглядно доказал вышеуказанный факт невыводимым способом. Они вредны для его сердца, сказал мой начальник как-то днем, кидаясь к двери, потому что Блонден, который лениво грыз карандаш у меня на столе, вдруг легкомысленно подбежал к ней и уселся там как раз тогда, когда кто-то собирался ее открыть. Не буду ли я так любезна, сказал мой начальник, прислоняясь к дверному косяку и дрожащей рукой вытирая шею (Блонден весело вскарабкался по его ноге, чтобы принести ему свою благодарность), не буду ли я так любезна забрать мою чертову белку *к себе домой*?!

Бабушка очень рассердилась, когда услышала про это. Она порывалась отправиться к моим коллегам и поучить их уму-разуму, и мне лишь со страшным трудом удалось отговорить ее. Их не ждет ничего хорошего, продолжала она гневно, если они не будут добры к маленьким зверькам! (Насколько я могла судить, меня не ждало ничего хорошего, если я и впредь буду добра к одному зверьку.) Не-

беса покарают их за это, сказала бабушка, энергично размахивая чайной ложкой. Небеса...

В этот момент рыжий зверек, который деловито точил зубки на декоративном карнизе, увидел чайную ложку, грациозно спланировал и шлепнулся ей на голову. Бабушка, которая ничего подобного не ожидала, чуть не проглотила вилочку для пирога. Следом за этим ее точка зрения изменилась. «Этому дьяволенку, — сказала она, вытирая с подбородка остатки кремовой булочки и глядя на него так, будто он был отродьем самого Сатаны, — нужна клетка, да покрепче».

На некоторое время для его же пользы он действительно был водворен в клетку. Он настолько подрос, что уже мог питаться самостоятельно. Хотя его застольные манеры оставляли желать лучшего. Сначала мы подавали ему его размазю на блюдечке, в которое он незамедлительно прыгал, и шерстка у него на животе намокала. Нам так надоело сушить его живот на грелке, что мы заменили блюдечко чашкой, положенной набок. Он бросался в нее с такой же неистовостью, вертелся, хлюпал и сильно вымазывался, но хотя бы живот у него оставался сухим и хотя бы его не нужно было кормить. А потому мы оставили его дома со спальной корзинкой, чашкой размазни и питьевой водой — и в первый же день, с каждым часом обретая все больше беличьих повадок, он залез на полку, сгрыз краску с консервной банки и отравился.

Мы его вылечили обильными дозами магнезии. Чарльз, в тот же вечер яростно стуча молотком по упаковочному ящику, который переделывал в клетку, чтобы помешать Блондену и завтра покуситься на самоубийство, сказал, что мы становимся специалистами по белкам. Однако, боюсь, он преувеличил. Во всяком случае, он заявил, что из этой клетки, когда он ее укрепит, и носорогу не вырваться, однако уже в конце недели, вернувшись домой, мы обнаружили, что Блонден прогрыз в уголке дыру, достаточную, чтобы протиснуть сквозь нее свое толстое тельце, и самодовольно поглядывает на нас со шкафа.

После этого в клетку его больше не сажали. К счастью, он извлек урок из случившегося и перестал обгрызать краску, однако с завидной регулярностью попадал то в од-

ну опасную переделку, то в другую. Одно время он воображал, что его хвост равнозначен крыльям, и постоянно прыгал со стульев в пустоту, хлопаясь мордочкой об пол. Затем, видимо решив, что тут поможет высота, он прыгнул с шестифутового шкафа и чуть не разбился. К счастью, мы были дома и сразу его подобрали. Нос-кнопочка был весь в крови, а еще он растянул заднюю лапу и несколько дней хромотал, но после нескольких минут отчаянного визга он успокоился, выпил чайную ложку коньяка с водой, делая вид, что терпеть не может эту дрянь, но знает, что она полезная, — и решил остаться в живых.

Его следующая эскапада была по-настоящему эффективной. Привычка ложиться за едой в размазнию привела к тому, что шерсть у него на голове слиплась от сахара в твердую шапочку, которая так блестела, что казалось, он спрыгнул с рекламы брильянтина. Мы несколько раз пытались смыть эту нашлапку, но она не поддавалась. Блонден часами старался расчесать шерсть коготками, и с таким упорством (хотя и тщетно атаковал колтун), что, пожаловался Чарльз, он и сам то и дело машинально запускает пятерню в свою шевелюру. В конце концов терпение Блондена иссякло, и в наше отсутствие он выдрал колтун с корнями. Когда мы вернулись домой, он вылез из корзинки поздороваться с нами чрезвычайно гордый собой и совершенно лысый.

Это было еще до дней Юла Бриннера, и мы страшно его стыдились. Гости постоянно спрашивались о нем, и было крайне неприятно показывать им белку, словно траченную молью. Прошло несколько недель, прежде чем шерсть отросла и сморщенная розовая тонзура, смушавшая всех, кроме самого Блондена, наконец исчезла и он вновь стал похож на нормальную белку. Тем временем период мягкой пищи был пройден и он наконец мог приобщиться к орехам. Сначала их приходилось для него колоть, а ему и на мысль не взбрело запастись их на черный день. И все-таки с самого начала ел он их, соблюдая инстинктивный ритуал. Как бы ни был он голоден, он сперва тщательно очищал ядро на три четверти, быстро вращая его в передних лапках, и только потом принимался за еду.

Он всегда держал ядро за неочищенную часть и никогда, ни в коем случае не съедал часть, за которую держал ядро.

Когда он настолько повзрослел, что стал сам колоть орехи, то никогда не сбрасывал всю скорлупу целиком, а оставлял кусок, чтобы держать ядро, не прикасаясь к нему. Ломтики хлеба и яблок он ел точно так же и всегда бросал часть, которую сжимал в лапках. Любимым его лакомством были помидоры, — возможно, потому, что первый он сам стащил из миски на кухонном столе. Их он тоже тщательно очищал, прежде чем приступить к еде. Но больше всего Блонден обожал чай. К этому выводу он пришел внезапно, как-то утром за завтраком, сидя на плече у Чарльза. И, не теряя ни секунды, оттолкнулся от шее Чарльза и нырнул головой вперед в чашку, которую тот как раз подносил ко рту.

Чай (к счастью, почти остывший) разлетелся брызгами во все стороны — на Чарльза, на скатерть, а Блонден выскочил из чашки как из ванны, вытер мордочку о халат Чарльза, радостно уселся на спинку стула и принялся вылизываться досуха. С того момента при виде заварочного чайника он бросал любое свое занятие, и покой за столом можно было обеспечить, только налив ему полное блюдечко, а уж потом наши чашки. Один раз я забыла, а когда вернулась, наш миленький лесной сиротка, как упорно называла его бабушка, стоял на столе на задних лапках перед чайником и оптимистически всовывал язычок в носик.

К этому времени Блонден превратился во внушительную белку и вполне мог постоять за себя сам. И лишь одно обстоятельство угрожало его жизни на воле, — к несчастью, он оказался не редкой красной белкой, на что намекала его рыжая шерстка, когда мы его нашли, а вырос в великолепную серую и, значит, стал бы мишенью для первого встречного охотника.

Мы не знали, как поступить. Он был таким умирительно ручным, что нам совсем не хотелось расставаться с ним, а тот факт, что на воле он легко мог попасть под выстрел, был достаточным основанием, чтобы оставить его у себя. С другой стороны, казалось бессердечным лишать его жизни, для которой он был рожден. Если его и застрелят, он ведь заранее ничего знать не будет, а прежде проживет всю —

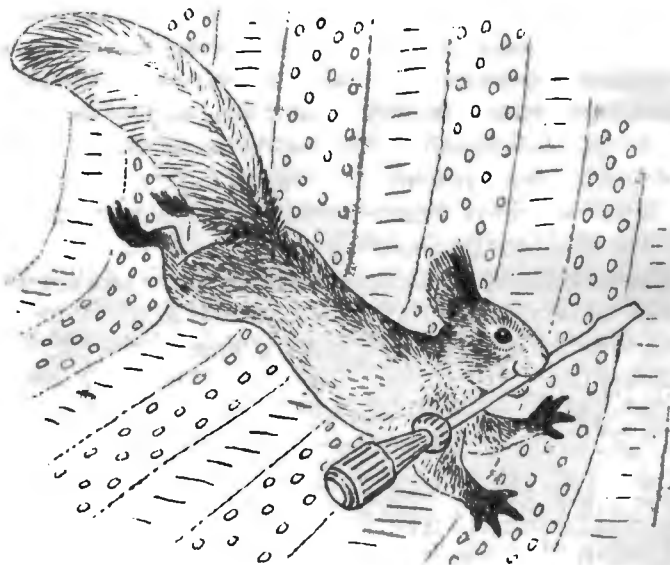
налазится досыта по гнушимся под ветром деревьям, а может, найдет себе подругу и сам соорудит гнездо в дупле.

Наконец мы решили пойти на компромисс: выпустить его, но не в родном лесу, а возле фермы, где мы тогда жили, — в надежде, что будем его иногда видеть, а поскольку в округе его все знали, то и рокового выстрела он сможет избегать достаточно долгое время.

И вот в июле, выбрав ясное теплое утро, мы отнесли его в конец сада и осторожно посадили на дерево. Несколько секунд он весело обнюхивался, топорща усы от любопытства, а распушенный хвост так и трепетал от возбуждения. Затем молнией взлетел на верхние ветки, бегал по ним вверх и вниз, пока совсем не запыхался и не улегся на сук передохнуть.

Мы грустно следили за ним, ожидая, когда он переберется за ограду на высокие деревья и навсегда исчезнет из нашей жизни. Но Блонден продолжал резвиться на ветках первого в своей жизни дерева, а потом его напугала ворона, которая пролетела у него над головой, деловито взмахивая крыльями. Тут его с дерева как ветром сдуло. Он промчался через лужайку и притаился за кухонной дверью, прежде чем мы успели сообразить, что произошло. Быть дикой белкой ему не по вкусу, сообщил он нам, стуча зубами, когда мы внесли его в дом и поставили чайник на плиту. Мы ему нравимся... и чай нравится... и сидеть в кармане Чарльза, и спать в гардеробе. И, радостно поглядывая на нас над самым большим грецким орехом, какой нам удалось найти, он возвестил, что останется с нами Навсегда-Навсегда!

Глава пятая

ИСТОРИЯ БЕЛКИ

Блонден — порой мы приписывали это воздействию коньяка — идеальной белкой не был. Он швырял на ковры ореховые скорлупки и помидорные шкурки. Он был упрям и самоволен. Если, например, он прицеливался провести вечерок в кармане у Чарльза, а Чарльз этого не хотел, Блонден неизменно свирепел и угрожал укусить. Вереща от ярости, отчаянно царапаясь коготками, он утихомиривался, только когда уютно устраивался в кармане Чарльза, свесив хвост наружу, — видимо, в качестве чего-то вроде радара.

На мне он облюбовал другое местечко. Особенно он любил, чтобы я надевала свитер. Тогда он устраивался у меня за шиворотом, высунув мордочку из-за ворота. Я стряпала, я убирала дом, я шла открывать дверь, а Блонден весело озирался над краем ворота, придавая мне сходство с двухголовой гидрой. И забирался он туда, как утверждала моя бабушка, вовсе не из любви ко мне, а просто хотел быть в курсе всего происходящего.

Да, Блонден всегда старался быть в курсе всего-всего. Едва научившись лазить, он выбрал себе в спальне полку в гардеробе с носками Чарльза. На их стопке он и спал всю ночь напролет. В уюте, в тепле, в безопасности от врагов — так спокойно, что, проснувшись ночью и прислушавшись, мы различали тихий, но четкий храп, доносившийся со стороны гардероба. Однако едва занималась заря, как Блонден просыпался и входил в курс. Прыгал по кровати, совал нос в ящики, смотрел в окно на птиц, а в заключение усаживался на гардеробе, задорно осеняя голову хвостом — оттуда он мог сразу заметить, когда мы проснемся.

На этой дозорной вышке замышлялось множество проказ. Он сидел там в то утро, когда Чарльз посмотрел на свои часы и, вместо того чтобы надеть их на руку и начать одеваться, сунул под подушку и снова уснул. В то утро мы проспали и так торопились, что Чарльз забыл про часы. И вспомнил про них только за завтраком, когда мы вдруг заметили, что Блонден не несет обычного дежурства возле чайника, — но было уже поздно. Бросившись наверх, мы обнаружили, что Блонден забрался с часами под кровать и грызет их, чтобы добраться до тикалки.

Он нес дозор и в тот день, когда Чарльз привез от портного свой новый костюм. Со своей вышки Блонден, наклонив голову и изогнув хвост вопросительным знаком, с интересом следил, как Чарльз примеряет костюм. С интересом он следил и за тем, как Чарльз повесил пиджак и брюки на вешалку и убрал в гардероб. Мы заметили, что в этот вечер он отправился спать раньше обычного, но не встревожились. Он, если уставал, часто забирался в гардероб прежде, чем ложились мы. И правда, когда мы поднялись в спальню, он уже крепко спал и из стопки носков доносился тоненький храп, точно жужжание мухи.

Только утром, когда Чарльз сказал, что погода чудная и он, пожалуй, наденет новый костюм, нам стало ясно, почему накануне наш лесной сиротинушка так переутомился. Он не только лишил всех пуговиц новый костюм, что Чарльз обнаружил, когда попытался застегнуть брю-

ки, но, упиваясь успехом, заодно отгрыз пуговицы и с остальных его костюмов.

В этот момент можно было не спрашивать, кому принадлежит Блонден. Он был всецело моим. Нашкодив, он всегда становился всецело моим. Например, когда опрокинул пузырек с чернилами и прошелся походкой Чаплина по только что выглаженной рубашке, оставив вихляющийся след, он был моим, моим, исключительно моим. Просто чудо, что нас не отправили вместе в зоопарк.

Он был моим и в тот день, когда Чарльз запер гардероб, чтобы оберечь свои костюмы, а Блонден, исполненный такой же решимости забраться внутрь, выгрыз порядочный кусок дверцы. Меня в тот час не было дома, но, когда я вернулась, меня приветствовала моя, моя белочка, негодующе стрекоча на гардеробе. Моя белка, сообщил мне Чарльз, тщетно пытаюсь приладить шепки на прежнее место, и если она не желает вести себя прилично, пусть убирается на Все Четыре Стороны.

Обычно же он, естественно, был белкой Чарльза и убирался бы куда-нибудь только через его труп. Суть дела менялась от обстоятельств. Когда он изгрыз не часы Чарльза, а мою сумочку, оставив аккуратную круглую дырку, через которую добрался до авторучки, это не было злокозненной порчей нужной вещи. Чарльз указал, что налицо пример его смышленности: он заметил, куда я спрятала ручку, и из природной любознательности измыслил способ достать ее оттуда.

Да, в смышленности ему никак нельзя было отказать. Хотя подобрали его совсем малышом, когда он еще не мог ничему научиться от других белок, он инстинктивно понял, что лето близится к концу и пора запастись орехи на зиму. Склад он устроил под каминным ковриком и просто сводил нас с ума манерой, едва припрятав орехи и разгладив коврик для камуфляжа, в припадке подозрения вновь их выкапывать и вертеть в лапках, проверяя, все ли они целы и невредимы.

Собственно, последним мы были обязаны Чарльзу, а не инстинкту. Чарльз тоже любил орехи, и однажды Блонден застиг его в тот миг, когда он расколол отличный

грецкий орех, который нашел за подушкой кресла. Неве-
рящими глазами Блонден следил за тем, как Чарльз очис-
тил от скорлупы и съел орех — его собственный орех! — а
ему даже кусочка не уделил. Растерянно он обследовал
скорлупки, прежде чем убедился, что Чарльз, его друг,
оказался способен на такое предательство. Ну и, значит,
Чарльз сам был виноват в том, что в какую бы комнату он
ни заходил, по пятам за ним следовала белка, которая
бдительно высматривала, не прикоснется ли он к подуш-
ке, а стоило ему приблизиться к каминному коврику, она
как бешеная патрулировала свой склад, угрожая укусить,
если он посмеет хоть чуть-чуть пошевелить ногой.

И еще Блонден знал все, что требуется для того, чтобы
соорудить гнездо. В то время у нас был раскладной диван,
на который мы иногда укладывали спать какого-нибудь
гостя, и Блонден, когда ему хотелось вздремнуть, не тру-
дясь подниматься наверх, часто на час-другой исчезал
внутри дивана через личный ход, который устроил для се-
бя в спинке. Потом, заметив в один прекрасный день, что
он волочит по полу салфетку и с большим трудом запихи-
вает ее в спинку, мы разложили диван и нашли носок, ма-
ленькую отвертку, десяток бумажных носовых платков,
которые он стащил из пачки в ящике, и добрые полфунта
орехов. Из носка, бумажных платков и салфетки было
устроено очень уютное гнездышко, в котором он и сидел
(довольно смущенно), когда мы вскрыли его убежище.
Орехи, несомненно, были стратегические запасы на слу-
чай осады. Отвертка... мы несколько дней тщетно ее ра-
зыскивали, и Чарльз сказал, что не может понять, почему
Блонден на нее позарился. Я-то понимала — чтобы защи-
щаться, если Чарльз покусится на орехи.

Примерно тогда мы купили коттедж. Не из-за Блонде-
на — мы подыскивали что-нибудь подходящее еще до его
появления на свет, но, как сказал Чарльз, вышло очень
удачно, что мы нашли коттедж именно в ту неделю, когда
он объел бегонии фермерши. Ее, во всяком случае, это
немножко утешило.

Да и мы ощутили облегчение. К этому времени Блонден энергией мог бы потягаться с лошадью, а зубы у него были как электрические дрели.

Ну, теперь, говорили мы, спускаясь с холма к нашему новому дому с Блонденом в птичьей клетке на заднем сиденье, мы будем вести жизнь, о какой давно мечтали. Работать в саду и огороде, приглашать друзей, знакомиться с соседями — постепенно, выборочно...

Боюсь, знакомства состоялись далеко не так постепенно и выборочно, как мы предполагали. В первый же наш вечер там мы устроили для них незабываемый спектакль.

Все началось с того, что я решила принять ванну и повернула оба крана одновременно. Как потом сказал Чарльз, кто угодно сделал бы то же, но только у нас в результате заклинило поплавковый клапан в цистерне — и вода из нее хлынула во двор.

Далее, Чарльз, обеспокоенный количеством воды, плещущей во двор, испугался, не случится ли что-нибудь с котлом. Незнакомый дом, сказал он, система, в которой мы не разбираемся... Только Богу известно расположение труб в доме такой старой постройки. Он решил, что благоразумие требует погасить огонь в топке.

И мы занялись этим. Потому-то наш первый вечер в мирной деревенской обители и завершился сценой, достойной «Фауста». Вода Ниагарой низвергалась во двор. Мы с Чарльзом поочередно выходили из задней двери с ведерками раскаленных углей, которые под ветром тут же вспыхивали эффектным пламенем. Кульминационные моменты, когда — без всякой причины, насколько могли судить зрители — мы подставляли ведра под струю, подпихивая их совком, и угли с шипением угасали в облаках пара.

Естественно, никто не вмешивался. Два-три автомобиля, проезжавшие мимо по дороге, резко притормаживали, но затем уносились дальше в соответствии с кодексом благовоспитанных англичан.

Отдельные замечания доносились до нас лишь от калитки, где благоговейно столпились зрители, возвращавшиеся из «Розы и Короны» и теперь делившие свое вни-

мание между нашим представлением и крупной белкой, которая напряженно следила за происходящим из кухонного окна. Вернее, одно-единственное замечание, произнесенное благоговейным голосом. Голос этот принадлежал старику Адамсу, но мы с ним еще не были знакомы. «Господи Боже ты мой!» — сказал тогда еще неведомый голос.

Водопад в конце концов иссяк, когда мы взобрались на крышу и привели клапан в порядок. Но вот разговоры, конечно, еще долго не иссякали, и тут мы ничего сделать не могли. На ферме нас хотя бы успели узнать до того, как мы обзавелись Блонденом, а когда он появился, всем на деревенский лад тут же стало известно, по какой причине. А здесь знали только, что мы приехали с белкой в птичьей клетке, что вечером того же дня творили на заднем дворе черт-те что и, значит, мы сумасшедшие, это ясно. Нам потребовалось долгое, очень долгое время, чтобы заставить их изменить мнение — если мы вообще это сумели.

Разумеется, одной из причин был сам Блонден. Мы уже так к нему привыкли, что перестали обращать внимание на его выходки — только со всех ног мчались на звук, едва он начинал грызть мебель. А другие люди — даже те, кто слышал о нем, не были такими белкоустойчивыми.

Сидни, когда начал работать у нас, страшно нервничал, явно ожидая, что мы вот-вот затеем военную пляску вокруг ведерка с тлеющими углями, и чуть не хлопнулся в обморок, когда Блонден прошмыгнул через его резиновые сапоги с отверткой в зубах. Женщина, которая зашла к нам за пожертвованием на благотворительные цели и за мирной чашечкой чая поведала, что у нее в саду тоже живет белочка, которая объела всю желтофиоль, тем не менее чуть позеленела, когда нагнулась за своей сумочкой и обнаружила хвост нашей белочки, которая деловито копалась в содержимом.

Даже самый мужественный гость — тот, кто, ужиная у нас, разрешил Блондену примоститься у него на животе (за время службы в колониях он и не к такому приспособлялся!), казалось, несколько расстроился, когда за пояс брюк ему засунули орех и категорически не разрешили

извлечь его оттуда. «Сюда Чарльз за ним не доберется», — объяснил Блонден, шурясь на орех и заботливо заталкивая его поглубже. В конце концов мы забрали орех, попросив нашего гостя встать и встряхнуться — Блонден, протестуяще вереща, висел у него на животе. Тем не менее вечер был испорчен. И больше мы этого гостя не видели.

Когда после серии подобных происшествий мы как-то вечером вернулись домой и обнаружили, что Блонден исчез, это никого не взволновало.

«Убежал назад в лес», — говорили они, когда мы рассказывали, что он прогрыз дыру внизу кухонной двери и протиснулся наружу. «Больше его не увидите», — вынес приговор лесник, когда мы попросили его, если он заметит во время обхода белку, не стрелять в нее, а прежде проверить, не ручная ли она.

Мы решили, что он прав. Блонден теперь совсем не походил на бельчонка, которого напугала ворона. Крепкий, сильный, вполне способный защитить себя... Ну и естественно, что он захотел вернуться в лес.

И, по совести говоря, мы не попытались бы помешать ему. Оставалось только убрать его орехи и трогательный недоеденный кусок яблока с каминной полки да пожелать ему всего самого лучшего.

«Странно, правда, как мы зацепились за такую фиговую», — сказал Чарльз, когда мы вечером смотрели на дождь за окном и думали, как он там. Но еще более странным оказалось то, что и Блонден как будто зацепился за нас. Два дня спустя, когда мы вернулись с работы домой, он ждал нас в кресле, смущенно поглядывая из-под хвоста. Самовольный светло-рыжий комочек меха захотел вернуться к нам, хотя в это время в лесу было полно зрелых орехов и на мили вокруг росло больше деревьев, чем могла бы излазить самая честолюбивая белка.

Может быть, это была привязанность к нам. А может быть, наш искатель приключений просто не выдержал двух ночей в лесу, где вокруг раздавались всякие незнакомые звуки и не было грелки, а главное — чая. Но как бы то ни было, больше он нас не покидал. Два года после этого,

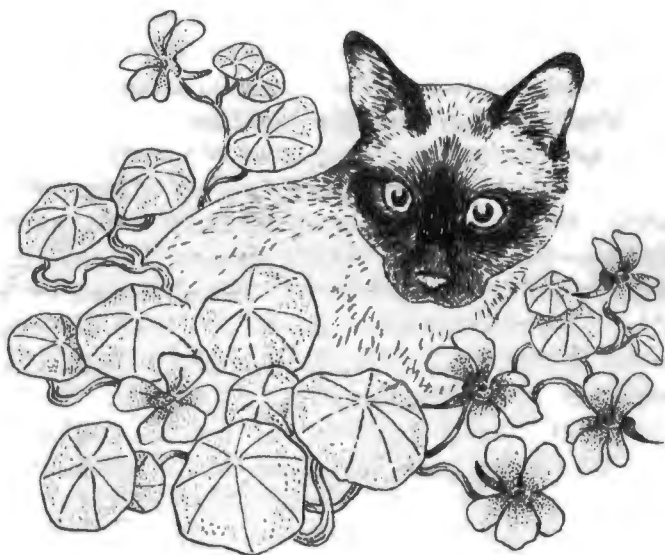
куда бы мы ни посмотрели, он — если, конечно, не спал — качался на занавесках, грыз мебель, с надеждой заглядывал в носик чайника.

Потом он умер — в холодное дождливое осеннее утро. От простуды.

Несколько недель мы оплакивали его, забыв все бесчинства, вспоминая только, как весело мы проводили время вместе. И попытались завести другую белку. Но в зоомагазинах их не было, а в зоопарке, куда мы обратились, нам сказали, что на белок у них запись и очередь очень длинная.

Вот почему, стосковавшись по звону бьющейся посуды, затравленные мышами, которые разыскивали его запасы орехов, и — как сказал Чарльз — находясь в помрачении ума, мы обзавелись сиамскими кошками.

Глава шестая

ЗЛОКЛЮЧЕНИЯ СИДНИ

Соломон и Шеба прожили с нами четыре года, и, как выразился Сидни, скучать они нам не давали.

Что относилось и к самому Сидни. Всяческие его неприятности не раз подчиняли себе нашу жизнь, почти как сиамские кошки. Чуть ли не с той минуты, как он начал работать у нас, мы оказывались втянутыми то в одно, то в другое.

Взять для примера тот случай, когда он поехал на мотоцикле без прав и был пойман. Тут мы ничем помочь не могли. Он и сам говорил, что полицейский к нему придрался не зря. Его приятель Рон предложил ему опробовать свою новую машину. Сидни, оглядевшись и нигде не обнаружив Макнаба, полицейского, вскочил в седло и опробовал мотоцикл на подъеме; и тут Макнаб (цитируя Сидни) выскочил из-за телефонной будки, как чертов гоблин. Ну и все тут: два фунта штрафа и лишение прав на год.

Беда заключалась в том — и вот тут на сцену вышли мы, — что Сидни как раз начал ухаживать за девушкой, которая жила в десяти милях от нашей деревни. Она была в самый раз, сообщил он нам после первого свидания, и дальнейшее выглядело таким многообещающим, что он решил обзавестись мотоциклом и потому-то взял на пробу мотоцикл Рона. А теперь, спросил он на другой день после своего появления в суде, в каком он положении? В положении он, строго говоря, был наклонном, поскольку вот уже полчаса опирался на нашу косилку, меланхолично втолковывая нам, что и у нас десятимильная поездочка на велике отобьет охоту нежничать.

Мы помогли ему преодолеть этот маленький кризис, на что он, без сомнения, и рассчитывал: в вечера свиданий отвозили его в Бэкстон в своей машине. Однако наша готовность помогать Сидни имела пределы, и возвращаться домой он должен был собственными силами. И был вечер, когда, увы, он туда даже не попал. Милая старушка, знавшая его с пеленок, сказала, что едет в Бэкстон, ну, и подвезет на этот раз Сидни. А у старой дуры, когда она за ним заехала, на переднем сиденье торчал огромный псина, сообщил Сидни на следующее утро, а ручку задней дверцы заело, и пока он ее дергал, старушка неожиданно сказала: «Ну, устраивайся поудобнее» — и укатила.

Она была глуха, и то, что ответа Сидни не услышала, ее не смутило. А машину вела, приклеившись носом к ветровому стеклу — как чертов Лот, сказал Сидни, от негодования путая библейские персонажи, и заметила, что его с ней нет, только когда остановилась на площади в Бэкстоне. И, по ее словам, насмерть перепугалась, решив, что бедненький Сидни вывалился по дороге. Но ее чувства не шли ни в какие сравнения с терзаниями Сидни, когда он представлял себе, как Мэг ждала на условленном месте, а он не явился, и (в этот момент его излияний косилка въехала в пионы) она вдруг пошла прогуляться с другим парнем.

Но Мэг ни с кем другим не пошла. Сидни обладал куда большим роковым обаянием, чем могло прийти в голову при взгляде на него. Со временем он женился на ней, торжествуя, совершил свадебное путешествие (штрафной год уже истек) на новехоньком мотоцикле и стал отцом близнецов.

Но даже это не пробудило в нем беззаботной веселости. Он все еще переживал по любому поводу. Он страшно переживал, когда священник поймал его за пилкой дров для нас в воскресное утро (Сидни спрятался в сарае, едва завидел его, но вопреки такой предосторожности священник подошел к двери, чтобы спросить, как поживают близнецы). Как пить дать, проводник на небеса занес его в свою черную книжечку, сказал он, мрачно борясь со своей совестью после этого происшествия. Не помогли и наши заверения, что священник придерживается широких взглядов, что он судит людей по их нравственным устоям и не придерется к тому, что он трудился в день Господень. Сидни знал обязанности духовных пастырей и стал переживать еще больше. Священник такого спускать не должен, объявил он.

Он переживал, когда близнецы не давали ему спать по ночам. Сколько времени, спрашивал он (и глаза у него были круглыми, как у панды), может человек прожить без сна? Он переживал, когда решил, что начинает лысеть. Собственно говоря, соломенная шевелюра Сидни никогда густотой не отличалась, но стоило ему убедить себя, будто она редееет, и его переживаниям конца не было. В тот день, когда он явился, прилизав волосы утром с помощью воды — чтобы посмотреть, какой у него будет вид, у лысого, объяснил он, — нам пришлось дать ему стаканчик хереса для укрепления нервов.

Эпичность данный случай обрел потому, что, к несчастью, все, кто успевал услышать про волосы Сидни, засыпали его советами. «Вишневая настойка!» — рекомендовал один, и на другой день от головы Сидни разило сильнее, чем от всех посетителей «Розы и Короны», взятых вместе. «Керосин!» — рекомендовал другой, знако-

мый с лудильщиком, который всякий раз, когда имел дело с керосином, вытирал руки о волосы, и они у него были ну прямо как у ребенка. И долгое время мы береглись зажигать спички вблизи от Сидни. «Гусиный жир!» — посоветовал кто-то еще, после чего Шеба объявила, что больше не любит Сидни, а Соломон, кружа по кухне как миноискатель, сказал, что, по его мнению, у нас здесь полно дохлых мышей.

Потом эта мания была забыта, как и прочие переживания Сидни. Но пока он боролся с облысением, жизнь заметно усложнялась. Затем он ударился в совсем другую крайность. «Мэг хочет меховое манто», — сообщил он. Видела в журнале — девица в манто занимается покупками, ну и подумала, что для поездок в город ей бы такое в самый раз. Сидни, потев от одной мысли о манто, испробовал дипломатическую тактику. Сказал, что в коляске мотоцикла у нее в манто вид будет дурацкий, но она даже глазом не моргнула. Оставлял у нас свою газету в те дни, когда в ней рекламировались меха, а Мэг шла к соседке и брала у нее газету почитать. Что, спросил он, по-нашему, ему теперь делать? И Шеба торопливо удалилась в сад вместе со своим манто — от греха подальше.

На этот раз выход он нашел сам. Мы глазам не поверили, когда в следующий понедельник он лихо скатился с холма на велосипеде, насвистывая, сдвинув кепку на затылок и забросив ноги на руль.

— Купил Мэг манто в субботу, — объявил он, вваливаясь на кухню и ликующе потирая руки.

— Где? — спросили мы хором, не осмеливаясь вообразить, что услышим в ответ.

— На дешевой распродаже, — сказал он, с небрежным видом сделал последнюю затяжку, выбросил сигарету в открытую дверь и взял кружку с какао. — Отхватил, какое поискать, за десять шиллингов.

Переживать приходилось не одному Сидни. Например, старику Адамсу нагорело от супруги из-за промашки с нашими кошками. Миссис Адамс отличалась большой чопорностью. И все должно было быть как у людей, со-

гласно с деревенскими понятиями. Когда приходили гости выпить чаю — салфеточки под кексами, салфеточки под вазами с цветами, изящные хромированные ложечки для фруктов — к большой досаде старика Адамса, который имел обыкновение спрашивать, что это, черт дери, за штукавина и чем плоха его ложка? Она всегда искала случая улучшить манеры старика Адамса, и поэтому-то ее так обрадовало появление джентльмена в безупречном охотничьем костюме.

Мы в тот момент опирались на калитку и неторопливо обсуждали с Адамсами перспективы ужина в честь урожая. И когда видение в темно-розовой охотничьей куртке и шегольских белых брюках мелкой рысью приблизилось к нам по дороге и не только остановилось, но и приподняло цилиндр, миссис Адамс чуть не помешалась от гордости. Он спросил о Соломоне и Шебе — читал о них, видел по телевизору... Продолжать не имело смысла: при упоминании их имен Соломон и Шеба возникли будто по мановению волшебной палочки. Ненавязчиво — ведь мы были заняты своим разговором. Просто перешли бок о бок дорогу — чтобы никто не подумал, будто они выставляют себя напоказ, — причем спиной к нам, сосредоточенно задрав хвосты, внимательно изучая что-то под изгородью.

— Соломон и Шеба, — кивнул на них Чарльз, полагая, что нашему новому знакомому, возможно, хочется их увидеть.

— Так-так-так! — произнес тот, с восхищением оглядывая их тылы. — Соломон и Шеба! Милые парнишки собственной персоной!

Дернуло же его назвать их парнишками. Старик Адамс, деревенский житель с семидесятилетним стажем, был потрясен таким невежеством охотника.

— Ты что — их с задy различить не можешь? — спросил он.

«Как, — спросил старик Адамс, когда охотник уехал, а миссис Адамс в чопорном негодовании удалилась по дороге в другую сторону, — как ему теперь с хозяйкой поми-

риться?» Я не знала. Мне хватало своих неприятностей: Чарльз снова занялся ручным трудом.

Вдохновленный статьей в журнале типа «Сделай сам», он начал ремонтировать кухню. А когда отремонтировал ее наполовину, вдохновился другой статьей и начал мостить двор, а мне оставив три розовые стены, одну грязно-кремовую и пять дверец от стенных шкафов, которые он снял, чтобы покрасить, и прислонил к стене, чтобы кошки могли поиграть в лабиринт.

Даже это было не так уж скверно — двором давно следовало заняться, а Сидни обещал помочь ему, и вдвоем, если повезет, они могли бы управиться за месяц. Но, к несчастью, Чарльз решил, что делать — так уж делать, и без дренажной системы никак не обойтись. Самой простой U-образной системы, сказал он: водосточные трубы укладываются под землей от углов коттеджа и сходятся в поглопительном колодце у задней калитки. И вот тут-то Сидни подал в отставку. Дворы — это ладно, буркнул он, но ему бы хотелось дотянуть до пенсии, и о близнецах позаботиться надо. Никаких поглопительных колодцев он для нас копать не станет.

Ну и Чарльз бесстрашно взялся за дело один. И отлично со всем справлялся. Две почти профессионально выкопанные канавы сходились к центру и засыпались по мере того, как он мостил двор, так ровно и гладко, как мог обеспечить спиртовой уровень. И работа продвигалась прямо у нас на глазах. Он уже миновал бочку под водосточной трубой, как вдруг его ошеломила мысль, что приближается время сажать деревья, а участок под плодовые саженцы, которые он заказал в веселые беззаботные летние деньки, еще не подготовлен.

— Потрачу часок на это, а потом начну копать ямы, — объявил он как-то утром, напрактикованным движением взмахивая киркой. И слово свое сдержал. Часок спустя оставив за собой еще четыре фута канавы с уложенной трубой, но не засыпав ее, поскольку отведенное на это время истекло, Чарльз отправился копать ямы под саженцы на склоне холма. К несчастью, земля там довольно-таки каменистая, и отыскать слой почвы, достаточный для

плодового дерева, не так-то просто. Неделью спустя, когда пришла открытка с сообщением, что саженцы готовы, и спрашивали, какого числа их доставить, Чарльз все еще лихорадочно копал на фоне неба.

Кухня осталась незавершенной. Как-то вечером, когда мы ждали гостей, он выбрал время навесить дверцы на шкафы. Но, к сожалению, не завинтил винты в петлях — какой смысл, сказал он, когда дверцы придется снова снимать для покраски? — а просто воткнул их в отверстия. Занимая гостей, я забыла про это обстоятельство и, исполненная радушия, полезла в шкаф за кофейными чашками. Чертова дверца чуть не раскроила мне лоб.

Несмотря на мои дурные предчувствия, канава осталась незасыпанной. Главное — посадить деревья, сказал Чарльз, а двором он может заняться и зимой. Да и в такую узкую ямку способен провалиться только идиот, возразил он на мое робкое предложение хотя бы накрыть ее доской во избежание несчастного случая.

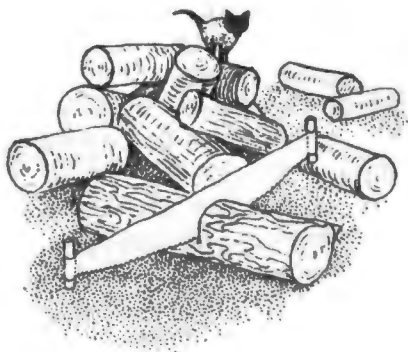
На следующий же вечер он, торопливо влетев в калитку, угодил в узкую яму сам. Соседи всякий раз едва-едва не ломали ноги — и опасность учетверилась, когда со временем настурции замаскировали ловушку. Соломон падал в нее практический каждый день, гоняясь за Шебой по саду для разминки.

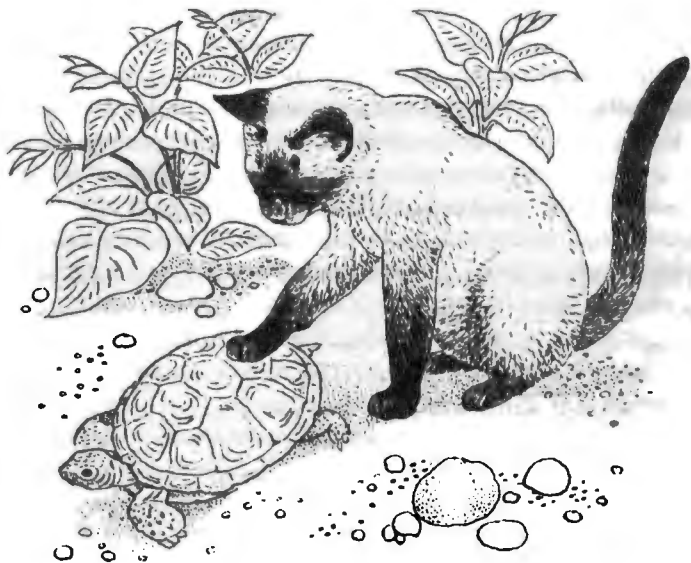
Это, разумеется, было забавно. И проделывалось нарочно, судя по тому, как секунду спустя его большая темная голова выглядывала из настурций явно в ожидании одобрительного смеха.

Но было совсем не смешно, когда однажды вечером мы услышали треск и отчаянный вопль, а выбежав, обнаружили в канаве булочника. Но не нашего постоянного, приятного толстячка, который умел находить дорогу среди настурций, страдал мозолями и имел троих детей, а весьма недружелюбного субъекта, который, когда мы помогли ему выбраться из канавы, сообщил нам, что уже обслужил всех своих постоянных клиентов, а теперь вот в нашем конце деревни подменяет своего партнера, который приболел. А чего, собственно, мы затеяли, спросил он грозно, когда мы его почистили и вручили ему обро-

ненную корзину. Слонов ловим или хотели, чтобы он шею сломал?

На следующее утро еще до завтрака Чарльз засыпал канаву, ни словом не обмолвившись о плодовых деревьях. Однако он объявил, что поглотительный колодец придется отложить до весны, на что старик Адамс, который задумчиво поглядывал на него, облокотившись о калитку, сказал, что оно и к лучшему, не то кто-нибудь да провалился бы в него, пока суд да дело.

Глава седьмая
В ИСПАНИЮ!

Надо бы, сказал Чарльз, что-то сделать с этими кошками. Говорил он это постоянно. Прекрасный способ переменить тему, особенно в моменты, когда в воздухе витал намек, что не мешало бы и с Чарльзом что-то сделать.

Как в то самое утро, когда он отодвинул ногой бутылку уксуса, чтобы она не мешала ему ошкуривать стену в кухне, опрокинул ее и разбил. С быстротой, рожденной богатым опытом (Чарльз за свою жизнь много чего перебил), он тут же запер кухонную дверь. С быстротой, также рожденной богатым опытом, я тихонечко обежала дом и проникла через заднюю дверь, которую он не озаботился запереть. Ну и, конечно, Чарльз брезгливо гонял тряпку носком ноги в море уксуса.

И даже бровью не повел, когда его застукали. Сказал только, ловко протягивая мне намокшую тряпку, которую подцепил ботинком, что ему требуется другая, сухая. Даже когда, пылая яростью, я выжала тряпку и сама начала

вытирать пол, он сохранил полную невозмутимость. Удивительно, как уксус освежает плитку, верно? Говоря это, он восхищенно следил за тряпкой в моих руках. Нет, честное слово, мы сделали настоящее открытие!

А перед тем мы сделали открытие, касавшееся Соломона, чем и объяснялась вступительная фраза Чарльза о кошках. В тот момент снаружи нашей садовой ограды был припаркован автомобиль и сидевшие в нем люди завороченно любовались Соломоном, который соло исполнял сложный балет на лужайке. Он прыгал, он скакал, он принимал всяческие позы, иногда исполняя добавочную вариацию — ни с того ни с сего ложился на траву и засовывал лапу в лунку для мини-гольфа.

— Как он хорошо пляшет, правда, мамуля? — произнес тоненький дискант после особенно грациозного пируэта. На что мамуля ответила — печально, так как, видимо, любила кошек, — что бедняжка, наверное, нездоров.

Соломон чувствовал себя прекрасно. Он просто торжествовал победу над мышью. Зрители ее не видели по той причине, что величиной она была немногим больше горошины — ведь он поймал ее самолично. Одна из немногих, пойманных им за всю жизнь, и, увы, по величине — предел его возможностей. Итак, он целое утро просидел на кротовом холмике посреди соседнего луга, гипнотически уставившись на пучок травы, который укрывал, как мы поняли, бедную мышку, у которой оставалась лишь альтернатива: либо покинуть убежище, либо умереть голодной смертью. И скорее всего, новоявленный Свенгали просто хлопнулся на нее всей тяжестью и расплющил в лепешку.

Ну да Соломона это не смущало: он бахвалился, если ему удавалось поймать хотя бы ночную бабочку. И бахвалился, даже вовсе ничего не поймав.

Последнее время он завел привычку охотиться под ежевичной живой изгородью у дороги. Будучи Соломоном, он, естественно, порывался обследовать самые недоступные места, и, будучи слабохарактерной тряпкой, когда дело касалось его, я, естественно, всячески ему в этом способствовала. Вновь и вновь прохожие лицезрели меня в тот момент, когда я поднимала ежевичные плети повы-

ше, пока он осматривал норку под ними и либо запускал в нее лапу, либо — зрелище еще более внушительное — усаживался перед ней в настороженной позе, выжидая появления добычи. Вновь и вновь люди останавливались поглядеть — ведь он, я и приподнятые ежевичные плети свидетельствовали, что из норки вот-вот вылезет что-то внушительное. И вновь и вновь, собрав почтенную публику, продержав ее в напряжении целую вечность, Соломон вставал, потягивался и удалялся небрежной походкой.

Кто, спрашивается, тогда смущенно опускал голову, кто выпускал плети, словно они внезапно раскалились, и, невнятно пробормотав что-то про прекрасную погоду, ускользал в калитку, ежась от неловкости? Только не Соломон! «Просто сегодня не нашлось ничего достаточно крупного, — величественно заверял он их с садовой ограды. — Даже змеи длиннее трех футов. Приезжайте завтра, посмотрите, что мы поймает тогда!»

И Шеба была ничуть не лучше. Она изобрела чрезвычайно эффективный способ ставить нас на место. Всякий раз, когда мы не выпускали ее, или не подавали ей ужин вовремя, или она просто чувствовала, что с нее хватит, наша сиямочка садилась перед нами, испепеляла нас взглядом и вздыхала. Такой же вздох испускала моя математичка, едва взглянув на мое домашнее задание по геометрии, и мне был понятен его смысл. Но, вырываясь из груди сиямской кошки, он действовал на меня еще более угнетающе.

Добавьте к этому, что Шеба теперь, когда ее выпускали, не возвращалась на зов. Одно мое слово — или даже Чарльза, которому она обычно подчинялась с покорностью восточной рабыни, — и она галопом уносились по дороге.

Целью ее были соседские клубничные грядки на склоне холма. Их хозяин — как она, несомненно, знала, поскольку добиралась до его участка мимо других клубничных грядок ничуть не хуже — был единственным в деревне, кто не желал, чтобы я вторгалась на его землю за кошками. Остальные придерживались иной точки зрения: мне позволялось забирать эдаких-разэдаких любым способом, каким захочу, лишь бы поскорее.

Ну, и если Шеба достигала своего неприкосновенного убежища первой, она мирно там посиживала — мы выкрикивали угрозы с дороги, а она добродушно вопила в ответ. Рано или поздно кто-нибудь появлялся на дороге, останавливался и спрашивал, почему бы нам не сходить туда и не забрать милую кошечку, вместо того чтобы кричать на нее. Но стоило нам сделать такую попытку, как, точно чертик из коробки, появлялся старик и орал — еще шаг к его клубнике, и он подает в суд! А Шеба тем временем, добившись своего и ввергнув всю округу в хаос, незаметно покидала сцену и возвращалась домой.

Да с этими кошками, бесспорно, надо было что-то сделать, но вот вопрос — что?

Некто посоветовал обзавестись еще котенком. Это, сказал он, их обескуражит и научит знать свое место. Мы ответили (даже не подозревая, что судьба готовила нам), что еще не настолько сошли с ума. Слишком свежо было воспоминание о том, чему мы подвергались, пока подрастала наша парочка, да и вдобавок знали немало примеров того, чему подвергались владельцы котят.

Взять хотя бы наших друзей, хозяев Чуки. Мы сами предостерегали их, чего им ждать, если они купят сиам. Надо отдать должное и владелице матери Чуки, она их тоже честно предупредила. Когда они беседовали с ней, она сказала, что иногда не свихивается только благодаря одному способу — уходит гулять долго-долго, а когда возвращается, задает кошке хорошую трепку. Но и это не помогло — они купили котеночка. «Нужно всего лишь терпение, — утверждали они, — ну и твердость, и с такиммышленым малышом никаких хлопот не будет».

Когда мы в последний раз общались с ними, они подумывали о переезде. Он прожил у них три месяца. За этот срок он изуродовал мебель, прогрыз дыру в пуховом одеяле, чуть было не оказался погребенным в куче компоста и угодил в полицейский участок за бродяжничество. И сидел он там не в кошачьей клетке. Из нее он выбрался за один час, что твой Гудини, сказал полицейский сержант. Когда они пришли забрать его домой, в протоколе значи-

лось, что патрульная машина подобрала его на улице в час ночи, и ждал он их, торжествуя, в обычной камере.

Вдобавок их соседи слева перестали с ними разговаривать, потому что он постоянно забирался к ним и пугал младенца, а соседи справа жаловались на состояние, в которое он привел их сад. В последний раз позвонив нам по телефону, они упомянули, что ищут дом где-нибудь на Эксмурских вересковых пустошах или в глубине Сахары, где он сможет жить по-своему, не засадив их при этом в тюрьму.

Ну, а взять обычного котенка, как посоветовал кто-то — просто чтобы отдохнуть, ведь они куда более послушные, чем сиамские... у нас перед глазами был пример нашего священника. Недавно (вдохновленный, по его собственным словам, преданностью наших двух кошек) он тоже обзавелся парой. Нет, не сиамских. Когда-то Соломон упал ему на голову и так его напугал, что вдохновился он с определенными оговорками, удовлетворившись Харди, глянцеви́то-черным котиком, и его очаровательной черно-белой сестричкой Уиллис. Они просто дышали клерикальной степенностью, сидя на ограде его дома, и все шло отлично, пока в один прекрасный день он не заметил, что уши у них что-то великоваты.

Он не мог бы ужаснуться еще больше, обзаведись они рогами — и по столь же веской причине. С тех пор как Аякс, силпойнт доктора, был случен с Мими старика Адамса, он начал проявлять живой интерес к нашей долине. И теперь мы частенько видели, как он с оптимистическим видом шествует по дороге. Мими после операции его больше не привчала — в отличие от многих и многих других кошек.

Его вторжение в долину напоминало вторжение Александра Македонского в Индию, только Аякс оставлял в память о себе не белокурые волосы и греческие носы, а котят с большими ушами. И еще они наследовали явную склонность к буйному самоутверждению. Трое уже успели стать местными знаменитостями. Один, находившийся в частной собственности, съел шестерых обитателей рыбного садка; кот на почте порвал несколько переводов и съел отчетность по маркам; а кот в гараже не позволял собакам

выходить из машин. Это место принадлежит ему, заявлял он воинственно, все целиком, включая и бензоколонки, и он им покажет, если они хоть нос в дверцу высунут.

Именно для того, чтобы оберечься от таких сюрпризов, священник взял котят у фермера, который жил в трех милях дальше по долине, но и это не помогло. Аякс, сказал он, с отчаянием глядя на Харди и Уиллис, чьи уши росли буквально у нас на глазах, забирался в своих походах куда дальше, чем он предполагал. Бесспорно. Верные крови предков котята приспособлявали свое наследие к окружающей обстановке: Харди уже стошнило на грудь каноника, и его пришлось снимать с крыши церкви, а Уиллис прокусила шляпу младшего священника.

Подходило время отпуска, а мы все еще не знали, что делать с нашей парочкой. Мы уже кое-что ~~попробовали~~, и это чуть-чуть помогло. Мы купили им черепаху по кличке Тарзан, и некоторое время они сосредоточились на нем.

Так чудесно было выглянуть в окно и увидеть, как они медленно бредут по лужайке с Тарзаном, и осознать, что не нужно выслеживать их, что десять минут спустя, даже если мы уедем в город, они не окажутся на противоположном конце деревни, не будут гонять по лугу чьих-то кур. А просто продвинутся еще на несколько дюймов, сосредоточенно заглядывая ему под панцирь.

Так замечательно было обнаружить, что стоит забрать его вечером в дом — и не будет ни воплей, ни обычных стычек. Вместо того чтобы сталкивать друг друга с бюро, вместо того чтобы Соломон вопил на Шебу — как она смеет смотреть на него! — вместо всего этого они мирно усядутся под столом, точно два дружных ученых исследователя, и будут заглядывать ему под панцирь.

И было умирительно смотреть на них, когда шел дождь. Сидят бок о бок на крыльце, увлеченно наблюдают, как он ползает по траве, и по очереди высказывают под ливень, если он останавливается, дабы убедиться, что его мотор все еще под капотом, и ободряюще подтолкнуть его лапой, чтобы снова задвигался.

До того умирительно, что мы не учили одного: Тарзан все-таки не получал достаточно физических упражнений,

необходимых черепахе, и он поймал нас врасплох, когда, воспользовавшись тем, что кошки обедали, стартовал по дорожке и исчез. Отыскать нам его не удалось — даже с помощью Соломона. Не смогли мы и заменить его. В зоомагазине нам сообщили, что сезон черепах кончился.

И, пообещав себе, что на следующий год мы купим другую черепаху и посадим ее на поводок или придумаем еще что-нибудь, мы уехали в Испанию. Соломона и Шебу снова оставили в питомнике, а сами решили весь отпуск наслаждаться жизнью. И наслаждались, если не считать кое-каких накладок. Например, на пути в Биарриц я заказала пиво со льда, а официант посмотрел на меня с удивлением и принес мне пива с мороженым. А Чарльз в Сан-Себастьяне потерял рубашку, что вообще типично для наших злоключений. Мы валялись на пляже, загорали, говорили о том, какой тут покой, и почему нельзя, чтобы всегда было так, а секунду спустя приливная волна слизнула рубашку с его шезлонга и унесла в море. Тут же вокруг все взволновались, принялись кричать, а полицейский, наблюдавший за порядком на пляже, начал поигрывать дубинкой, пристально глядя на Чарльза, потому что в Испании мужчинам запрещается разгуливать без рубашек. Чарльз направился в отель, кутаясь в полотенце, а все смеялись... Не хватало только шествующих позади нас кошек, и мы почувствовали бы себя совсем как дома.

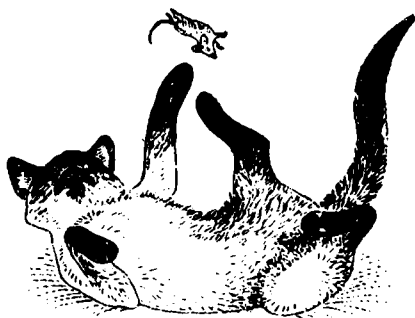
Или история с Прадо. У нас уже было два-три недоразумения с языком. Например, Чарльз встал под душ в нашем первом отеле и дернул цепочку, помеченную «калидо», как всякий нормальный человек, сказал он, полагая, что это слово связано с холодом, и чуть не подпрыгнул до потолка, на опыте убедившись, что оно означает «горячая». Например, мы решили посмотреть соревнования в пелоту и как сумасшедшие бегали перед фасадом Сантандера — для того лишь, чтобы узнать, когда было уже слишком поздно, что «форнтоне», упомянутое в афише, означало вовсе не «фронтон» или «фасад», а поле для игры.

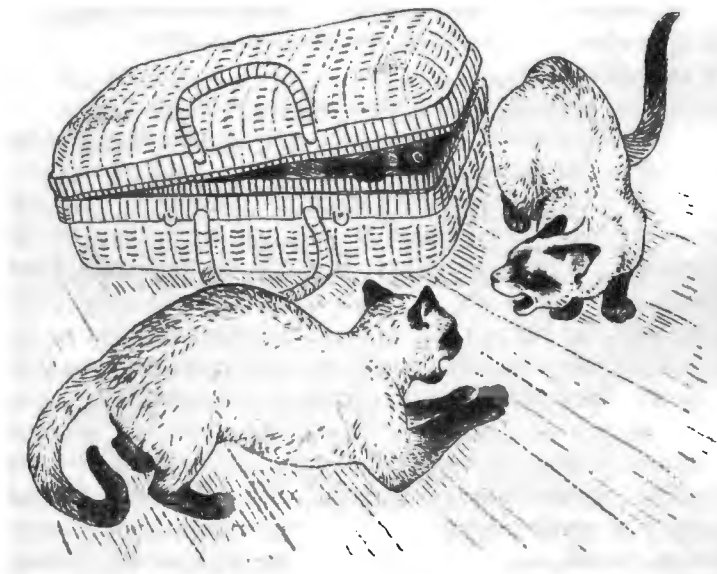
Когда мы приехали в Мадрид, от гаданий или попыток — любимое занятие Чарльза — возвести слова к их латинскому первоисточнику, — мы уже полностью отказа-

лись. И приобрели разговорник, а также карту. А потому, не слишком умея разбираться в картах городов, мы и напутали с Прадо.

Выйдя из метро на Пласа-де-ла-Сибелес, Чарльз под впечатлением окружающей величавой красоты — великолепной статуи дамы со львами, живописных ворот Алькала и таблички, гласившей «Насео дель Прадо», внезапно проникся торжественностью момента — он ведь и сам немножко художник. Он уверенно повел меня в громадное здание на углу. Розовое, в готическом стиле, где, сообщил он мне, пока мы почтительно поднимались по ступенькам, помещается самая замечательная коллекция картин во всей Европе. Он бы сразу его узнал где угодно.

Моя беда заключается в том, что я всегда ему верю. Ступая на цыпочках, не решаясь дышать в этой священной Мекке всех любителей искусства, я хотела было спросить, как пройти в зал Гойи, но тут заметила, что люди, небрежно облокачивающиеся на полированный барьер, не наводят справки о картинах. Мы вошли в мадридский почтамт, и они покупали марки.

Глава восьмая
ПОЖАР! ПОЖАР!

Едва мы вернулись из Испании, как Чарльз устроил пожар в трубе — вообще-то неплохой способ оповестить соседей, что мы снова дома. Священник сказал, что сразу это понял, едва услышал сирену пожарной машины.

Не очень-то приятно, ибо возник пожар в результате первой очистки бюро от всего лишнего, набившегося туда за многие годы. Рассортировывая почту, которая накопилась за время нашего отсутствия, Чарльз засунул ее почти всю в ячейку, а затем с натугой опустил пузатую крышку бюро, чтобы показать ему, кто тут хозяин, но едва он отвернулся, петли не выдержали, и крышка хлопнулась на пол.

— С этим, — сказал Чарльз, оглядывая лавину газет, каталогов и журналов типа «Сделай сам», которые горным водопадом рушились на пол, — с этим надо что-то сделать.

И, освеженный отпуском, он сделал что-то. Бросил пару каталогов в камин, с помощью скрепок починил

петли, запихнул все остальное под крышку, лег спать — а наутро началось. Камин не топился, но снаружи создавалось впечатление, что коттедж плывет по долине, точно океанский лайнер после команды «Полный вперед!».

В этот день мы взбудоражили всю долину. Первым на место происшествия явился почтальон, который сказал, что, бывает, загорается, и посоветовал вызвать пожарных. Затем прибыл молочник и заявил, что на нашем месте обошелся бы без пожарных. Вот его двоюродный брат вызвал — так он знает, чего они натворят, чуть дадут себе волю. Запихают шланги в трубу. Мы и оглянуться не успеваем — выломают стенку камина — проверить, не занялась ли балка. Лестницы поставят на крышу оранжереи, которую мы только что пристроили к коттеджу, — как подумать, самое дурацкое для нее место, добавил он благодушно, оборачиваясь к Чарльзу. На нашем месте он бы сначала поручил прочистить трубу кому-нибудь из местных на случай, если горит только сажа, а уж тогда, если не поможет, вызвал бы пожарных.

А у нашей калитки уже остановился мальчишка в ковбойской шляпе, чуть не теряя брюки от неистового волнения. И наконец, спасибо молочнику, который после нас услужливо завернул к нему, — старик Адамс. С набором щеток и исполненный решимости тут же лично все погасить.

Я попыталась отговорить его — куда там! Ему тоже было что порассказать о пожарных. Не хочу же я, сурово спросил он, чтобы со мной приключилось то же, что с его сестрой Минни в Эссексе, верно? «Вызвала их, потому как у нее кероваз полыхнул, выбежала их встретить, а дверь и захлопнулась. Так прежде чем она успела предупредить их, что задняя дверь открыта, — сказал он, эффектным жестом бросая щетки в камин, — они уже похватили свои топоры и набросились на дверь, точно стадо кенгуру».

Нет, этого я не хотела. Однако я не хотела и чтобы Чарльз со стариком Адамсом чистили трубу. Но это испытание меня не минуло.

На протяжении этой операции солнечного настроения поубавилось. Старик Адамс послал Чарльза наружу взглянуть, не высунулась ли щетка из трубы — он уже навинтил

пятнадцать удлинителей; и если наша труба длиннее, так он китаец. Ну и рассердился, когда Чарльз, вернувшись, сказал, что она не просто высунулась, но поникла над крышей, как увядающий подсолнечник, а на дороге собралась толпа и смотрит на нее.

— Дурачье, — сказал старик Адамс, вытаскивая щетку как мог быстрее. — Жалко, что она не стукнула их по дурацким башкам и не вышибла им дурацкие мозги.

Ну и я не взывала от смеха, когда они с Чарльзом влезли на крышу и на всякий случай вылили в трубу пару ведер воды, предварительно аккуратно запихнув пару мешков в камин, чтобы вода не вытекла в комнату, а затем победоносно вернулись, забрали мешки, и она вытекла.

И Чарльз был просто поражен, когда я пожаловалась.

— Ради всего святого, что такое капля воды в сравнении со спасением семейного очага и дома от огня? — С этими словами он мужественно шагнул в камин и заглянул в трубу, удостоверясь, что все в порядке.

Все и было в порядке. Но два часа спустя, как только я все убрала, вычистила и взвешивала, хватит ли у меня сил пообедать, семейный очаг и дом снова загорелись.

На этот раз мы вызвали пожарных. Все свелось к тому, что сажа, накопившаяся на каком-то там выступе, была поожжена горящей бумагой. И они ограничились тем, что с помощью специального зеркала установили, где именно горит, счистили сажу особыми щетками и залили водой.

Выпив чаю и успокоив нас сообщением, что лет через пять сажа там опять накопится и, возможно, загорится, но чтобы мы не тревожились, а сразу их вызывали, пожарные удалились восвояси, оставив после себя — если сосчитать до десяти и взглянуть на вещи шире, спокойнее, практичнее — кавардак, лишь немногим превосходивший тот, что оставили после себя Чарльз и старик Адамс. Как сказал Чарльз: «Во всяком случае, мы знаем, что дымоход теперь прочищен».

После всего этого какой радостью было на другой день поехать в питомник забрать кошек.

— Добрый воздух старой Англии, — сказал Чарльз, глубоко его вдыхая, пока мы ехали туда. — Добрый ста-

рый Соломон, добрая старая Шеба! Просто замечательно, что мы едем за ними, верно?

Да, замечательно. Всегда, собираясь в отпуск, последние несколько дней мы твердили, что окончательно свихнемся, если нам придется терпеть их лишнюю минуту. Всегда, когда мы везли их в Холсток и Соломон тоскливо завывал в своей корзинке, а Шеба в своей словно бы декламировала стихи, мы говорили, что сойдем с ума, если будем вынуждены их слушать еще милую. И всегда, едва мы возвращались в пустой коттедж и видели трогательные напоминания о их жизни с нами, мы испытывали непонятную печаль.

А трогательных напоминаний хватало. Например, пятнышки на стене гостиной — сочные, в окружении мелких брызг, — где в летние вечера Соломон прихлопывал комаров. Такие же пятна в свободной комнате, где Шеба, не желая ему ни в чем уступать, сидела на двери и била комаров на потолке. Дорожка на лестнице — купленная меньше года назад, хотя по ее виду вы бы об этом никогда не догадались, после того как четыре пары счастливых лапок придали ей мохеровый облик. А в одном месте на верхней ступеньке две пары счастливых лапок (Соломона) проделали сквозную дыру. Ванна... Если бы ее чистили десять раз на дню (а иногда почти столько раз ее и чистили), все равно хранила бы цепочку следов, петляющих по краю, а дно ее больше всего напоминало берег заводи, куда приходят пить слоны.

К тому времени, когда я завершала мемориальный обход комнат, высыпала землю из покинутых ящиков и убирала их миски, у меня только что слезы не катились по щекам. К тому времени, когда мы уже где-то отдыхали и расстояние придавало им особую прелесть, что, как ни странно, всегда бывает с сиамскими кошками, они уже виделись нам безупречными ангелочками. Нам не терпелось получить известия о них — удостовериться, что они не зачихали, не простудились, не ушли в мир иной, не выдержав разлуки. А это, поскольку мы никогда заранее не заказывали номера в отелях и хозяева питомника писали

нам «до востребования», вносило в жизнь немало дополнительных осложнений.

Возможно, во время наших заграничных поездок мы что-то и упускали в смысле достопримечательностей, но уж почтамты мы знаем досконально. Скажем, во Флоренции под старинной серой аркадой, где мы маячили столь упорно, что, могу поклясться, Чарльза уже принимали за призрак Данте. И в Гейдельберге, услышав от любезного молодого человека «найн», мы пошли к реке (Соломону и Шебе было тогда пять месяцев, и мы не сомневались, что их сердечки разбились и они умерли) и мысленно кинулись в ее волны. И в Париже, где пахнет (или пахло, когда туда заходили мы) перезревшим сыром. Там, прижимая платки к носу, мы день за днем доказывали, что нам должно прийти письмо, и когда оно все-таки пришло, служащий от облегчения горячо потряс нам руки сквозь решетку.

Известия, когда они до нас добирались, всегда были одинаковы: «С. и Ш. здоровы, едят как лошади и нисколько не тоскуют о вас». После этого, чувствуя, как с наших плеч скатываются Альпы, мы пошли и выпили на радостях.

Нет, возвращаться к кошкам было очень приятно. Даже когда мы свернули в ворота питомника и услышали деловитые завывания двух знакомых голосов, нас не пробрала дрожь. Даже когда мы увидели, что перед нами отнюдь не два истосковавшихся по дому существа, какими они нам рисовались, — когда Соломон прошел в конец их вольера, чтобы сообщить соседу сиаму в его шале, что он получит свое, если посмеет повторить это, а Шеба, томно возлежа в объятиях миссис Фрэнсис, сообщила нам, что она останется здесь: ей нравится, как тут кормят, — даже тогда мы продолжали чувствовать себя счастливыми, снова их увидев.

И пожар, и солнце, которым мы напитались, и иллюзия, будто от разлуки любовь крепнет, — все это ввергло нас в туманное состояние ума, в котором люди бегут покупать сиамских кошек. Если кто-то сомневается, что такое состояние возможно, я могу лишь сослаться на случай с моей знакомой. Старая дева пятидесяти лет жила одна и преданно ухаживала за собой. Спать ложилась неизменно в

половине девятого, даже когда у нее были гости (если они засиживались, она вежливо их выпроваживала). После обеда лежала час, подняв ноги и закрыв глаза повязкой от света. А в ее доме царил строжайший порядок — под каждой безделушкой была фетровая подстилочка, вырезанная точно по форме основания — чтобы предохранять мебель.

И если она не пребывала в умственном тумане, когда купила сиама, то уж и не знаю, как это назвать. По ее словам, на нее что-то нашло, когда она увидела его темно-коричневую мордочку в витрине зоомагазина, ротик, разинутый в грустном «мяу». На самом-то деле он не мяукал, а орал благим матом, точно городской глашатай, как она поняла, едва вошла в магазин и очутилась с той же стороны стекла, что и он. Да, на нее, бесспорно, что-то нашло — она его купила, невзирая на это открытие.

Теперь она не ложится спать в половине девятого — в половине десятого она все еще тшится заманить Ланселота с крыши домой. Она не ложится отдыхать после обеда — ее слишком беспокоит, что там затевает Ланселот. Исчезли и подстилочки под безделушками, потому что никаких безделушек у нее нет. У нее есть только Ланселот. И хотя она заведомо души в нем не чает, но до сих пор понятия не имеет, как это произошло.

Если подобное случилось с ней, вы можете вообразить, что почувствовали мы, когда Фрэнсисы пригласили нас выпить кофе на дорожку и, войдя в кухню, мы увидели целую семейку сиамских котят.

Завораживающее зрелище для людей, не знающих, что такое сиамские кошки, или подобно нам все еще опаленных испанским солнцем. Котята свисают с дверных ручек. Котята ныряют с плиты. Один в задумчивости сидит над блюдечком, а еще один блаженно спит в прорези в дверце под мойкой.

— Это, — объяснила миссис Фрэнсис, выволакивая его оттуда — и в отверстие мгновенно бросились два котенка, томившиеся в очереди снаружи, — это ход к их ящику с землей, а он вовсе не спал, а нарочно притворялся. А это, — сказала она, когда сверху донесся громовой стук, затем шум, словно куда-то волокли гардероб, а по-

том выпихнули его в окно, — это другая компания играет с кроличьей ногой. Под замком в кабинете — они постарше этих и быстро с ними разделались бы.

Если в ее голосе и прозвучали нотки отчаяния, мы их не различили. Слишком уж мы погрузились в грезы о том, как один из этих обворожительных котятков водворится в нашем коттедже. Нет, исключительно ради Соломона и Шебы, а вовсе не потому, что они очаровали нас.

— Стоит дать им котенка, — увлеченно повторяли мы в машине, возвращаясь вечером домой, — и они тотчас переродятся. Стоит дать им существо, чтобы заботиться о нем, лелеять его, играть с ним, и они возьмутся за ум.

— Может быть, — сказал Чарльз поперхнувшись, так как Соломон отыскал новое отверстие в корзине, просунул в него лапу, ловко зацепил ворот его пальто и дернул, — может быть, Соломон даже избавится от этой привычки!

Но, к сожалению, во время нашего разговора Фрэнсисы упомянули, что все их котята уже нашли владельцев. А то бы в следующую же субботу, когда мы окончательно решили обзавестись котенком, мы бы непременно поехали к ним. Они прекрасно разбирались в психологии сиамских кошек и прекрасно знали Соломона с Шебой. И они бы предупредили нас, что эта затея ни к чему хорошему не приведет. Что уж если мы решили подпустить к этой парочке еще какое-то живое создание, то шанс выжить был бы разве что у орангутанга. Или, как сказал Чарльз в воскресенье вечером безнадежно унылым голосом, посоветовали бы нам обратиться к психиатру.

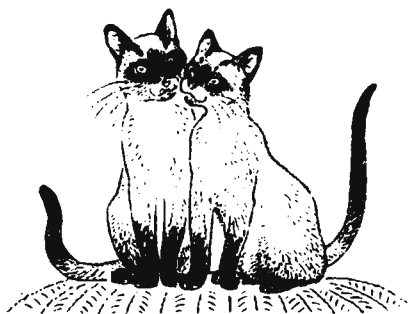
А так, изнемогая от желания вновь любоваться у себя дома прелестным котеночком, мы приобрели его в другом питомнике. У очень милой дамы, которая сказала, что его зовут Самсон — так гармонирует с Соломоном и Шебой, не правда ли? — а потом спросила, когда мы сажали его в клетку Шебы (единственно целую у нас дома), не возьмем ли мы его на эту ночь к себе в постель, ну и на следующую. Ведь вначале, добавила она, смахивая слезу при мысли о разлуке, ему будет так одиноко!

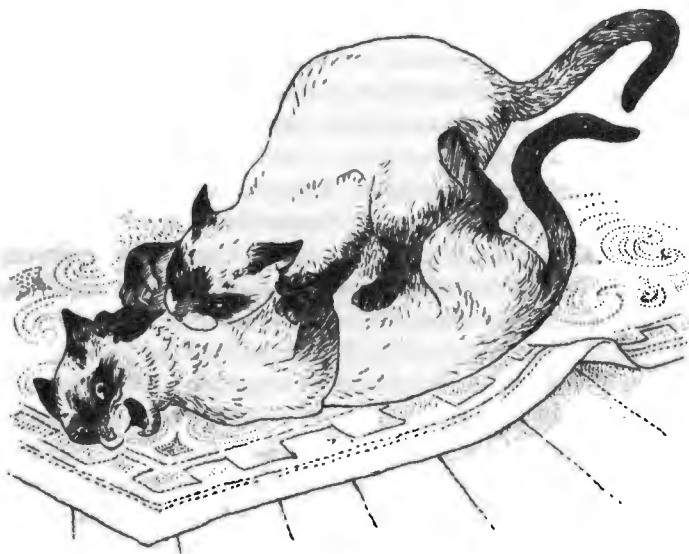
Она бы не тревожилась об этом, если бы видела, какой прием устроила ему наша парочка. Когда мы вошли, они

спали. Нежно обнявшись в кресле у камина. И тут же две головы (большая, красивая и темно-коричневая, другая — маленькая, умная и голубая) поднялись, и возникла любящая, щека к щеке поза, за которую любой фотограф пожертвовал бы своей пенсией.

Она бы не тревожилась, если бы увидела, как в следующую секунду, недоверчиво нюхнув воздух, они, прижав уши, ошетилив усы, вздыбив боевые гривки на спине, поползли по ковру на животе, точно пара секретных агентов.

И она бы не тревожилась (во всяком случае, о том, где он будет спать), если бы стала свидетельницей захватывающей сцены, которая разыгралась, едва они добрались до корзины. Когда они припали к полу с обеих ее концов, подобно паре снайперов, и испустили долгое предостерегающее шипение в отверстия, Самсон, едва крышка была поднята, ответил коротким отчаянным шипением и взвился в воздух. Как сказал Чарльз, стоя на стуле и пытаясь отцепить его от карниза, пока наша парочка снизу предупреждала его, что пусть только он посмеет ступить ногой на Их ковер в Их доме — Их долине, ревел Соломон, хлеща хвостом как бичом, — они его съедят живьем... Как сказал Чарльз, она бы тут же упала в обморок.

Глава девятая

ВЕЛИКАЯ СИАМСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Самсон с первого же взгляда поразил нас сходством с Соломоном. Те же большие уши, те же большие лапы, та же нахально-хвастливая походка. И та же знакомая непоседливость. Мы впервые мельком увидели его в тот момент, когда в непогожий сентябрьский вечер его владелица открыла нам дверь. Через прихожую промчалась маленькая белая молния, пролетела мимо нас в футах над полом и с воплем исчезла во мраке.

Это, сказала его владелица — а пятеро котят подозрительно шурились на нас из-за ее лодыжек, — это Самсон работает на публику. Он вернется, стоит закрыть дверь, сказала она. Не выносит темноты. И действительно (вылитый Соломон, выразительно сказал Чарльз, услышав это. Его мы ни в коем случае не возьмем), едва дверь захлопнулась, как снаружи донесся душераздирающий вопль Самсона, надрывающего глотку, чтобы отогнать привидения.

После таких переживаний Самсону пришлось воспользоваться ящиком. И проделал он это не стеснитель-

но, как нормальный котенок, но внушительно, чтобы показать, каких опасностей ему удалось избежать. После этого Самсон (он явно уже привык к появлению посторонних людей) просто должен был влезть на гладильную доску. Она находилась за занавеской из тяжелой материи, и когда он забрался на самый верх, в комнате этого старого незнакомого нам дома вдруг качнулось нечто, скрытое складками занавески, которая, едва он задвигался, качнулась обратно. И совершенно напрасно хозяйка котят попросила нас не смеяться — мы побелели как бумага.

Самсон был настолько похож на Соломона, что мы, конечно, его не взяли бы, если бы не одно обстоятельство. Нам был нужен кот, а он был тут единственным котом. А кота мы выбрали в расчете, что он, когда вырастет, сможет вести себя с Соломоном на равных. А еще мы хотели кота, чтобы Соломону не взбрели в голову всякие идеи. Стоит взять еще кошечку — и старый Брюхан вообразит, что обзавелся гаремом — и, как сказал Чарльз — пусть это останется чисто в теории, но бахвалиться он все равно будет без передышки. Разляжется на спине, а они справа и слева его умывают — от Соломона только этого и ждать. Спать будет головой на одной, а ногами — на другой. Сшибать их с ног, когда ему вздумается — как сейчас опрокидывает Шебу, — но только чаще для пушшего эффекта.

И мы взяли Самсона — как выяснилось, к лучшему. Если бы кошечке довелось вытерпеть то, что вынужден был терпеть Самсон в следующие дни, думаю, она не выжила бы.

Иногда меня удивляет, как я сама-то выжила. В первую ночь, памятуя о своем обещании, мы взяли Самсона к себе в спальню. До утра он бдел на шкафу — иногда икая, потому что за ужином они его перепугали и он проглотил большой кусок кролика, — а те двое были под дверью свободной комнаты как лесные волки. На вторую ночь, чтобы как-то уравновесить положение вещей, мы заперли Самсона в гостиной с грелкой, а их забрали к себе в постель. Но и это не работало.

Соломон и Шеба, уже убедившись, что мы не поддадимся на их уговоры и не выбросим Самсона в мусорный

бак, подчеркнуто перестали с нами разговаривать. И, чтобы мы не упустили из виду этот факт, Шеба не свернулась калачиком в ногах кровати, как обычно, но, тяжело вздыхая, улеглась мне на плечо, а Соломон, решив не уступать своего привычного места, угрюмо скорчился на ней.

Соломон весит немало, и в результате стоило ему пошевелиться или мне высвободить плечо, как Шеба переставала вздыхать и шипела. Всякий раз, когда это происходило, Соломон прыгивал на пол и обиженно укрывался под кроватью. Всякий раз он прыгивал с таким печальным, таким безнадежным стуком, что сотрясал половицы и будил Самсона, который тут же принимался горько плакать внизу. Шипение, стуки, плач, и время от времени Соломон печально, жалостно сопел, когда в расстройстве чувств вновь забирался на кровать — жизнь в эту ночь бесспорно оставляла желать лучшего. Только на расвете я все-таки задремала, хотя Шеба продолжала вздыхать, а Соломон сидеть у нее на голове, и сразу же заверещал будильник. Шеба снова зашипела, а я, доведенная до предела, слетела с кровати, расшвыривая кошек.

Страдай мы только по ночам, еще можно было бы терпеть, но днем было еще хуже. Тишина действовала на нас угнетающе. Уже четыре года мы жили под нескончаемый аккомпанемент кошачьего шума. Кошки вопили, чтобы их выпустили. Кошки оповещали нас, что вернулись. Кошки вопили, потому что заперли себя в шкафу, или — если до нас доносился с неестественной высоты голос Соломона, полный муки, — это значило, что он вновь пытался осуществить свое честолобивое желание выбраться наружу через фрамугу и, вспрыгнув туда, по обыкновению, струсил и не решался спрыгнуть вниз.

Даже когда наступал вечер и мы располагались отдохнуть — я и Чарльз с книгами, а Соломон грезя о дроздах на каминном коврике, — даже тогда Шеба обычно болтала. Сообщала нам, что видит за окном, садилась в угольный совок, угрожая воспользоваться им, если мы сейчас же ее не выпустим, или, если ничего не выходило, усаживалась, выпрямившись, перед Чарльзом и с надеждой выпевала ему негромкую монотонную серенаду и всякий

раз, когда он обращал на нее внимание, выпускала громкое влюбленное «вау!».

Все это плюс звуки веселой драки за грелку перед отходом ко сну и общий для всех сиамских кошек звук отбойных молотков, когда они оставались наверху одни, вдруг прекратилось с появлением Самсона, и воцарившаяся тишина веяла жутью. Особенно потому, что, как ни странно, впечатления, что дом остался без кошек, отнюдь не возникало — наоборот, нарастало ощущение, что дом просто ими кишит.

Только увижу, как Соломон скорбно сопит на кухне в поисках крошек (он их всегда подьедал, но теперь можно было со вкусом сделать вид, что с тех пор, как мы взяли Самсона, у него нет иного выхода: либо крошки, либо голодная смерть!), как уже обхожу его на лестнице. Только он проводит меня печальным взглядом, говорящим, что он вряд ли протянет долго, но надеется, что я его не забуду, когда он уйдет в мир иной, как уже обнаруживаю его под кроватью. И только я встану после тщетной попытки выманить его оттуда (тут он смотрел на меня взглядом, говорившим, что силы его иссякли и он будет сидеть Здесь, пока не Умрет), как он уже снова на кухне, и Чарльз кричит с нижней ступеньки лестницы, а кормила ли я Соломона завтраком — он только что украл всю ветчину.

То же происходило и с Шебой. Она носилась по дому с невероятной быстротой — одновременно хмурилась на Соломона из-за часов и с оконного карниза, выглядывала из-за стульев и свирепо сверкала глазами (или так казалось?) со всех шести полок книжного шкафа сразу. Впечатление было такое, что ее в доме не меньше двух десятков.

Ну, а Самсон... очевидно, у него были роликовые коньки. Сейчас он лазит по занавескам в прихожей, а секунду спустя превращается в бугорок, который таинственно путешествует под покрывалом только что застеленной постели. Сейчас он трудолюбиво уписывает свою овсянку на половичке в кухне, чтобы вырасти большим, сильным котом и дать чертей Соломону, а секунду спустя... у меня чуть сердце не оборвалось — открываю холодильник, а он

там. Ради Того Же Самого, сообщил он, радостно поднимая глаза от куриной ноги, и добавил: если так пойдет и дальше, он скоро одной лапой поборет старого Жирнягу. Если так пойдет и дальше, возразила я, мгновенно извлекая его наружу (теперь, естественно, к моим мелким обязанностям прибавилась еще одна: обыскивать холодильник, нет ли там Самсона, а уж потом закрывать дверцу), мы вскоре получим на десерт мороженое из котенка.

К несчастью, таким Самсон бывал, только когда мы оставались одни. Например, рано утром, когда Соломон и Шеба (видимо воображавшие, что ночью мы держим его в саду), едва проснувшись, выскакивали за дверь, проверить, не исчез ли он. Тогда Самсон снова становился таким, каким мы видели его в первый раз. Метался зигзагами по полу точно шмель (у всех сиамских кошек есть свои причуды, он избрал себе такую). Карабкался по внутренней стороне занавесок — несомненно, еще одна причуда, но гладильную доску за ними мы не прятали, и прежнего эффекта не получалось. Алчно забирался на стол, едва мы садились завтракать, а когда его снимали, исчезал на секунду-другую, а затем залезал туда с другого стула. Когда же, признав свое поражение, мы закрывали крышками молочник и масленку, оборонительно нагибались над нашими тарелками и позволяли ему бесчинствовать, Самсон даже затевал разговор.

Это, говорил он своим пронзительным заячьим голосом, проскальзывая у меня под локтем, чтобы добраться до грудинки, или ловко минуя заграждения Чарльза, чтобы лизнуть его яичницу, это очень весело. Если бы он мог избавиться от кошмаров о большом коте, который ходит так странно, и голубой кошке с косыми глазами, он был бы совсем-совсем счастлив. Тут его осеняла мысль. Они же правда просто кошмары? И он внезапно садился на стол, глядя на нас круглыми голубыми глазами. У нас же здесь на самом деле нет таких кошек, правда? А если есть, так мы их отправим восвояси, раз теперь у нас есть он, да?

Отвечать нужды не было. К этому моменту Соломон и Шеба, прочесав сад, как пара ищеек, и нигде его не обнаружив, тоже чувствовали, как их осеняет мысль. И уже си-

дели на подоконнике, свирепо шура на него глаза. С дьявольским выражением на мордах, которые, казалось, вот-вот начнут дымиться, они смотрели, как он ест Их печенку и облизывает Их тарелки. Самсону, когда он задавал свой вопрос, достаточно было просто проследить мой взгляд до окна и выяснить, существуют они в кошмарах или наяву. Быстро взглянув на них, Самсон с краткой, но выразительной молитвой своему ангелу-хранителю немедленно исчезал.

Нам, конечно, уже тогда следовало бы понять, что это безнадежная затея, но мы упорствовали. Порой безмолвие войны в джунглях вокруг нас прерывалось тоненькими визгливыми тремоло, означавшими, что они загнали Самсона в угол, так не можем ли мы, пожалуйста-пожалуйста, побыстрее прийти к нему на помощь, не то они его загипнотизируют! А иногда раздавался громкий негодующий вопль, означавший, что Соломон с таким рвением заходил Самсону с фланга, что по ошибке сам оказывался в углу, и теперь Самсон глядел на *него*. Если слышалось шипение, значит, там была Шеба. Хотя шипеть она могла вовсе не на Самсона, а на Соломона под столом.

Шеба в эти дни пребывала в таком бешенстве, что ей было все равно, на кого шипеть. Она шипела на нас, она шипела на Сидни, она шипела на молочника. Однако больше всего (если не считать Самсона) она шипела на Соломона. Решила ли она, что он и Самсон родственники, раз так похожи, мы не выяснили, но Соломон бродил унылой тенью, дважды уходил из дома, и мы силком возвращали его из леса.

Самсон также дважды уходил из дома. В первый раз мы нашли его на яблоне — Соломон сидел на несколько футов ниже, а Шеба у ствола сердито ворчала и грозила спилить яблоню — уж тогда-то они у нее узнают! Второй раз, хватившись Самсона, я увидела, что Шеба крадется к калитке по дороге, выгнув спину, и кинулась за ним, но на полдороге встречный мальчишка сообщил мне, что застрелил его. Тот самый мальчишка в ковбойской шляпе, на этот раз вооруженный рогаткой. Последнее время меня не оставляло ощущение, что стоит у нас стрястись

бед, как он сразу же оказывается рядом. Я на бегу завершила его, что в таком случае вернусь и пристрелю его самого. И его деда, кем бы он ни был, проорала я, когда плаксивый голос у меня за спиной крикнул, что он тогда дедушке пожалуется.

В тот день я не уловила, о каком дедушке шла речь. Самсон, застреленный, к счастью, только в плодовитом воображении Грозы Прерий, был еще жив. Он почти выбрался на шоссе — мех дыбом, словно подстриженный ежиком, чтобы пугать волков, а темный хвостик поднят как флаг — для храбрости. Полный решимости, сказал он (дрожа как осиновый лист, когда я его подобрала, и отчаянно вырываясь), ни за что не возвращаться.

Если бы не Чарльз, Шеба получила бы хорошую трепку, когда я пришла домой. Было яснее ясного, что она сознательно прогнала Самсона. И пришла в бешенство, когда снова его увидела. Она зашипела так яростно при виде нас, что чуть не выломала все свои зубы.

Пора этой кошке, объявила я, заперев Самсона для верности в прихожей, понять раз и навсегда свое место тут. А Чарльз сказал, что она ненарочно. И Чарльз, хотя всю последнюю неделю она только и делала, что шипела на него, нежно взял ее на руки и сказал, что она его маленькая подружка. И, боюсь, было только справедливо, что в разыгравшейся несколько секунд спустя битве больше всех досталось Чарльзу.

Соломон все это время сидел во дворе и ел кожицу грудинки, которую я бросила птицам. (При обычных обстоятельствах он до нее и когтем не дотронулся бы, но она подвернулась очень кстати, когда его Заморили Голодом, а к тому же застряла в щели между булыжниками, и он устроил душераздирающий спектакль, жалостно выцарапывая ее темной лапой.) Но теперь внезапно вошел в комнату. Он обладал особым даром появляться в не слишком удачные моменты, а неудачнее этого и придумать было нельзя.

Шеба — глаза скошены, шерсть дыбом, вне себя от ярости из-за возвращения Самсона, — едва его увидела, вывернулась из объятий Чарльза и ринулась в атаку. Со-

ломон, перепуганный до смерти, кинулся к двери в прихожую и обнаружил, что она заперта, и Шеба загнала его в угол. И мгновенно у нас в гостиной разыгралась схватка года. Мы с Чарльзом пытались их разнять, а Самсон в прихожей орал во всю мочь.

Первый раунд выиграла Шеба. Она укусила Соломона за лапу. Шеба выиграла и второй раунд — я нагнулась растащить их, и она укусила меня за руку. Третий, и решающий, раунд закончился за Соломоном. Когда Чарльз, ухватив его за первую и опавшую часть тела, извлек из сечи, Соломон — спиной к стене и иступленно размахивая лапами во все стороны — убедительно съездил его по носу.

Глава десятая

ПОРАЖЕНИЕ САМСОНА

На следующее утро, бредя вверх по склону за газетами, мы являли собой жалкое зрелище — Чарльз с пластырем на носу, я с пластырем на руке, а сзади на трех лапах ковыляет Соломон. Ну прямо отступление из Москвы, сказал священник, открывший окно, чтобы поздороваться с нами, когда мы проходили мимо, так кто же из нас Наполеон?

Увы, нам было не до смеха. Чарльз, насколько я поняла, с минуты на минуту ждал, что скончается от заражения крови. В коттедже трепещущий Самсон был заперт для безопасности у нас в спальне, а Шеба, грозя мстью всем и каждому и, судя по глухим ударам, которые доносились до нас, когда она умолкала, чтобы перевести дух, сокрушая сушилку, сидела под замком в ванной. Соломона нам пришлось взять с собой: увидя, что мы уходим, он начал так вопить о своей ноге и о том, как его бросают на верную гибель, что иного выхода не осталось, — кто-ни-

будь мог бы вызвать полицию. А теперь, мрачно сказал Чарльз, он устраивает такой спектакль из своей хромоты, что ее обязательно вызовут.

Чарльз был зол на Соломона. И особенно за эти его демонстрации. А кто его ударил по носу, хотел бы он знать, сурово спросил Чарльз, когда мы проходили мимо почты, и почему он не дает взять себя на руки, как нормальный кот, если уж ему больно идти? После чего Соломон, жалобно держа лапу на весу, остановился раз в шестой и с упреком сообщил Чарльзу, что это была Несчастливая Слу-чайность, а удар предназначался Шебе, а если нам стыдно, что он упражняет свою бедненькую прокушенную ногу, так лучше нам отдать его в приют.

Именно в эту минуту из почты вышел доктор Такер и спросил, что случилось. Мы лечились не у него, но он же был владельцем Аякса. И, сказал он, если мы облеплены пластырем, а Соломон орет во всю мочь посреди дороги, совершенно ясно, что назрел еще один сиамский кризис.

Ну, мы ему рассказали все — и про злость, и про драки, и про Шебу, сокрушительницу сушилок, и про то, что не в силах больше терпеть подобное, мы договорились сегодня же вернуть Самсона его бывшей владелице. Скрепя сердце. Мы успели за короткое время очень привязаться к Самсону, а он, казалось, испытывал симпатию к нам в те редкие минуты, когда не терзался из-за Шебы с Соломоном.

Нас угнетало сознание, что мы не умеем справляться с нашими кошками — и такого же мнения явно придерживалась бывшая владелица Самсона, хотя по телефону она была сама любезность, выразила всяческие сожаления и согласилась взять его назад. Но упомянула, что ее котята часто попадали в дома, где уже жили кошки — в том числе и сиамские, — и после первых дней привыкания с ними никаких проблем не возникало. Намек был ясен: будь мы терпеливее и тверже с нашими кошками (хотя какую еще твердость могли мы проявить? Заковать их в цепи?), то все наладилось бы.

Однако доктор Такер нас успокоил. «Ничто не помогло бы», — сказал он. Подоплека заключалась в том, что

Соломон и Шеба были близнецами и выросли вместе. «Между ними, — сказал он, — существует особая близость, какой не бывает у котят от разных матерей, даже если они растут вместе. Хотя со временем они бы притерпелись к Самсону, все свелось бы к постоянному вооруженному перемирию». О взаимной привязанности, которая объединяла нашу парочку, несмотря на их ссоры и драки, и речи быть не могло. Как и об общих играх. Соломон и Шеба с возрастом, возможно, станут совсем чужими друг другу — о чем уже говорили некоторые признаки. «Но в любом случае, — сказал он, окидывая Соломона профессиональным взглядом (тот все это время сидел на дороге, храня рассеянно-невинное выражение, которое всегда принимал, если люди обсуждали его), — раз Соломон так ревнив, а Самсон — тоже кот, рано или поздно Соломон принялся бы прыскать».

При этих словах уши Соломона взлетели вверх как семафоры, а мы наострили свои. «Соломон, — заявили мы категорически, на случай, если нас подслушивал какой-нибудь проказливый дух, — Соломон кастрирован». Даже оглянуться не успел, как уже... душещипательно заверил Соломон доктора, хотя в его глазах появилась задумчивость. А мы были совсем ошарашены, узнав от доктора, что хотя кастрированные коты редко прибегают к этому средству, но когда в них пробуждается ревность — особенно если они siamo, — ничто не мешает сработать врожденному рефлексу. Нас же просто потрясла мысль о том, от чего мы, сами того не зная, избавились. Как твердил Чарльз всю дорогу домой, стоило бы Соломону понять, что к чему, и он бы не просто прыскал, а разгуливал бы по дому как фонтан на четырех лапах. «И нас тогда не спасли бы все благовоения Аравии, — добавил он, обмахиваясь при одной только мысли. — Одна понюшка — и нас все будут обходить стороной за милую».

И вот уже не так неохотно, как до этого разговора, но все-таки с грустью мы вернули Самсона в его веселую семью. Когда мы бросили на него последний взгляд, он и думать забыл про нас и толстой темной лапкой упоенно

гонял своих сестричек вокруг книжного шкафа. И постепенно жизнь вошла в обычную колею.

Но постепенно! Прошло несколько дней, прежде чем Шеба перестала шипеть на Соломона, а Соломон в свою очередь перестал боязливо красться с таким видом, словно ждал, что из-за каждого угла вот-вот выпрыгнет Дракула. Но в конце концов вновь вернулся мир, а с ним наступило и утро, когда они вышли из свободной комнаты бок о бок, излучая безмятежность, и Шеба вымыла уши Соломону, прежде чем уютно устроиться на плече у Чарльза, а сам Соломон отпраздновал всеобщее примирение, нырнув головой под одеяло, перекатившись на спину и уснув с ногами на подушке.

А мы в первый раз за несколько недель смогли перевести дух и поглядеть, что за это время произошло в деревне.

А там жизнь на месте не стояла. Что-то расстроило старика Адамса — пока еще мы не знали, что именно, но всякий раз, когда он проходил мимо коттеджа, шляпа была у него нахлобучена на глаза так, что он почти ничего не видел. Верный признак душевного волнения. Люди, жившие дальше по дороге, обзавелись машиной. («Цвет кремовый, крыша жесткая, очень удобная, — сообщил Соломон, следя за ними из окна, и так колыхал занавеской, что они, возможно, решили, будто за ними подсматриваем мы. — Чтобы оставлять автографы, лучше не придумаете. Надо поскорее погулять по ней»!) А Сидни в связи с наступающим Рождеством подрядился поработать у местного строителя. Что, судя по кое-каким признакам, было чревато затягиванием сроков сдачи заказов.

Сидни, когда как-то утром в воскресенье заглянул починить кран, сам со смехом рассказывал, какие случаются незадачи. Например, в одном доме, где трудилось много рабочих, так как его требовалось закончить поскорее, они с такой быстротой возвели стены, что только перед обеденным перерывом, когда кто-то пошел налить чайник, выяснилось, что они не оставили ни единого проема для дверей. Спрашивать, кто заложил проемы, не требовалось. Естественно, Сидни.

А в другом доме они входили и выходили через большой проем, оставленный для венецианского окна. Товарищи Сидни, когда не наливали чайники, видимо, никогда не пользовались дверными проемами, а беззаботно прыгали в будущие окна или перемахивали через четырехфутовую кладку стен, демонстрируя свою ловкость. И вот в одно погожее осеннее утро окно это обрело большое зеркальное стекло, а через десять минут рабочий, опоздавший, потому что у него в дороге сломался мотоцикл, прибежал на стройку и прыгнул с того места, откуда всегда прыгали Сидни и прочая компания. «Он влетел внутрь и остался цел — голова почище кокосового ореха», — заверил нас Сидни. Только в ушах зазвенело да шлем мотоциклетный помял, а они неделю хохотали. Вернее, до следующей такой же веселой ошибки, когда они установили лестничный марш прямо наоборот.

Дом был самый современный — первый такой в нашей деревне, и на сей раз, сказал Сидни, стуча по нашему крану молотком для колки угля, виноват был десятник. Нас это сообщение обрадовало. Нам уже чудилось, что Сидни и его товарищи встретят Рождество в приюте для немущих, если и дальше будут работать в таком же темпе, и было радостно услышать, что равновесие хоть немножко восстановилось.

Выяснилось, что в данном случае десятник не разобрался в чертежах. Он привык строить солидные квадратные бунгало, добрые старые коттеджи на две семьи, и первый в его практике дом с открытой планировкой поставил его в полнейший тупик. Не желая признаться в этом, он колдовал над чертежами как мог, и в результате лестница была сооружена таким образом, что в одном месте приходилось проползать под балкой на четвереньках.

«Самое странное, — сказал Сидни, стукнув по нашему крану с такой силой, что капать он должен был перестать, но вставал вопрос, сумеем ли мы его открыть, — что все так там и проползали на четвереньках. Десятник, рабочие, даже те, для кого дом строился. Почему-то все сочли, что так и надо, и никто не подумал, что ползать на четвереньках придется и когда дом будет достроен». То есть ни-

кто, пока из Лондона не приехал архитектор, а уж что он произнес, когда увидел, как они ползают на карачках по его лестнице... «Стал совсем лиловым, а таких слов ни в одном словаре не сыщешь», — закончил Сидни.

Мы, конечно, ему не поверили, заявил Сидни, опустил молоток и с надеждой посмотрел на чайник. Нет, поверили. Еще как! В те дни, когда с нами жил Блонден и мы только что въехали в коттедж, мы тоже по простоте душевной обратились к местному строителю — надо было выровнять пол в кухне. Несколько дней я мыла посуду, стоя одной ногой на доске, а коленом другой опираясь на край мойки, чтобы не свалиться в шесть дюймов цемента, а строитель без конца распространялся, какой он замечательный — уровнем ну никогда не пользуется и отвесом тоже никогда, а полагается на свой глазомер и еще ни разу в жизни не ошибся ни вот на чуточку! Наконец доски были убраны, и, к несчастью для нашей кухни, его настигла близорукость. Пол все еще был скошен на два дюйма.

Когда мы указали на это строителю, он сначала поклялся, что ничего подобного, а когда мы доказали свое утверждение с помощью одного из орехов Блондена — положили орех, и он скатился по наклону, строитель объяснил, что это он специально сделал: я опрокину ведро с водой, а вода спокойненько вытечет в заднюю дверь. И твердо стоял на своем, не слушая наших возражений, что в таком случае она потечет прямехонько под буфет. И, как памятник несгибаемости местных строителей, пол на кухне у нас скошен и по сей день. А плита, три шкафчика, буфет (а теперь, естественно, и холодильник) покоятся на чурках, которыми он нас снабдил — и не только, чтобы их выровнять, но чтобы (предположительно) мы могли заплескивать воду и под них.

Правда, как сказал Чарльз, сообщать про это Сидни нам никак не следовало. А то у него, глядишь, возникли бы какие-нибудь блестящие идеи. Ну, да в это утро кухонный пол нас занимал недолго. В это утро Шебу укусила гадюка.

Знаю, знаю, был октябрь, а гадюки обычно кусают весной. Так сказал ветеринар, когда я ему позвонила. Но за-

тем он добавил, что наши кошки, если им приспичит, способны отыскать анаконду в январе, а потому он сейчас приедет. Знаю, знаю, в смысле гадюк мы всегда опасались за Соломона. Поскольку метод Соломона, когда он пытался поймать что-нибудь, начиная от ужа и кончая осой, сводился к тому, чтобы сперва потыкать в добычу лапой, проверяя, двигается ли она, а затем понюхать для выяснения, съедобна она или нет. Поскольку Соломон, когда мы брали его с собой, увлеченно нырял в любые заросли травы и до того возбуждался, когда оттуда высовывалась его собственная темная лапа, что, окажись там гадюка, он и оглянуться не успел бы, как она повесила бы его в качестве трофея на свой тотемный шест.

Шеба тоже змееловом не была. Просто — настолько она отличалась на любом поприще — в нас жило убеждение, что стоит ей захотеть — и она будет возвращаться домой в гирляндах этих пресмыкающихся. Вот почему, когда она уныло пробралась в коттедж на трех ногах, жалобно держа на весу четвертую и, проходя мимо, бросила на нас даже еще более жалобный взгляд, мы не придали этому особого значения. Она ведь могла просто подражать Соломону, а к тому же в прошлом осталось столько ложных тревог, когда они падали с ограда и ветеринар, примчавшись, определял растяжение, а в ванной накапливался и накапливался запас кошачьих мазей (по семь шиллингов шесть пенсов баночка), совсем нетронутых, так как они прятались, стоило нам взять баночку в руки, — и, сообщив ей, что лубки в аптечке, мы продолжали разговаривать с Сидни.

Только когда мы обнаружили, что она лежит под кроватью, а лапа, всегда такая маленькая и изящная, раздулась в хороший апельсин, только тогда мы поняли, что случилась беда. И чуть было не опоздали. Она уже впала в кому и вытянулась на руках Чарльза как мертвая. Я вызвала ветеринара. Он ошупал ее дряблое тельце — глаза у нее чуть приоткрылись, потом сказал, что это правда похоже на змеиный укус, и тут же вколол ей гистамин.

Гистамин должен был остановить отек. И на полчаса наш мир замер — мы ждали, подействует ли он, а ветери-

нар договаривался, чтобы ему прислали из больницы противоядие. Теперь ее держала я — крепко обнимая, чтобы согреть. Чарльз и Сидни стояли рядом, а Соломон (всегда на авансцене, что бы ни происходило) с любопытством смотрел на нас с ближайшего стула.

Никогда она не была так дорога нам, а минуты шли, и отек медленно распространялся к ее плечу... Да, никогда — даже в те долгие ночные часы, когда она не вернулась домой. Ведь тогда оставалась надежда, что с ней ничего страшного не случилось, что она спит где-нибудь в безопасном месте. А сейчас нам оставалось только смотреть на нее и чувствовать, что, если мы ее потеряем — злокозненную, портящую все и вся, доводящую до иступления, — то потеряем с ней часть сердца.

Как сказал Чарльз, когда все осталось позади, мы могли бы и не тревожиться. Шеба же скроена из на редкость прочного материала. И, не говоря уж о всем прочем, она ни за что не оставила бы в наследство Соломону свои порции рыбы.

Через полчаса отек чудесным образом остановился, Шеба на грелке упоенно изображала Виолетту, и ветеринар объявил, что всякая опасность миновала. «Остается только, — сказал он, ласково поглаживая ее по щеке, — чтобы малютка поднабралась сил».

И малютка начала их поднабираться. После двух дней возлежания на нашей кровати, когда Чарльз носил ее вверх и вниз по лестнице, потому что лапа у нее начинала распухать, если она ходила, когда она ничего не могла есть, заверяла она нас, кроме — тут бросался торжествующий взгляд на Соломона, угрюмо поглощавшего треску, — крабового паштета, так после этих двух дней она совершенно выздоровела. И тут же чуть не свела нас с ума, непрерывно лакая воду и хлюпая, как сенбернар, — что, успокоил нас ветеринар, когда мы в тревоге ему позвонили, было просто реакцией ее организма на действие гистамина. Открыв ей кухонную дверь раз пятьдесят за вечер, мы скорее готовы были поверить, что Шебу сглазили, но в конце концов, когда у нас уже ноги отваливались, прекратилось и это.

Не прекратилось только стремление Шебы снова и снова рассказывать всем и каждому о том, что ее укусила гадюка и она чуть не умерла. Сохранились и некоторые подозрения, как наши, так и ветеринара, что укусила ее все-таки не гадюка, а оса. И еще сохранилось твердое убеждение Шебы, что иглу шприца в нее вогнал Сидни — задним числом мы сообразили, что в тот момент он действительно стоял позади нее. Прямо в Попку, упрекала она его при каждой встрече. Прямо туда, где Больнеее Все-го. И тогда, когда она Чуть Не Умерла. Сидни всячески пытался заслужить прощение, но она еще долго не желала даже близко к нему подходить.

Глава одиннадцатая

ТИМОТИ, ДРУГ СОЛОМОНА

Следующей свалившейся на нас напастью был Тимоти. Мальчишка с рогаткой. Как-то утром он разбил окно в нашей кухне ловким выстрелом из-за угла сарая, но пока он самозабвенно любовался аккуратной дырочкой в сетке трещин, Чарльз выскользнул в заднюю калитку и сцапал его. Мы уже давно ломали головы, чей он. И теперь повели его по дороге (все в той же ковбойской шляпе), чтобы выяснить, откуда он взялся. Вдруг он вырвался и, к вящему нашему изумлению, хныча, побежал по дорожке к дому старика Адамса.

Выяснилось, что он внук Адамсов и гостит у них, чтобы его мать могла немножко отдохнуть. Не узнали мы об этом раньше потому, что были слишком поглощены нашими кошачьими проблемами; к тому же в зимнее время поболтать со стариком Адамсом мы могли только по воскресеньям; а когда мы при нем удивились, как это такое событие осталось нам неизвестным, он ответил, что предпочитает свои неприятности держать при себе.

Вот и моя бабушка прибежала к подобному зачину — и действительно, в следующую же секунду мы уже слушали его грустную повесть. Прodelкам Тимоти дома не было числа, и заключительная, чуть не убившая его мать, сводилась к тому, что он проглотил ось игрушечного автомобильчика. «Собственно, — рассказывал старик Адамс, — расстроило ее не столько это — хотя раза два она и хлопалась в обморок при мысли, как ось катается в желудке Тимоти, а то ее расстроило, что в больнице ему сделали рентген этого самого желудка и никакой оси не нашли!»

Врачи говорили, что он ее не глотал. Он говорил — нет, глотал. Его мать, вне себя от ужаса, ждала, что ось вот-вот исколет ему все внутренности. Когда, следуя пророческому предчувствию, врач и сестра отправились с ним домой, а там сказали: «Ну-ка, малыш, покажи нам ее», и он, глазом не моргнув, вынул ось из ящика столика, несчастная женщина впала в настоящую истерику. Зачем, зачем, спрашивала она, прежде чем лишиться сознания в третий раз, зачем он ей сказал, что проглотил ось? И мальчуган, весело смеясь, что так удачно подшутил над мамочкой, ответил, что правда проглотил ее, а только потом выплюнул.

Какая муха укусила нас пригласить мальчика с такой биографией на чай, я понятия не имею. Ведь к этому времени он не только разбил наше окно, но в обществе старика Адамса съел автобусные билеты, когда они поехали в город, что вызвало неприятности с контролером, разбил окно в «Розе и Короне» (тоже из рогатки, объяснив, что хотел позвать дедушку, который сидел внутри, — нам это показалось доказательством большой находчивости, но хозяин придерживался иного мнения) и выкрасил столбы ворот Ферри в кирпично-красный почтовый цвет.

Беда была в том, что Фред Ферри совсем недавно выкрасил их ярко-зеленой краской. Он бежал по дороге, изрыгая пламя, — Тимоти испоганил его новехонькую краску этой дрянью. Старик Адамс — он предпочитал красный цвет, и краску Тимоти позаимствовал из банки, оставшейся после окраски входной двери, — очень обиделся и предложил расквасить ему нос. Фред Ферри по

деревенскому обычаю подал на него иск — и если ему это обойдется меньше пяти фунтов, сказал старик Адамс, уныло нахлобучивая шляпу на глаза при одной только мысли об этом, так не видать ему завтрашнего дня.

Быть может, мы тогда прочли церковный журнал и наши нимбы подновились, но, как бы то ни было, мы пригласили Тимоти к нам на чай. Подставляли другую щеку в упоении — вопреки тому, что нам пока не удалось сделать с Соломоном и Шебой — перевоспитать его.

Должна с сожалением признать, что и тут мы не преуспели. Чай он пил — то, что не выплескивал на ковер, — с хлюпаньем, напоминающим всхлипы засорившихся водопроводных труб. Кошки были ну просто заморожены. Хлеб с маслом он подносил ко рту обеими руками, упорно глядя на нас поверх ломтя, словно над бруствером. Как мы ни пытались завязать разговор, он хранил полное молчание. Когда он кончил есть и мы спросили, чем бы ему хотелось заняться теперь, он решительным шагом подошел к окну, взял пепельницу, постучал, чтобы она зазвенела, а потом ловко разбил ее о подоконник. После чего отбыл домой — и Чарльз, торопясь открыть ему дверь, наступил на другую пепельницу, которую мы безопасности ради поставили на пол. И только на пороге Тимоти нарушил обет молчания.

— А он ее того, — изрек он.

Продолжение потрясает меня и по сей день. На следующее утро Тимоти явился, безмолвно повис на нашей калитке, немножко покатался на ней, а когда обнаружил, что после его поведения за чаем я на него внимания обращать не желаю, стрельнул в Соломона, который рыл яму в саду. И промахнулся. Но это меня не тронуло. Вне себя от бешенства, забыв церковный журнал, я вылетела из дома, намереваясь задать ему трепку, какую ему еще никто не задавал. Но когда я подбежала к калитке, Тимоти все еще стоял там и смотрел на Соломона, парализованный удивлением.

— Он мне сказал, — объявил он, даже не вспомнив, что ему следовало улепетнуть, — что было, то было.

Когда мимо уха Соломона в роли неподвижной мишени просвистел камень, он испустил громкий негодующий рев. Заинтриговала Тимоти не его способность разговаривать — он уже полмесяца жил рядом с Мими и привык к говорливости сиамских кошек, — а его бас.

— Почему, — пожелал узнать Тимоти, — у него голос не такой, как у Мими?

— Да потому, что он мальчик, — сказала я.

— А откуда я знаю, что он мальчик, — спросил Тимоти с возрастающим любопытством.

Ответ пришлось искать молниеносно.

— По его голосу.

Если бы кто-нибудь объявил, что проблему Тимоти может решить кот, я бы ни за что не поверила. И уж, конечно, не Соломон, который вот уже четыре года сам был проблемой из проблем. И все-таки решил ее он. Тимоти, у которого дома не было никаких животных, видимо, презирал кошек, если они были девочками, как Мими, но мысль о том, что Соломон — мальчик, совсем его заворожила. Соломон со своей стороны милостиво простил Тимоти тот камешек и пришел к выводу, что он очень даже привлекателен.

С этой минуты под боком у нас возникло общество взаимного восхищения, которое ничто не могло поколебать.

В некоторых отношениях польза была очень большой. С тех пор как Соломон был котенком, для нас оставалось непреходящим кошмаром забрать его в дом загодя, когда мы собирались поехать в город. Экскурсии Шебы на клубничные грядки оказались преходящей фазой и в истинно сиамском духе полностью прекратились, едва клубника сошла и владелец грядок перестал впадать из-за нее в ярость.

Соломон же — в любое время, но особенно если мы топились на поезд — с завидным постоянством куда-то исчезал. Спал на лугу в теплую погоду, прятался у кого-нибудь в угольном сарае в сырую (или, что было равно возможно, сидел под дождем и наблюдал за чьими-либо утками), а в остальное время мог оказаться где угодно — в

гостях у священника или же спешно удалялся в дальний конец долины.

В конце концов он являлся на мой зов, но срок этот варьировался от пяти минут, потребных, чтобы в последний раз понюхать маргаритку, до двух часов, в течение которых я металась по дорогам и тропам в своем городском костюме и резиновых сапогах, лихорадочно гадая, потеряла ли свою работу или еще нет. И какое было чудо после появления на сцене Тимоти либо просто открыть дверь и узреть эту парочку, либо — если час был ранний и Тимоти еще не выходил — позвать мальчика и попросить его свистнуть в два пальца: Соломон тут же возникал точно Чеширский Кот в Стране Чудес, и на его морде было написано новейшее выражение: «Тигр — Друг Человека».

Это обходилось нам в большое количество шоколада. Тимоти, перевоспитался он или нет, был не из тех, кто оказывает услуги из любви. Порой, забыв церковный журнал, мы поддавались гадкому подозрению, что не Соломон исчезал, а Тимоти его находил, но Соломон отсиживался, где ему было указано, чтобы Тимоти мог потребовать награду.

Ну и еще небольшой минус. Тимоти теперь упорно ходил гулять с нами. Мы и кошки — это было достаточно скверно. Мы, кошки и мальчишка в ковбойской шляпе, который время от времени пронзительно свистел, после чего один крупный силпойнт с энтузиазмом бросался «к ноге», а одна маленькая блюпойнт тут же садилась и говорила, что дальше не сделает ни шагу, — это было немножечко чересчур даже для нашей деревни.

Однако полного счастья ведь не бывает. Но Тимоти хоть убрал свою рогатку и начал интересоваться природой. И до того ей заинтересовался, что в конце концов Чарльз после особенно пикантного разговора о коровах прямо перед калиткой священника объявил, что больше никуда с нами не пойдет. Я больше подхожу для таких вопросов, сказал он, и они с Шебой, жалкие трусы, оставались дома и трудились над кухней. Вот почему в тот день, когда мы увидели кролика, Тимоти, Соломон и я гуляли в гордом одиночестве.

Для нас, натуралистов, это было волнующим событием. Со времени эпидемии миксоматоза я кроликов не видела, а Соломон их не видел никогда и на всякий случай сразу же очутился на дереве — а что, если это волк? Тимоти, который про них слышал, но живых никогда не видел тоже, тут же пожелал узнать о них все. Я прочла небольшую, но прекрасную лекцию о кроликах и их привычках, в заключение которой Тимоти объявил, что ему надо.

Посрамленная — видимо, он все пропустил мимо ушей, — но и радуясь, что мы хотя бы шли по лесу, а не посреди деревни, где он обычно испытывал эту потребность, я тактично повернулась к нему спиной. Наступила коротенькая пауза.

— Льется, — сказал Тимоти, что было совершенно лишним. — Прямо в кроличью нору, — возвестил он секунду спустя, а затем сообщил Соломону, очень громко и, очевидно, все-таки осваивая полученные от меня знания: — Кролики подумают, что дождик идет, — закончил он глубокомысленно.

Они великолепно гармонировали друг с другом. Сию секунду невыразимо трогательные — как в тот раз, когда Тимоти посмотрел круглыми глазами на крутой холм позади нас и сказал, что если они оттуда упадут, то станут мертвыми, верно? И улетят на небо, и никогда не будут есть ничего вкусного, потому что будут одними костями. Я торопливо высморкалась, а жена священника тут же пошла и купила ему три коробки пистонов для его пистолета. А в следующую секунду абсолютно невыносимые — как в тот раз, когда я обнаружила, что Тимоти стоит на голове у нас на лестнице, а ногами в резиновых сапогах выписывает сложные узоры на стене, Соломон же гордо восседает рядом точно тренер. Так бы и отшлепала их обоих!

Все умилялись, видя их вместе. То есть все, кроме Шебы, которая, встречаясь с ними на дороге, подчеркнуто обходила их по широкой дуге и уверяла всех, что даже не знает, кто они такие, а когда возвращалась домой, мрачно предрекала, что скоро Соломон тоже возьмется за рогатку и оба они угодят за решетку. Все — даже старик Адамс — говорили, как замечательно это повлияло на Тимоти, а он

добавлял, пусть его черт поберет, если он не подарит мальчишке котеночка, когда тот поедет домой. На что Шеба одобрительно пискнула и тут же предложила ему Сола.

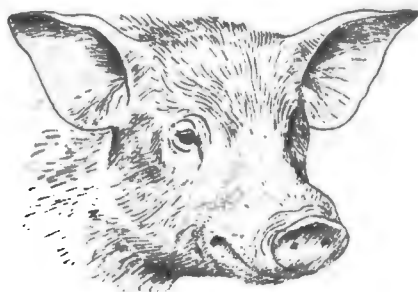
Но как Соломон поведет себя, когда Тимоти вернется в город? Это нас очень тревожило. Говорят, что животные иногда удивительно привязываются к детям. Совсем недавно нам рассказали про сиама Огестеса, который в первом своем доме наводил на всех ужас. Орал, крал, дрался с кошками, терроризировал собак. В конце концов его пришлось отдать даром — лишь бы кто-нибудь его взял. Однако у его новых владельцев была маленькая дочка, и Огестес влюбился в нее так, что родители, когда ее положили в больницу для удаления миндалин, опасались не за нее, а за Огестеса, который лежал без движения на ее кровати, говорил, что его сердце разбито, отказывался встать, отказывался есть и чуть было не умер. В конце концов ради него они при первой же возможности забрали девочку из больницы, и выздоравливала она в своей постели, где вместе с Огестесом ела мороженое и аррорут, а потом они вместе покинули кровать и, когда мы в последний раз о них слышали, жили очень счастливо.

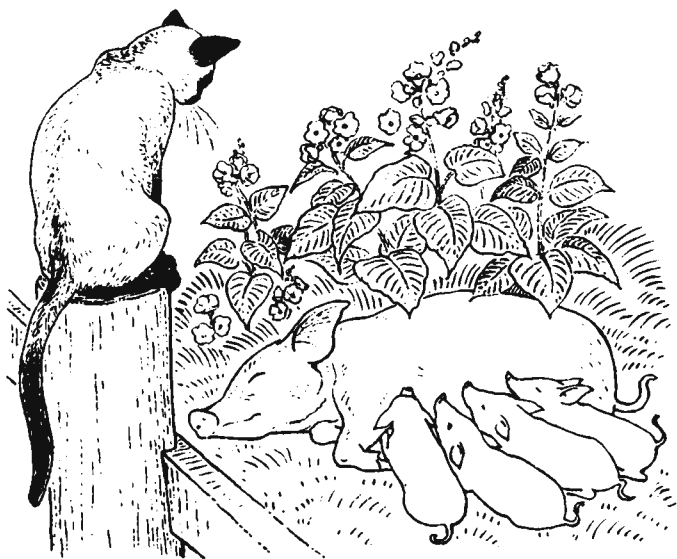
Но у Соломона же все будет по-другому! Даже если старик Адамс снова пригласит Тимоти, он вернется не раньше весны. Как, как, терзались мы, наш Сол справится, когда мальчик уедет?

Выяснилось, что превосходно. В первое утро Соломон сел у калитки, ожидая его. И сидел так, пока не заметил, что я в оранжерее пытаюсь выпустить синицу, которая каким-то образом там очутилась. И Тимоти вылетел у него из головы, пока он с энтузиазмом помогал мне ловить синицу, и остался забыт, когда я насильственно водворила его в дом под бешеные вопли и когда он сидел на окне, яростно ревя, что ему не дают быть Птицеловом.

На следующее утро он вновь показался мне грустившим — сидел на садовой стене, а рядом с ним безмолвно сидела Шеба — из сочувствия, решила я, поскольку и у нее должно же быть сердце. Я даже вышла утешить его. И

совершенно напрасно. Они в полном упоении следили за поросятами, которые вышли на соседний луг. Соломон обернулся ко мне поздороваться. «Я ведь знаю большую-пребольшую свинью, которая живет на ферме, — сказал он вне себя от возбуждения, а глаза у него были круглыми, как бутылочные крышечки. — *Так вот!!!* Она только что родила котят!»

Глава двенадцатая

ВСЕ БОЛЬШЕ О ГОСТЯХ

Наши кошки не любили зиму. Шеба, чья шерсть была не очень густой, жаловалась, что зима холодная. И о наступлении холодов у нас в доме узнавали не потому, что лопались трубы и чернели георгины, а потому, что Шеба садилась то у того, то у другого электрокамина, ожидая, когда их включат. Соломон же, чья шерсть была как у бобра и кровообращение, видимо, работало с подогревом, наоборот, стонал, что его держат взаперти, а он так любит гулять!

Да, его держали под замком — фигурально выражаясь и всего лишь в сравнении с его летним бродяжничеством — по трем причинам. Во-первых, холодная сырая погода считается опасной для сиамских кошек, и — как сказал старик Адамс в тот день, когда увидел, что Соломон сидит на ограде и следит за поросятами, — если мы не побережемся, он задницу застудит. Во-вторых, стоило задней двери постоять открытой около часа (а восточный ветер, врываясь в нее, резал как ножом), и Чарльз предлагал по-

звать его, пока мы сами чего-нибудь не застудили. И, в-третьих, гулять, когда темнело, ему было опасно из-за лисиц и барсуков.

Именно третье особенно ему досаждало. Соломону хотелось гулять именно в темноте, когда в лесу лают лисицы, а барсуки похрюкивают, взбираясь по тропинке к поляне выше по склону, где затевали игры.

Каждый вечер после ужина он обходил дозором окна. Слышите? Его голова негодуяще просовывалась между занавесок, так как с дуба доносилось меланхоличное уханье. Совы! Вот их люди выпускают погулять. Слышите? — стenal он, когда во мраке раздавался лисий зов. Лисицы! Вот их никто под замком не держит! Слышите? — умолял он, когда треск веток сообщал, что животные с полосатыми мордами неуклюже пробираются сквозь кусты. Барсуки! Все ясно: мы просто не хотим, чтобы он увидел барсука! И его голос становился пронзительно обиженным. Он был абсолютно прав. Зная его склонность всюду совать свою лапу, мы, как сказал Чарльз, не хотели, чтобы у нас по дому бродил кот на деревянной ноге.

Эти его вспышки и вечные жалобы Шебы, что у нее Замерзают Уши (что было правдой: как у большинства блюпойнтов, на них почти не было шерсти, и даже в двух шагах от камина они на глазах обрастали сосульками), ясно показывали отношение наших кошек к зиме, которое разделяли и кошки священника: едва наступили заморозки, они негодуяще вошли в дом, заявили, что в них течет сиамская кровь и именно теперь она дает о себе знать, после чего немедленно нырнули под пуховое одеяло.

Если на то пошло, то и священнику это время года было не по вкусу. Электроснабжение нашего конца деревни составляло желать лучшего, и зимой перед священником вставала коварная дилемма: включить отопление церкви — и жители начнут жаловаться, что у них погас свет; не включить — и органист начнет жаловаться, что клавиши органа западают от сырости. Проходя мимо окна его кабинета, можно было видеть, как он с далеко не пастырским выражением на лице пишет гневную эпистолу в управление по электроэнергии.

А нам зима нравилась. Надежда, как заметили некоторые люди, узнав, что мы взяли Самсона, горела в наших сердцах вечным огнем, и особенно жарко она вспыхивала с наступлением зимы. После долгой летней горячки мы предвкушали отдых — столь же безмятежный, как зимний сон Природы по поэтическому выражению Чарльза. Будем читать книги. Нежиться у камина. Приглашать в гости друзей.

Тот факт, что так никогда не случалось, что долгая летняя горячка сменялась еще более долгой зимней горячкой, мы хладнокровно игнорировали. Уж на этот раз, ежегодно твердили мы себе, все будет по-другому.

На этот раз сезон открыл Соломон в тот день, когда проглотил голову креветки. Празднуя начало сезона на свой тихий манер, мы пригласили на ужин друзей. Убедившись, что Соломон далеко — говоря точнее, он сидел на доске выше по склону холма, назначение которой было предупреждать, что тут начинается частная дорога, однако за время, пока он использовал ее как свою дозорную вышку, она так накренилась, что предупреждение уже никто прочесть не мог... Короче говоря, проверив это, я начала чистить креветки.

Ветер мне благоприятствовал, а Соломон, решила я, высматривает на горизонте Шебу. Вот тут-то я и допустила роковую ошибку. Высматривал Соломон как раз креветки. Я вышла ровно на две секунды — проверить, как накрыт стол, а когда вернулась в кухню, он пятился кругами, а в глотке у него прочно засела креветка. На чем безмятежный отдых в этот вечер и кончился.

Ужин задержался — наши гости приехали как раз вовремя, чтобы держать его, пока ветеринар извлекал голову, но едва этот маленький кризис завершился и чуть только мы расположились пить кофе, как Соломона тошнило. Не из-за креветки, но при воспоминании об упущенной возможности.

Когда у нас бывали гости, Соломона часто тошнило. И не потому, что ему нездоровилось. Просто в таких случаях он любил расположиться на бюро и следить за ними таинственным восточным взглядом. Некоторое время спустя, если не происходило ничего интересного — никто

ничего не ел, никто не выражал желания поиграть его мячиком для пинг-понга, он, заскучав, зевал. А зевал он, будучи Соломоном, естественно, с полной помпой. Глубокий, широкий, шумный зевок в квадратный фут, который неизбежно переходил границы его возможностей, — ну и вот. Его сташнивало. Обычно вниз на крышку бюро, и он зачарованно смотрел, как струйка сползает по выпуклости, и принимал нестерпимо обиженный вид, когда люди отворачивались.

Если его не тошнило, то нередко Шеба обкусывала для нас свои когти. Если мы были избавлены хотя бы от этого, Соломону непременно приспичивало воспользоваться своим ящиком. Невидимо, но, к несчастью, не неслышимо. Как бы громко мы ни говорили — а никакие фанфары с нами не потягались бы, когда мы замечали, что он исчезает в прихожей, — секунду спустя кто-нибудь да обязательно шурился на потолок и спрашивал, что это за странные звуки. И непременно кто-нибудь отвечал: «Ниагарский водопад».

Но не думайте, что только кошки бывали виноваты в том, что приключалось с нами, когда мы принимали гостей или бывали в гостях. Например, тот случай, когда Чарльз сломал кресло в чужом доме, — возложить ответственность за это на них возможным не представлялось. И винить наших хозяев тоже было нельзя. Они ведь в дружеской беседе просто упомянули, что купили это кресло неделю назад на дешевой распродаже за десять шиллингов — очень удачное приобретение, не так ли? И они были потрясены не меньше нас, когда сидевший в нем Чарльз ухватился за ручки и, испытывая его, уперся в спинку — прежде чем кто-нибудь успел рот раскрыть, раздался треск и сиденье провалилось.

Не были кошки виноваты и в том, что в тот вечер, когда те же люди навестили нас, Чарльз вздумал предложить им джина с лимонным соком.

Их вполне устраивал джин с тоником, а мы уже несколько месяцев не притрагивались к лимонному соку — с того самого дня, когда я плеснула его на стол и полировка облезла, а Чарльз испугался за свой желудок. Почему он

вдруг про него вспомнил, понять не могу, но вспомнил — и предложил гостям.

Как ни жаль, отправившись на кухню и обнаружив, что сок претерпел кое-какие изменения, он на этом не остановился, не объяснил просто, что сок у нас кончился, а притащил его в гостиную показать. «Сожалею, ребятки, но он чуть забродил, — сказал Чарльз, размахивая перед их изумленными глазами бутылкой, покрытой пылью и содержащей что-то вроде стайки давно скончавшихся рыбок. — Может, лучше обойдемся без него?»

Они не только обошлись, но, исподтишка поглядывая на остатки джина с тоником, а не плавает ли и там что-нибудь, вскоре вообще отправились домой.

Конечно, подобные вещи время от времени случаются со всеми. Наша соседка готовила для гостей крутоны с ветчиной, и у нее заклинило мясорубку. Она позвала мужа, а он справиться с мясорубкой не сумел и вышвырнул ее за дверь. Потому что, естественно, обозлился на нее, но объяснил, что, по его мнению, от удара о землю она могла работать. Ну, а мясорубка угодила в заросли крапивы, и, чтобы добраться до нее, надо было всю крапиву выкосить, на что времени не было, и соседка прибежала занять нашу. С нами хоть когда-нибудь такое случается, спросила она со слезами в голосе. Я достала мясорубку, смахнула с нее паутину и заверила, что да, случается — почти каждый день.

Собственно, подобное с нами случалось и когда мы не приглашали гостей — то есть в том смысле, что они собирались навестить нас, а мы увертывались. Время от времени так поступают буквально все — может быть, устав, может быть, сообразив, что по ошибке пригласили их не на тот день, а то и просто почувствовав, что подобное испытание выше их сил.

Вот так и произошло с Джонсами. Чарльз сам пригласил их провести у нас вечерок. Чарльз сам всякий раз, когда я выпускала стон по этому поводу, говорил, что пригласить их когда-нибудь мы должны, а если сядем за карты или еще что-нибудь придумаем, будет не так уж и плохо. И сам Чарльз в день, когда они должны были приехать, вдруг представил себе за чаем, как старина Джонс

излучает добродушие и орет так, что стены трясутся, а миссис Джонс жеманится и предлагает перекинуться в вист, — сам Чарльз заявил, что не вынесет этого. Во всяком случае, не сегодня! Ну, он не в силах! Ну, пусть на будущей неделе, но только не сегодня! Может, я позвоню, скажу, что он умер?

Меня бросало в жар и в холод, пока я объясняла, чувствуя, как они мысленно ловят меня на лжи, что, по-моему, у него разыгрывается насморк. Предлог, которым до меня наверняка пользовались миллионы раз, но, спорю на что угодно, это был единственный раз, когда на том конце провода меня заверили, что их это не пугает — они никогда ничем не заражаются и даже забыли, что такое насморк, а старине Чарльзу надо подбодриться, и пусть мы не беспокоимся — они сейчас выезжают.

В хорошенькое положеньице мы попали! Чарльз заявил, что потерял свое доброе имя. А я подумала (ведь звонила и ссылалась на насморк я), что потеряла свое. Стрелка на часах ползла и ползла к половине восьмого. И тут на меня снизошло озарение. Крайне удачное для ситуации. Чарльзу просто нужно как следует нюхнуть табака!

И сработало отлично, хотя мне и пришлось проследить, чтобы нюхал он добросовестно. К тому времени, когда явились Джонсы, распахнули окна, похлопали его по спине и сказали, что истосковались по хорошей партии в вист, он уже не тревожился за свое доброе имя. Его тревожила только мысль, не погубил ли он окончательно свой нос.

После этого зима текла достаточно спокойно. Насколько я помню, без заметных происшествий. Приезжали и уезжали друзья, играли в канасту, кошки сидели у них на коленях, мы беседовали о международном положении. Разве что тот вечер, когда кто-то отлучился в ванную и дергал, дергал, дергал... А в тот момент (к сожалению, акустика позволяла слышать дерганье в любом уголке коттеджа), когда мы имели обыкновение кричать в дверь, что надо не дергать, а потянуть посильнее и выждать, дверь гостинной отворилась и вошла наша гостья с совершенно пунцовым лицом, сжимая в руке цепочку. Оборвалась, объяснила она. И ничего удивительного в этом не было — спусковой меха-

низм нашего бачка постоянно заедало, и много лет люди дергали цепочку, словно звоня в набатный колокол.

Очень долго не случалось ничего выдающегося — до того вечера, когда мы поехали повидать друга Чарльза Аллистера, и Аллистер заинтересовал Чарльза йогой, Аллистер постоянно заинтересовывает Чарльза в чем-то. Когда-то, когда Соломон и Шеба были еще котятками, он заинтересовал его стрельбой из лука, и они чуть не пришибли малышей. Как-то он предложил убрать большой камень за коттеджем с помощью динамита. К счастью для коттеджа, идея эта дальнейшего развития не получила. И вот теперь — к несчастью для меня — йога!

Сам Аллистер йогой не занимался, а просто прочел книгу о ней. Чертовски интересную книгу, сказал он, и пока я его слушала, мне самой захотелось ее прочесть. И я не удивилась, когда Чарльз сказал, что возьмет ее в библиотеке. Напугалась же я — по опыту зная, к чему приводят внезапные увлечения Чарльза, — когда, несколько раз глубоко ее проштудировав, он объявил, что берется за йогу.

Я поговорила об этом с бабушкой, которая имеет на Чарльза большое влияние. Но она, внимательно послушав его с очками на кончике носа, только посоветовала ему продолжать. Крайне интересно, сказала она, во всем этом что-то есть. Чарльз, конечно, сумеет многое почерпнуть. Будь она помоложе, непременно занялась бы йогой.

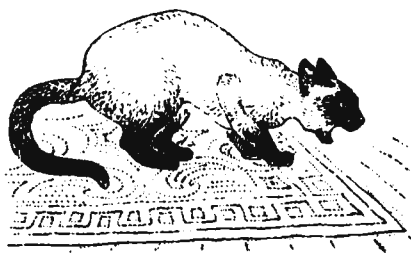
Вот так. Чарльз с бабушкиного благословения предавался медитациям по всему коттеджу и практиковал глубокое дыхание. Кошки важно восседали рядышком, тоже предавались медитациям и объявили, что у себя в Сиаме только этим и занимались. С минуты на минуту я ожидала, что увижу эту троицу в тюрбанах. Но тут меня вновь осенила идея.

Подобно табачной, ее породило отчаяние. Мы навестили друзей, которые тогда жили среди вересковых пустошей, и остались переночевать из-за скверной погоды. Чарльз блаженно повествовал о йоге — как она возвышает духовно... поднимает над всем материальным... вот он даже холода не чувствует. Что было удивительно, так как погода стояла минусовая.

Но я холод чувствовала. Когда мы отправились спать — без грелок, так как засиделись, а Чарльз сказал, что ввиду нечувствительности к холоду нам грелки и не нужны, — я совсем погибала. Часов около двух я выбралась из-под одеяла и накрыла его ковриками с пола, но разницы не было никакой. Я все равно погибала.

Чарльз, который, пока я вставала за ковриками, успел завернуться в кокон из трех четвертей одеяла, вновь сообщил мне, что не ощущает холода. Примат духа над материей, заверил он меня, со вкусом зарываясь носом в подушку. Мне тоже следует заняться йогой. Мне тоже следует прибегнуть к медитациям.

Я прибегла. Помедитировав, я ухватила рукой за столбик кровати, старомодный, латунный, и выждала, пока рука не заледенела. А далее нежно ввинтилась в кокон в поисках Чарльза и с любовью прижала ладонь к его спине. Раздался громкий мучительный вопль... И Чарльз перестал интересоваться йогой.

Глава тринадцатая

ПАЯЛЬНИКОМ И ЛОМОМ

В ту зиму бабушка потеряла Лору, своего попугая. Бедняжка, по утверждению бабушки, не выдержала, когда в окно на нее посмотрел угольщик.

Все остальные называли причиной старость. Насколько помнили родные и близкие, Лора прожила у бабушки тридцать лет и попала к ней, уже переменив нескольких хозяев. Бабушка купила ее в пивной, исходя из убеждения, что попугаи в питейных заведениях (или, сказала она, приобретенные у матроса, если повезет) обязательно умеют разговаривать. И оставила ее у себя, даже когда выяснилось, что она — принципиальная молчальница, исключая сумасшедших воплей в часы еды. Бабушка объяснила, что грех держать птиц в злых местах и вернуть ее ей не позволяет совесть.

И вот, после кое-какого финансового урегулирования (бабушка, как она сама сказала бывшему владельцу, совсем не дура), Лора счастливо прожила у нее тридцать лет.

А потом несколько месяцев чахла, теряла перья, начала хрипло покашливать. Когда мы напоминали бабушке об этих последних месяцах, о том, как тетя Луиза начала подливать виски ей в воду и привязывать грелку к клетке, а Лора все слабела и слабела, бабушка отвечала — вздор! Лора всегда страдала бронхитом зимой, заявляла бабушка. Ну, а виски Луиза в ее воду всегда подливала (в ее, а не в свою, уточняли мы в присутствии посторонних ради сохранения репутации тети Луизы), и нечего нам спорить! Она же собственными глазами видела в окне толстую черную физиономию угольщика, бедняжка Лора перепугалась и вот — умерла.

Умереть она, бесспорно, умерла, и сделать мы ничего не могли — только договорились с другим угольщиком и предложили подыскать ей другого попугая. После чего (общение с бабушкой иногда требовало много сил) Чарльз и я свалились с гриппом.

Вначале, пока болел Чарльз, было еще терпимо. Хотя, по злосчастному стечению обстоятельств, в первый день его болезни мне пришлось поехать в город. Кошки, которые, когда я их оставила, радостно восседали у него на груди, наслаждаясь высокой температурой (в первый раз за всю зиму она Согрелась, сообщила Шеба), теперь огорченно ждали меня на окне прихожей. Чарльз их не покормил, пожаловался Соломон, негодуя взирая на меня сквозь стекло. Чарльз стонет, сообщила Шеба, и они спустились вниз, потому что терпеть такое невозможно.

Чарльз Их Не Выпустил, орал Соломон, считавший, что человек даже с двухсторонней пневмонией остается дома исключительно для того, чтобы весь день то выпускать их, то впускать обратно. Да и Чарльз тоже не был солнечным лучиком в доме. Когда я поднялась к нему, он сказал только (видимо, чтобы следователю легче было установить причину его смерти), что в три часа измерил температуру — тридцать восемь и девять!

Чарльз пролежал так три дня, героически кончаясь. По большей части согнув ноги в коленях, так как Шеба решила, что самое теплое местечко в доме — на кровати в уютной пещерке под коленями Чарльза, если он окажет

ей любезность и согнет их. Слабым го́лосом он требовал еще пищи — не из-за того, что успел проголодаться, но просто к тому времени, когда он набирался достаточно сил, чтобы взяться за супчик или вареную камбалу, Соломон, не разделявший сентиментальные взгляды на братьев наших меньших, успевал все подчистить. А когда я спрашивала, как он себя чувствует, отвечал, что очень слабым, очень-очень слабым.

Однако настоящее веселье началось в понедельник, когда Чарльз пошел на поправку, а я слегла. То есть мне весело не было. У меня тоже был жар, и моему бедному затуманенному гриппом сознанию мерещилось, что вокруг разыгрывается символическая пьеса, из тех, в которых персонажи все время входят и выходят.

Вначале кошки. Они вошли с округлившимися от удивления глазами: что это я затеяла и когда встану? Лежу в кровати вместо Чарльза, сказала Шеба с упреком, а ведь знаю же, как она любит спать у него под коленями. Затем Чарльз — узнать, не вскипятить ли ему чай? Затем снова кошки. Чарльз, видимо, решил, что шансов на то, что чаем займусь я, нет никаких, и он, доложили они, без толку возится на кухне, а им завтрака еще не дал. Затем внизу гневно взвыл Соломон, ринулся, громко ворча себе под нос, к ящику с землей в свободной комнате, а затем эффектно возник в дверях и доложил (даже когда я лежала в постели, мирок Соломона находился на моей ответственности), что Чарльз не сменил землю! Чарльз не выпускает его наружу, и, если я немедленно не приму меры, он за дальнейшее не ручается.

Тут я собралась с силами и воплем оповестила Чарльза что и как. Кошки были выпущены. Я получила свою чашку чая. Чарльз, раскрасневшись от такого успеха, объявил, что теперь займется приготовлением завтрака, и воцарились мир и тишина — если не считать монотонного поскрипывания и *БАМ!* двери гостиной всякий раз, когда он проходил через нее. А зачем ему нужно было проходить через нее раз-пятьдесят каждую минуту, я не понимала.

Это продолжалось минут пять, а затем Чарльз снизу крикнул, что почтовый фургон еще не подъезжал, и не забрать ли ему Соломона в дом — после чего я могла развлекаться, слушая, как Чарльз в саду зовет Соломона. Вскоре затем послышался звук подноса, поставленного на столик в прихожей. Ага, завтрак! При этой мысли я ощутила лютый голод. Но нет! На этом этапе Чарльз вернулся в сад звать Соломона.

Потребовалось двадцать минут, чтобы Соломон был обретен, а поднос водворился на мою постель. После этого оказалось, что поджаренный хлеб совсем ледяной. Странно, заметил Чарльз, он положил его на тарелку совсем горячим. Чай был тоже холодным. Даже холоднее хлеба. Я начала расспрашивать Чарльза и выяснила, что он налил его мне тогда же, когда и себе, час назад. Ради одной чашки не стоило заваривать его еще раз.

Опущу дальнейшие подробности этого утра и продолжу с прихода священника, который заглянул узнать, не может ли он купить для нас что-нибудь в городе. Да, ответила я с благодарностью через посредничество Чарльза, кролика для кошек. Чарльз снова поднимается спросить, большого кролика или не очень; Чарльз поднимается через десять минут спросить, не сплю ли я и как насчет кофе. А в промежутках торжественно, как хор в греческих трагедиях, входят кошки осведомиться, все ли я еще валяюсь в постели — им не понравилось то, чем их кормил на завтрак Чарльз, и Чарльз опять их не выпускает.

Тут подошло время обеда. Но Чарльзу не понадобилось спрашивать меня как и что. Прежде чем у него отвалились ноги, я встала и сама занялась обедом.

Дальнейшее, естественно, было неизбежно: после таких трудов у Чарльза произошел рецидив. К вечеру он уже лежал в постели, а я, пошатываясь, носила ему чашки с чаем. И к вечеру же (отрицать этого нельзя — Сидни сказал, что его и в саду слышно) у Чарльза начался кашель. И тут уж, как сказала Шеба, вновь устроившаяся в своей уютной пещерке под коленями Чарльза, пока Соломон упорно восседал у него на груди и при каждом пароксизме его швыряло из стороны в сторону, как матроса на палубе

парусника в бурю, — тут уж не нужно было спрашивать, кто в доме самый больной. Естественно, Чарльз.

Со временем он, конечно, выздоровел. К концу недели, когда грипп бушевал уже по всей деревне, а наши кошки сидели на ограде и радостно оповещали прохожих, что мы были первые, первые, Чарльз (если не считать кашля) был вполне бодр и полон энергии. Вот почему в ожидании полного выздоровления нас дернуло заняться прадедушкиными часами.

Возможно, вы помните эти напольные часы. Те, что в прихожей — еще Шеба забиралась наверх, а Соломон то и дело открывал дверцу и наблюдал, как они тикают. Потом мы выбрали к ним ключ, и на время воцарился мир. Шеба даже перестала посиживать на них: неинтересно, сказала она, если старый Брюхан не копошится внизу.

Потом в один прекрасный день ключ сломался в замке, и мы вернулись на круги своя: Шеба красуется на часах, Соломон свешивается в дверцу и зачарованно следит за маятником. Он теперь прибавил в росте, а может, стал сильнее. И однажды, вернувшись вечером домой, открыли дверь в прихожую, к нам навстречу вышел небрежной походкой один Соломон. У меня просто сердце остановилось. Шебы нигде не видно, дверца часов распахнута, и — меня сразу оглушила тишина — они не тикают...

Я не решалась заглянуть в них, настолько была уверена, что Шеба лежит там, расплющенная гирей: то ли Соломон из любознательности столкнул ее, то ли она, как часто проделывала, когда никто не смотрел, сама с любопытством посмотрела туда и не удержалась на краю.

Но как оказалось, Шеба спала у нас на кровати. Примерзла к одеялу, объяснила она, когда несколько минут спустя я обнаружила ее там и с облегчением прижала к груди. Вот почему она не спустилась, и от меня будет гораздо больше толку, если я принесу ей грелку. А часы остановил Соломон. Хотите покажу как, возбужденно предложил он, едва я толкнула маятник. Став на худые задние ноги, он открыл дверцу, протянул длинную темную лапу и ткнул маятник. До чего же он умный, сказал он.

После этой легкой паники мы вновь начали завязывать дверцу веревкой, когда уходили. И к лучшему. Как-то вечером, вернувшись, мы увидели, что часы опять стоят. И на этот раз, открыв дверцу, обнаружили, что одна из гирь таки сорвалась. Кетгут лопнул, и она лежала на дне футляра.

И вот, выздоравливая после гриппа, мы решили, что это самое подходящее время подвесить ее. Неторопливо, раздумчиво, располагая, как сказал Чарльз, достаточным временем, чтобы оценить то, как работали старинные мастера.

С напольными часами старинные мастера, как мы обнаружили, взявшись за наши, работали так: подвешивали гири на кетгут, концы завязывали узлами внутри полых шестерней, а затем закрепляли циферблат перед ними так прочно, что нам не удавалось его снять.

Мы пустили в ход все подручные инструменты, кроме лома, но ничего не получалось. Мы уже дошли до того, что были готовы попрыгать на циферблате, но тут старик Адамс зашел нас проведать и сообщил, что новый кетгут вдевают не так. Для этого не снимают стрелки, не разбирают по полу маятник, гири и части футляра, а просто вытаскивают, если нужно, проволочкой, но циферблата ни в коем случае не снимая, вот через эти махонькие дырочки...

В конце концов мы своего добились. Что до этого Чарльз наговорил про старинных мастеров и эти махонькие дырочки, наверняка обожгло им уши и на расстоянии в сто двадцать лет... но мы своего добились! Мы даже вновь более или менее собрали часы, и они даже пошли. Но до нынешнего дня нам не удалось водворить на место секундную стрелку. Она погнулась, когда мы ее снимали, и как мы ни выпрямляли ее молотком, она упрямо цеплялась за другие стрелки, и часы останавливались.

Несколько дней мы просто с ума сходили, потому что, какие бы меры мы ни принимали, часы упорно били на полчаса раньше — например, пять раз в половине пятого или двенадцать раз в половине двенадцатого ночи, что даже для такого быта, как наш, было чуточку чересчур.

В конце концов мы разобрались, в чем заключалась причина. Минутную стрелку мы установили вверх ногами. Открытие этого до того нас восхитило, что мы забыли все злоключения, которые перенесли, подвешивая одну простую гирию на простой кусок кетгута, и повсюду хвастали, какие мы часовых дел мастера. Вот почему недели две спустя, когда бабушка отломила стрелку своего будильника, она попросила нас, знатоков, починить стрелку.

То, что мы проделывали с нашими часами, как на днях заметил Чарльз, не шло ни в какое сравнение с тем, что мы натворили с бабушкиным будильником. Нечаянно, разумеется. Начать с того, что у него отсутствовало стекло, которого он лишился в то утро, когда зазвонил, по мнению бабушки, слишком рано и она смахнула его на пол. А стрелка сломалась в другой раз, когда она сунула будильник под одеяло, чтобы заглушить трезвон, и стрелка зацепилась за подушку. Требовалось, как заверил Чарльз бабушку, только чуть-чуть дотронуться до нее паяльником — и дело с концом.

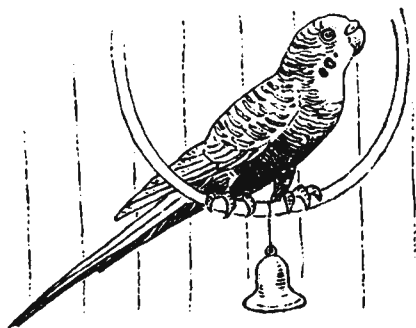
Беда была лишь в том, что мы плохо умели пользоваться паяльником.

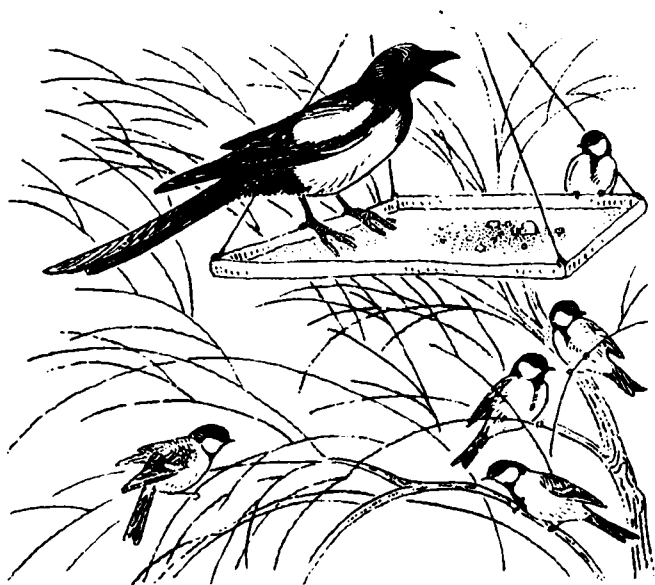
По меньшей мере четыре раза мы припаивали стрелку (Чарльз каждый раз восклицал: «Удалось!») и тут же выясняли, что припаяна она ко второй стрелке и движутся они вместе. А когда наконец мы все-таки припаяли ее на место, оказалось, что благодаря нашим усилиям средняя часть циферблата, которую оббегают стрелки, сильно опалена паяльником.

Мы покрасили (вернее, Чарльз покрасил в качестве семейного художника) этот круг алюминиевой краской. В результате остальная часть циферблата обрела замызганный вид, и он выкрасил ее зеленой краской. И тут же обнаружил, что, увлекшись, закрасил цифры, а потому едва зеленая краска высохла, как он нанес новые цифры красной краской. Но, вырисовывая двенадцать, нечаянно задел кисточкой минутную стрелку, которая, припаянная чуть-чуть, тут же опять отвалилась. А когда мы ее снова припаяли, круг алюминиевой краски вновь подпалился, и краска в довершение всего потрескалась.

Чарльз был готов начать все сначала, но у меня внутри тоже что-то треснуло, и мы вернули будильник бабушке опаленным. Стрелка, во всяком случае, припаяна, сказала я прежде, чем она успела открыть рот.

Впрочем, бабушка была слишком ошеломлена и, глядя неверящим взором на хамелеонообразный циферблат, смогла только подтвердить: да, припаяна.

Глава четырнадцатая **В СУМАСШЕДШЕМ ДОМЕ**

На исходе марта в долину пришла весна. Чтобы определить это, потребовался бы специалист. Чарльз все еще кашлял. Сидни все еще кутал шею в шарф. Старик Адамс все еще каждое утро вышагивал мимо коттеджа в вязаном шлеме, который заметно увеличивал его глухоту, но зато — как однажды он объяснил священнику у вершины холма (а мы услышали) — защищал от мороза его ушные дырки.

Но кошки знали, что она пришла. Еще неделю назад на земле лежал снег, и отыскивать их по утрам было проще простого. Аккуратная линия следочков, ведущая от задней двери к ближайшей парниковой раме — их оставила Шеба. Уши прижаты, шерсть вздыблена, точно шуба мехом наружу, задняя лапа скребет среди всходов горошка — и назад в дом.

След, петляющий среди снежных просторов, точно оставленный путешественником, заблудившимся в Антарктиде — остановка для обследования куста, крюк, чтобы

заглянуть в оранжерею, зигзаги на дорожке, завершенные замерзшей лужей, — этот след оставил Соломон. Сам он с интересом сидел на льду и слушал, как лед потрескивает.

А когда мы забирали их в дом, начиналась обычная демонстрация протеста из-за птичьей кормушки. Снаружи корольки и синицы радостно клевали в снегу, а внутри Соломон и Шеба распевали воинственные песни на подоконнике. А однажды мы стали свидетелями происшествия — одного из тех, сказал Чарльз, которые иногда ниспосылаются любителям природы вроде нас.

Как-то утром кошки в самый разгар пронзительных объяснений по адресу птичек, какая судьба их ждет, попадись они к ним в лапы (и никаких шкурок от грудинки, добавил Соломон, испепеляя взглядом дрозда, своего давнего врага), внезапно умолкли. Мы поспешили выяснить, что еще стряслось, поскольку в доме с сиамскими кошками тишина всегда чревата бедами, и действительно, Шеба пряталась за занавеской, от Соломона виднелись только уши, торчавшие над подоконником наподобие двух перископов, а за окном сороки устроили грабеж.

Взад и вперед они летали между кормушкой и лесом, большие черно-белые крылья мелькали так стремительно, что казалось, будто — как сказал из-под подоконника Соломон тихим, совсем не соломоновским голосом — их там сотни и сотни, и очень хорошо, что мы укрыты в доме. Самое интересное, что их на самом деле было всего две. Работавших, по словам Чарльза, а он в этих вещах разбирается, в Точном и Быстром Ритме. Одна отгоняла остальных птиц и бросала куски у калитки, а другая (конечно, девочка, заявила Шеба из-за занавески, потому что всю работу всегда делают девочки, а этот у кормушки просто лентяй вроде Соломона) — другая деловито уносила их в лес.

Но теперь внезапно наступила весна: Шеба сидит на крыше коттеджа и отказывается слезать (оттуда ей видны все мышиные норки на много миль вокруг, а воздух там чудесный!), Соломон гоняется за рыжим котом, а на пасхальные каникулы приезжает Тимоти.

Впрочем, и дальше наш путь отнюдь не был усыпан одними розами. В тот же вечер, разыскивая двух кошечек, которые теперь желали гулять и в Начале и в Конце Дня, мы увидели, как рыжий кот гоняется за Соломоном, а Тимоти (видимо, чтобы согреть свои ушные дырки) разгуливает в мотоциклетном шлеме.

Шлем, заметил Чарльз, не слишком украшал интерьер коттеджа, да и самого Тимоти, но он наотрез отказался снять свой головной убор. И, возобновив знакомство с Соломоном и с нами, Тимоти практически перестал заглядывать к себе домой. Шеба на ограде усердно ставила прохожих в известность, что Он Не Наш, а Соломон восторженно следовал за ним по пятам, превратившись в космического кота. А Тимоти осуществлял на лужайке приземления с Марса... Ну, просто душа радовалась, до того малыш к нам прилепился, верно? Старик Адамс по дороге в «Розу и Корону» сиял благодушной улыбкой кавардак на лужайке. Его-то душе почему бы и не радоваться!

Ему-то люди не говорили, что у его мальчика вот-вот брюки упадут. Ему-то люди не говорили, что его мальчик называл их очень грубыми словами на дороге или подначивал кошку с длинной темной мордой разгуливать по капоту их машины. Ему-то люди не говорили, что шлем очень вреден для ушей его мальчика — а мальчик очень реалистично изображал рвотные спазмы и показывал язык. Все считали, что это наш мальчик.

Еще можно было бы терпеть, если бы он ценил наше отношение. Куда там! Он ходил за Чарльзом и со жгучим презрением сообщал, что ему в жисть не вырастить такой капусты, как у дедушки. Мне он тоном знатока объяснил, что мои грабли никуда не годятся. Сломаются, если малыш Чарли не вобьет в них пару гвоздиков, сказал он. А когда чуть позже грабли и правда соскочили с палки и я попыталась небрежно пройти мимо, спрятав их в ведре, отвратил ли Тимоти свой взгляд как истый джентльмен, проигнорировал ли он этот факт? Еще чего! Говорено же тебе было, верно? Вот что он сказал.

Единственным его достоинством был интерес к природе, но и это приводило к осложнениям. Они не замедлили

возникнуть, когда я научила его различать птиц, а Чарльз рассказал, как они вьют гнездо, и беспечно упомянул, что мальчиком собрал коллекцию яиц. Тимоти тут же захотел обзавестись коллекцией.

Тщетно я его отговаривала. Он твердил (и вид у Чарльза был достойно виноватым), что у малыша Чарли она же была! Жребий был брошен, и мне удалось только поставить строжайшие условия — гнезд не портить, птичек не вспугивать, брать не больше одного яичка и лишь если их в гнезде уже три. И вообще, твердо объявила я, все это разрешается, только если он хочет стать Натуралистом.

Хочет, хочет, заверил он нас. Как выяснилось, на деловой основе: когда я в следующий раз спросила про коллекцию, он ответил, что у него уже есть шесть яичек овсянки. По одному из каждого гнезда, заверил он меня, когда я схватилась за голову и застонала. Так ведь их тут очень много, и если он выменяет одно на лишнее яйцо куропатки, которое найдется у кого-то, ему же тогда не надо будет лезть в гнездо к куропатке, верно?

К тому же, надеялась я, скрепя сердце благословив его план, это помешает Тимоти свалиться в пруд, о чем Чарльз, предаваясь ностальгическим воспоминаниям о своем детстве, не подумал.

И прищипориваемый книгой о птицах, которую он вынул у старика Адамса купить ему, Тимоти принялся заимствовать нашу приставную лестницу, чтобы добраться до гнезд, которые обнаруживал возле дороги или в лесу. А это означало, что Чарльз или я (разумеется, в сопровождении Соломона и — на укоризненном расстоянии — Шебы) должны были идти с ним держать лестницу и следить, чтобы он не сломал себе шею.

Само по себе это было еще не так скверно, поскольку происходило возле того конца деревни, где нас все равно уже давно считали свихнутыми. Но однажды Тимоти явился вне себя от возбуждения — он нашел гнездо дубоноса! Возле церкви, сказал он. На довольно высоком боярышнике, из чего следовало, что понадобится лестница. А ветки колючие, так можно он возьмет секатор?

В эту экспедицию мы отправились все. Втянули и меня — боярышник — вещь рискованная, — чтобы я держала лестницу. Я приняла это не особенно близко к сердцу, хотя мне и стало чуточку не по себе, когда мы добрались до церкви и выяснилось, что Тимоти несколько уклонился от истины. Оно, объяснил он, не совсем здесь, а немножко дальше по дороге.

Я угадала, что меня ожидает, — и не ошиблась. По дороге движется процессия. Я делаю вид, будто всегда гуляю, держа задний конец приставной лестницы. Тимоти в мотоциклетном шлеме. Кошки упоенно вышагивают в арьергарде. Люди, указала я, уже на нас поглядывают, что оставило Чарльза абсолютно равнодушным. Он, вновь переживая золотые дни юности, тоже к этому времени стал Натуралистом.

— Не обращай внимания, — посоветовал он.

Вот так мы добрались до дерева, и сбылись мои худшие страхи: оно не росло в укромном уголке рощицы, а нависало прямо над дорогой. И я стояла, держа лестницу, пока Чарльз подстригал ветки, Тимоти сбоку давал руководящие указания, а кошки красовались на верхней перекладине.

А тем временем мимо прошла решительно вся деревня. Доктор — громко хохоча, старушки — поднимая брови, Сидни — постукивая себя по лбу. Мне нетрудно было вообразить, что о нас говорят сейчас в деревне, но Чарльза это не трогало. То есть пока он не спустился на землю (в гнезде ничего не оказалось, и было оно опять-таки гнездом овсянки) и не выслушал Тимоти, который только сейчас вспомнил, что вчера священник провел беседу о разорении гнезд. Так не лучше ли нам вернуться через луга, пока никто ничего не заметил, намекнул он.

А весна, несмотря на этот инцидент, все наступала и наступала. Под стрехами вили гнезда скворцы, и Соломон, пытаясь влезть по стене и посмотреть, что там и как, сорвался и повредил ногу. Я наготовила вина из одуванчиков, оно привлекло всех муравьев в округе, и они принялись напиваться допьяна в оранжерее. У кошек священника началась весенняя экзема, и они смущенно расха-

живали, шеголяя фиолетовыми ушами — наши насмерть перепугались, увидя их. Они подумали, что это боевая раскраска древних британцев, объяснили они.

Мы начали совершать прогулки после ужина — по деревне в теплых весенних сумерках, — кошки Очень Дружески здоровались с людьми, которых не видели всю зиму, а люди пугливо оглядывались. На несколько дней мы уехали к морю, чтобы поднабраться сил к лету, и в том, что ручка корзины Соломона отвалилась, когда мы отвозили его в Холстон, также сказалось время года: жуки-точильщики на весенних маневрах в крышке — единственной части корзины, не слишком пострадавшей от Соломона.

И наконец — именно то, что могло бесповоротно убедить нас в наступлении весны, — вернулся Тарзан, черепаха.

В один прекрасный день он появился столь же магически, как прежде исчез, — прибрел по дорожке, поощряемый парой взволнованных лап. Он вроде бы исхудал, сообщил Соломон, который при виде нас припал к земле и озабоченно заглянул под панцирь. Может, угостить его кроликом? Нашла его в гараже, сказала Шеба Чарльзу, сияя гордостью. Под кучей соломы, которую она много дней держала под наблюдением, она ужасно умная, правда?

Бесспорно. Как и Чарльз, попозже сообразивший нарисовать на спине Тарзана подобие мишени под цвет коттеджа. Белое — это стены, напевал он, украшая бурый панцирь аккуратным белым кругом. Голубое — двери, добавил он, нанося голубой кружок в центре белого круга под восхищенными взглядами Тимоти и кошек. «Теперь, — объявил он, — мы уже никогда не потеряем Тарзана. Сразу обнаружим, куда бы он ни уполз. Даже если он выберется за ограду и пустится странствовать по деревне, все будут знать, что он принадлежит нам».

Вот так, незатейливо, мы вступили в новую фазу нашей весенней саги. Посетители долины все равно в те дни ахали, натываясь в верхнем ее конце на Харди и Уиллис во всем великолепии фиолетовых усов. Один такой посе-

титель как-то повернул за угол и наткнулся на Тимоти в мотоциклетном шлеме, на бело-голубую черепаху, на Соломона, который обеспокоенно заглядывал под панцирь, так как Тарзан остановился перевести дух, на Шебу, которая шла несколько позади и вопила, что все они ужасно глупые и Им Лучше Сейчас Же Вернуться Домой... Бедняга даже подпрыгнул от неожиданности и совсем побелел.

«Это, — сказал сопровождавший его наш сосед, — те, которые «Кошки в доме». Гость утер вспотевший лоб. «В сумасшедшем доме, не иначе», — сказал он слабым голосом.

Глава пятнадцатая

КОШКИ В МАЕ

В долине сейчас царит май. Птицы поют, цветет сирень; Соломон и Шеба линяют, и (судя по муравьям в теплице) наше вино из одуванчиков не оставляет желать ничего лучшего.

Тимоти по-прежнему с нами. Фред Ферри так ничего и не взыскал со старика Адамса. В последнюю минуту они, наоборот, сплотились в вопросе о праве прохода через какой-то застраиваемый участок. Фред Ферри говорит, что ясно помнит, как проходил там, когда ухаживал за своей будущей женой... Старик Адамс говорит, что тоже ясно помнит, да и вяз там как рос, так и растет... Их сентиментальный тон наводит меня на подозрения, что они все это сочиняют, тем более что в случае, если они преуспеют в своих притязаниях, — это приведет, по утверждению старика Адамса, к результату, уникальному даже для здешних мест — к пешеходной тропе, проходящей прямехонько через жилой дом. Ну, а поскольку нет ничего лучше хорошей

драки, чтобы привести его в радужное настроение, он договорился, что оставит Тимоти у себя на все лето.

«Мальчишке это очень на пользу пойдет, — объяснил он, сообщая нам радостную новость, — малый ведь много хлопот нам не причиняет?»

Сейчас мы отдыхаем после суматохи на лужайке. Чарльз как раз вернулся с луга, где два часа искал скаутский ножик Тимоти, который они, то есть Тимоти и Соломон, потеряли, пока были натуралистами. Подбрасывали его вверх, рыдал Тимоти, а тут пролетела галка, они на нее засмотрелись, а ножик пропал.

Я, благодаря рвению Тимоти стать натуралистом, оказалась теперь мамочкой ласточки. Птенчика, которому всего несколько дней, — Тимоти нашел его как-то вечером на дороге у стены амбара и притащил мне, чтобы я помогла птичке. Я сослалась на то, что не знаю, чем его кормить, но без толку.

— Мух ловите на лету, — рекомендовал Тимоти важно, ни секунды не задумываясь над тем, какое получилось бы зрелище, последуй мы его совету, — Чарльз, я и кошки ловим мух на лужайке!

Однако птеник прекрасно себя чувствует, питаюсь крошенным вареным яйцом и сухарными крошками. Кормить его, естественно, надо каждый час, и днем я вынуждена брать его с собой в город. Но какое дело до этого Тимоти? Или моим сослуживцам, которые, весело вспоминая Блондена, с удовольствием наблюдают, как он ест, цепляясь за мое платье на груди, заглядывая мне в рот и с апломбом разевая клюв, чтобы получить порцию яйца со спички.

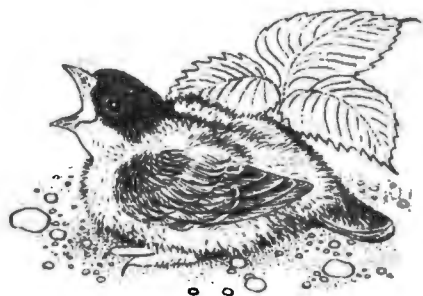
Дома он живет в ванной. Вот почему Шеба сейчас сидит на подоконнике окна ванной и жалостно упрашивает нас открыть его. Ей пить хочется, говорит она и вопит так отчаянно, что уже жена священника заглянула спросить, не Больна ли она. Ей так пить хочется, что она совсем не может говорить, а мы же знаем, знаем, что она любит пить из умывальника.

Но, как заявляет Тимоти, мы же хотим, чтобы ласточка выросла, верно? И улетела бы, если верить его книге о птицах, в Африку, когда настанет осень. И вернулась бы в

будущем году свить гнездо под нашими стрехами вместо скворцов? И навсегда превратилась бы в обузу, уныло думаю я. Будет швырять своих птенчиков вниз, чтобы я их растила. И уж конечно, все они заобожают варенные яйца.

Сказать это вслух я, разумеется, не решаюсь. Мы все теперь такие завзятые натуралисты. Соломон, когда я оставила сегодня утром на кухне курицу, совсем готовую для духовки, а он, молниеносно поглядев через плечо, уволок ее во двор, был оскорблен в лучших чувствах, едва я намекнула, что он ее украл. Она в обморок упала, заверил он меня скорбно. И он вынес ее подышать Свежим Воздухом.

А сейчас Соломон лежит в шезлонге и в ожидании ужина бьет пролетающих комаров, хотя, боюсь, не ради птенчика. Нам пора кончить эту писанину, говорит он... И возможно, он прав. Кто, если им рассказать, будет и дальше верить нашим историям? Тому, например, как мы, по настоянию Тимоти, подыскивали подругу для Тарзана... и тому, что из этого вышло. В любом случае Соломон устал, а вы знаете, кто на самом-то деле написал эту книгу? Не я, если судить по выражению на его морде. А крупный кот силпойнт.

ОГЛАВЛЕНИЕ

КОШКИ В ДОМЕ

<i>Глава первая.</i> А мышей она ловить может?	7
<i>Глава вторая.</i> Дщерь Цезаря	14
<i>Глава третья.</i> Помогите! Похитили!	22
<i>Глава четвертая.</i> Безобразия в долине	30
<i>Глава пятая.</i> Безобразия повсюду	38
<i>Глава шестая.</i> Входят четыре гладиатора	46
<i>Глава седьмая.</i> Соломон Великий	54
<i>Глава восьмая.</i> Ушемление церковного органа	63
<i>Глава девятая.</i> Называйте меня Гайаватой	71
<i>Глава десятая.</i> Победитель великанов	80
<i>Глава одиннадцатая.</i> В когтях землеройки	89
<i>Глава двенадцатая.</i> Смерть мехового мантио	97
<i>Глава тринадцатая.</i> Шейх Соломон	106
<i>Глава четырнадцатая.</i> Великая загадка фазана	114
<i>Глава пятнадцатая.</i> Роман Соломона	122
<i>Глава шестнадцатая.</i> Треволнения трех лет	129

КОШКИ В МАЕ

<i>Глава первая.</i> А вы видели его по телевизору?	139
<i>Глава вторая.</i> Даешь трубы	146
<i>Глава третья.</i> Причина причин	155
<i>Глава четвертая.</i> Блонден	163
<i>Глава пятая.</i> История белки	171
<i>Глава шестая.</i> Злоключения Сидни	179
<i>Глава седьмая.</i> В Испанию	187
<i>Глава восьмая.</i> Пожар! Пожар!	195
<i>Глава девятая.</i> Великая сямская революция	203
<i>Глава десятая.</i> Поражение Самсона	211
<i>Глава одиннадцатая.</i> Тимоти, друг Соломона	220
<i>Глава двенадцатая.</i> Все больше о гостях	228
<i>Глава тринадцатая.</i> Паяльником и ломом	236
<i>Глава четырнадцатая.</i> В сумасшедшем доме	244
<i>Глава пятнадцатая.</i> Кошки в мае	251

К ЧИТАТЕЛЯМ!

*Издательство просит отзывы об этой книге
присылать по адресу:
127018, Москва, ул. Суцевский вал, д. 49
Издательство «Дрофа»
Телефон редакции: (095) 795-05-43*

*Оптово-розничную продажу книг производят:
Торговый дом «Школьник»
Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А
(м. «Таганская», радиальная)
Тел.: (095) 912-15-16, 911-70-24, 912-45-76
Магазин «Переплетные птицы»
Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1
Тел.: (095) 912-45-76*

Тови Дорин

Т 50 Кошки в доме: Кошки в доме; Кошки в мае / Пер. с англ. И. Гуровой; Худож. О. Келейникова. — М.: Дрофа, 2003. — 256 с.: ил. — (Зеленая серия).

ISBN 5-7107-6614-3

Кошки — удивительные и загадочные существа, независимые, дружелюбные, гордые. Англичанка Дорин Тови влюбилась в них однажды — и навсегда. Она относится к своим любимцам как к существам мыслящим, имеющим право на личную жизнь и собственное мнение. Тонкий юмор, необыкновенная трогательность и художественные достоинства сближают эту книгу с лучшими произведениями Д. Даррелла и Дж. Хэрриота.

**УДК 82-311.8(02)
ББК 84(4Вел)-44я5**

РЕДАКЦИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Литературно-художественное издание

Зеленая серия

Дорин Тови

КОШКИ В ДОМЕ

**Кошки в доме
Кошки в мае**

Заведующий редакцией
Е. В. Туинов
Ответственный редактор
Л. В. Лобанова
Художественный редактор
Э. А. Смирнов
Технический редактор
И. В. Грибкова
Компьютерная верстка
Т. Г. Савина
Корректор
Т. С. Дмитриева

Подписано в печать 30.09.02. Формат 84х108¹/₃₂.
Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 13,44. Тираж 7000 экз. Заказ № 4210236.

ООО «Дрофа»
127018, Москва, ул. Сушеvский вал, 49
Изд. лицензия № 061622 от 07.10.97

**По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа» обращаться по адресу:**
127018, Москва, ул. Сушеvский вал, 49
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ФГУИПП «Нижеполиграф».
603006, г. Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

Сиамка, которую словно бы только что подсинили, производит ошеломляющее впечатление, и мне почудилось, будто я вижу кинозвезду, которая выскочила за графа или герцога и делает честь своему новому положению. Ноги длинные и тонкие, как у газели, глаза много светлее, чем у силпойнтской породы, мерцали как два драгоценных камня миндалевидной формы. И ступала она так, будто ей принадлежал весь мир...

Дорин Тови

ISBN 5-7107-6614-3

9 795710 766148